

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Педагогический институт
Кафедра всеобщей истории

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И РОССИЯ

*Материалы IV Международной научно-практической
конференции*

13 ноября 2015 г.

Владимир 2016

ББК 63.3 (О)+60.033.15

УДК 94 (100)316.722

И90

Редакционная коллегия:

Лапшина И. К., доктор ист. наук, профессор

(ответственный редактор)

Захарова О. В., канд. ист. наук, доцент

(зам. ответственного редактора)

Печатается по решению редакционно-издательского совета ВлГУ

Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф, 13 нояб. 2015 г. / Владимир. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Педагогический ин-т, Кафедра всеобщей истории. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2016. – 148 с. – ISBN 978-5-9984-0727-7

Сборник содержит тексты докладов и сообщений участников IV Международной научно-практической конференции «Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия», проведенной кафедрой всеобщей истории ВлГУ имени А. Г. и Н. Г. Столетовых в ноябре 2015 г. Представленные материалы отражают современные подходы к изучению разнообразных тенденций цивилизационного развития Запада, Востока и России. В сборник включены исследовательские проекты студентов, специализирующихся по истории стран Запада и Востока.

ISBN 978-5-9984-0727-7

© ВлГУ, 2016

© Коллектив авторов, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К читателю</i>	6
 <i>Раздел I. Материалы международной научно-практической конференции «Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия»</i>	
<i>Ayris A.</i> «The Cathedral of Patriotism: The Political Sphere as Civil Religion's Public Church»	9
<i>Davis V.</i> 'Malaia Zemlia' as a War Myth	14
<i>Michelson, D., Schwartz, D.</i> Syriaca.org: New Digital Tools for the Study of the Medieval Middle East.	19
<i>Saclarides, T.</i> Brazilian and Orthodox? Negotiating Brazilian Identity in the Orthodox Church.....	23
<i>Алентьева Т.В.</i> Генри Клей – «великий умиротворитель».	26
<i>Аронина Н.В.</i> Новые тенденции в социальной действительности стран Африки: современная отечественная историография.	30
<i>Базин О.А.</i> Трансформация национальной идентичности Японии: от Востока к Западу.....	35
<i>Данилова В.Ю.</i> Актуальные проблемы Второй мировой войны в школьных учебниках по Всеобщей истории.	39
<i>Ерохин В.Н.</i> Представления об этничности и национализме в современной России.....	41
<i>Ионова Е.Н.</i> К вопросу о развитии среднего и высшего образования среди испаноязычного населения США в середине 1960-х – середине 1980-х годов.....	44
<i>Каркозашвили Н.Ш.</i> Диалог культур в англо-американских отношениях первой половины XIX века.	49
<i>Клюквин М.А.</i> Роль Корейского полуострова во внешней политике США после окончания Второй мировой войны.	53

Ковалёв М.А. Политический идеал Г. Болингброка: к вопросу о жанровой специфике «Короля-Патриота».....	56
Короткова С.А. Женщины-воительницы.	59
Красильщикова Т.В. Дебаты в 104-м конгрессе США по вопросу об образовании детей с ограниченными возможностями.....	63
Лапшина И.К. К вопросу о взаимодействии президента и Конгресса США по вопросам внешней политики при разделенном правлении.....	65
Некрасов А.А. Воображаемая Америка: образ США в массовом сознании россиян.....	69
Осяев А.Г. Параллели между судебной властью в Швеции начала XVIII века и современной правовой системой России.....	72
Рогачева Е.Ю. Поствоенные прогрессивные образовательные реформы в Германии и Японии (1945-1952 годы).	74
Рябинина Н.В. А.М. Колонтай и гендерная политика в Советской России в 1917-1920-е годы.	81
Скоробогатых Н.С. Австралийские джихадисты – кто они? (Исламский экстремизм в АС).....	86
Соколов А.С. Проблема французского золота в СССР (1937 г.).....	89
Филимонова М.А. Сэмюэль Сибири (1729-1796) – первый епископ в США.....	91
Черемных С.А., Макеев Д.А. Проблемы англо-египетских отношений 1882 – 1922 г. в арабской литературе.....	95
Щербаков В.Ю. Иностранцы ФРГ: проблемы интеграции и взаимоотношений с местным населением.....	100

Раздел II. Студенческая наука

Алексеева Е.В. Традиционная жизнь африканцев (по материалам путешествия В.Л. Камерона 1873-1875 годов) (Научный руководитель – к.и.н., доцент Н.В. Аронина).	106
Гусева Е.С. Правовое положение женщины в Саудовской Аравии в начале XXI века. (Научный руководитель – к.и.н., доцент Н. В. Аронина).....	109

Лычагина Е.С. К вопросу о тактике использования украинских националистов спецслужбами Германии в начале 1940-х годов. (Научный руководитель – д.и.н., профессор И.К. Лапшина).....	113
Матвеева Н.А. Правовой статус военнопленных в годы Второй мировой войны. (Научный руководитель – А.А. Ошмарин).	119
Модина Е.А. Роль Второй мировой войны в формировании международного механизма защиты объектов культурного наследия. (Научный руководитель – А.А. Ошмарин).	123
Мысина Е.В. Повседневная жизнь ливанцев в конце XIX века в восприятии писателя А.Е. Крымского. (Научный руководитель – к.и.н., доцент Н.В. Аронина).....	126
Орлов С.К. Развитие социального учения католической церкви в энциклике папы Пия XI «Quadragesimo anno» (Научный руководитель – д.и.н., профессор И.К. Лапшина).	129
Трунникова Н.К. Быт и нравы китайцев в XIX веке глазами И.А. Гончарова. (Научный руководитель – к.и.н., доцент Н.В. Аронина).....	135
Раздел III. ВУЗ и школа: первый опыт научных изысканий	
Кирюшчев И.О. Память о Второй мировой войне в фалеристике. (Научный руководитель - С.А. Курасов).....	140
Сведения об авторах	145

К читателю

13 ноября 2015 г. прошла IV Международная научно-практическая конференция «Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия», организованная кафедрой Всеобщей истории Педагогического института ВлГУ. В этом году наряду с традиционными направлениями работы, включающими вопросы взаимовосприятия Запада, Востока и России, демографических тенденций в современном мире, эволюции международной политики, модернизация политических структур и социальной политики в странах Запада и Востока и России и др. в год 70-летия Победы над фашистской Германией на обсуждение были вынесены проблемы Второй мировой/Великой Отечественной войны как события мировой истории и ее отражение в исторических документах и художественной культуре, а также личности в истории, привлекая неподдельный интерес исследователей и студентов.

В работе конференции приняли участие гости из НИУ «Высшая школа экономики», Института востоковедения РАН, Южного федерального университета, Ярославского государственного университета, Ивановского государственного университета, Рязанского государственного университета, Курского государственного университета, Курской академии государственной и муниципальной службы, Нижневартковского государственного университета, Рязанского государственного радиотехнического университета, Череповецкого государственного университета, Московского психолого-социального университета (Муромский филиал), учителя г. Владимира, аспиранты, студенты и учащиеся старших классов.

В 2015 г. расширилось число зарубежных участников. Свои доклады представили историки из Университета Вандербилт (Нэшвилл, штат Теннесси, США), Отделения истории Техасского университета A&M (Кол-

ледж-Стейшн, штат Техас, США), Лондонского университетского колледжа (Великобритания). Привлекут внимание их материалы относительно вопроса о национальной идентичности в православной общине Бразилии, о политической сфере «как национальном храме гражданской религии», новых цифровых средств для исследования средневекового Ближнего Востока, восприятию Малой Земли как военного мифа.

Особенностью этого года стало проведение кафедрой всеобщей истории накануне конференции 12 ноября 2015 г. Международного круглого стола по теме «Программа Фулбрайта и гуманитарное образование в России». В нем приняли участие директор Института международного образования и руководитель Программы Фулбрайта в Российской Федерации Джоэл Майер Эриксон, участники конференции – стипендиаты программы Фулбрайта из гг. Владимира и Москвы, а также стипендиат Программы Фулбрайта из США, проходившая стажировку в Муромском институте (филиале) ВлГУ Кейлин Лэнд. Они поделились интереснейшими сюжетами об истоках программы Фулбрайта в Советском Союзе, опытом стажировок и использовании их результатов в своей академической деятельности. Джоэл Эриксон осветил перспективы Программы Фулбрайта, выразив уверенность в дальнейшем плодотворном развитии международных академических проектов под ее эгидой в нашей стране.

Интерес и многочисленные вопросы у студентов вызвали пленарные доклады, посвященные образу США в массовом сознании россиян (докладчик – к.и.н., доцент ЯрГУ имени П.Г. Демидова А.А. Некрасов), проблеме интеллектуала и власти на примере деятельности Ральфа Дарендорфа (докладчики д.и.н., заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений ИвГУ В.Л. Чернопёров и д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений ИвГУ С.М. Усманов), А.М. Колонтай и гендерной политики в Советской России в 1917-1920-е

годы (докладчик – к.и.н., доцент ЯрГУ имени П.Г. Демидова Н.В. Рябини-на), а также «женщинам – воительницам (докладчик – к.и.н., доцент, НИУ-ВШЭ, департамента политической науки С.А. Короткова).

Результаты межвузовского конкурса исследовательских проектов по истории Великой Отечественной/Второй мировой войны, проведенного кафедрой всеобщей истории, были подведены на молодежном круглом столе по актуальным проблемам исторического знания, отдельные матери-алы которого также представлены в сборнике.

Значение данной конференции в научной жизни Владимирского гос-ударственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых было отмечено ректоратом, приветствовавшим участников в лице первого проректора, проректора по научной и инновационной работе ВлГУ В. Г. Прокошева, подчеркнувшего большую роль подобных мероприятий в развитии гума-нитарных наук в ВлГУ, в изучении всемирной и отечественной истории.

Надеемся, что представленные материалы будут интересны профес-сиональным историкам, студентам, аспирантам, учителям истории, всем кто интересуется проблемами современной исторической науки.

*Зав. кафедрой Всеобщей истории,
д.и.н., профессор И. К. Лапина*

*Раздел I. Материалы международной научно-практической конференции
«Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия»*

**THE CATHEDRAL OF PATRIOTISM:
THE POLITICAL SPHERE AS CIVIL RELIGION'S PUBLIC CHURCH**

Ayris, Alexander A.

*Vanderbilt University, Nashville, U.S.A
alexander.a.ayris@vanderbilt.edu*

In this paper, I would like to offer a critical examination of the concept of “civil religion” in America and how it functions in the political sphere. My thesis is twofold: one, civil religion in the political sphere mandates that religious particularity is subordinated to national unity; two, the political sphere is itself a kind of church for civil religion. This is what I am terming “the cathedral of patriotism”.

Civil religion is truly a double-headed eagle, showing up in both the church and state in different forms. Anyone who has been in Christian church services held on or near a national holiday, such as Veterans Day or Memorial Day, has likely witnessed explicit acts of patriotism, such as saying the Pledge of Allegiance, in a designated sacred space. Simultaneously, the national motto of the United States is, “In God We Trust”. Therefore, asking, “To what extent is the political sacralized and the sacred politicized?” may result in falling down a rabbit hole, but it is still a question worth asking.

The Frenchman Alexis de Tocqueville in his book “Democracy in America” described the relationship between the state and religion in the United States in the following terms: “The greatest part of British America was peopled by men who, after having shaken off the authority of the Pope, acknowledged no other religious supremacy: they brought with them into the New World a form of Christianity which I cannot better describe than by styling it a democratic and republican religion; ... from the beginning, politics and religion contracted an alliance which has never been dissolved” [7: 167].

Tocqueville’s expression of “a democratic and republican religion” was and is a fitting description of the religio-political landscape in America. Tocqueville’s written observations can be found in American art and popular culture, even before he penned his description. George Washington provides an excellent historical test case. Scholars have noted that by the time Washington died in 1799, he was already so enshrouded in mythology that even his

contemporaries had a hard time separating the man from his gargantuan reputation. Robert Hay's 1969 article, "George Washington: American Moses", highlighted the many ways in which Americans portrayed the legendary general and first U.S. President as a second Moses. After Washington's death, preachers frequently eulogized Washington as exactly that, for example: "...Kind Heaven, pitying the abject and servile condition of our American Israel, gave us a second Moses, who should, (under God) be our future deliverer from the bondage and tyranny of haughty Britain" [3: 783]. In the image "The Apotheosis of George Washington" (1802), we can see Washington physically being lifted out of his tomb by a bearded figure representing Time and another female figure representing Immortality. What is perhaps most striking in the second image are the similarities between it and popular representations of the resurrection of Christ.

Many saw in the unprecedented destruction of lives and property of the Civil War something mystical taking place, what we today might call the birthing of a fully functioning, truly national, American civil religion. Some – including soldiers, clergy, and, most notably, Abraham Lincoln – began to posit a moral high ground in the creation of a powerful national or "civil" religion. As the Civil War progressed onto increasingly eroded moral ground, something transformative simultaneously took place that would render the war the defining phenomenon in American history. Patriotism itself became sacralized to the point that it enjoyed coequal or even superior status to conventional denominational faiths [6: XVII – XVIII].

Robert Bellah observed that dominant motif of the Revolutionary period, the Exodus, was replaced in the Civil War by a different religious theme: death, rebirth, and sacrifice. These notions were permanently engraved on the minds of Americans after Lincoln's assassination [1: 47–48], a veneration still felt by many Americans today. One can readily observe the motif of sacrifice in Lincoln's Gettysburg Address, delivered on Nov. 19, 1863, after the famed and bloody battle on the field of the same name. Though the speech itself is quite short, Lincoln articulated the idea of atoning sacrifice at least twice [4]. Lincoln's historic speech unequivocally declared that the soldiers who died at Gettysburg (and presumably all soldiers who had died thus far in the Civil War) were offering themselves as some sort of atonement.

The words and acts of the founding fathers shaped the form and tone of the civil religion as it has been maintained ever since. Though much is selectively derived from Christianity, this religion is clearly not itself

Christianity. The God of the civil religion is not only rather “unitarian”; he is also on the austere side, much more related to order, law, and right than to salvation and love. Even though he is somewhat deist in cast, he is by no means simply a watchmaker God. He is actively interested and involved in history, with a special concern for America [1: 45 –4 6].

Neither this civil religion is it a substitute for Christianity, for there is “an implicit but quite clear division of function between the civil religion and Christianity”. Christianity has its role, and so does the state; the overlap is in the private but still widely held religious views of those in power [1: 46]. This means that the private religion of many of the 20th–21st centuries U.S. presidents became a public matter when they ran for public office and entered the Cathedral of Patriotism.

Below, a qualitative analysis is offered of the historic speech given by Barack Obama when he was confronted about his religious particularities.

On March 18, 2008, Illinois Senator and Democratic presidential candidate Barack Obama delivered a speech titled, “A More Perfect Union”. The thrust of this speech was to address mounting criticism for his association with the Rev. Jeremiah Wright after video surfaced of inflammatory remarks made by Rev. Wright in previous sermons (most notably the infamous “God damn America”). The main thrust of Obama’s speech is that the ideal of equality, embedded in the U.S. Constitution, is not yet fully realized. He stated that the document created by the founding fathers was “stained” by the “original sin of slavery”[8]. The words on parchment (i.e. the Emancipation Proclamation) would not be enough to actualize freedom for all peoples. What was necessary, he continued, was Americans who were willing to do their part, whether in civil war or civil rights, “to narrow that gap between the promise of our ideals and the reality of their time”.

Obama, like Kennedy and Romney, directly addressed critics who demanded something from them they were not willing to give. For Kennedy and Romney, this was departing with their own religious convictions. For Obama, this was a severing of his personal relationship with Rev. Wright. And like Kennedy and Romney, Obama refused. He stated that he has already “condemned, in unequivocal terms” the statements of Wright. Yet Obama reproached Wright for his belief that white racism is “endemic” to America, for elevating “what is wrong with America above all that we know is right with America,” and blaming Israel and its allies for conflict in the Middle East instead of rightly blaming radical Islam. But Obama refused to abandon Rev.

Wright because the Wright that the American public knows is not the Wright that he knows: “The man I met more than 20 years ago is a man who introduced me to my Christian faith, a man who spoke to me about our obligations to love one another, to care for the sick and lift up the poor. He is a man who ... who for over 30 years has led a church that serves the community by doing God’s work here on Earth – by housing the homeless, ministering to the needy, ... reaching out to those suffering from HIV/AIDS”. Here Obama made his first appeal to civil religion by casting Rev. Wright as an adherent of it. The Rev. Wright that Obama knows teaches the universal obligation of loving one another and caring for those less fortunate. He is a patriot and an intellect, and a man who ... carries out God’s will on earth. Obama recounted his personal relationship with Wright as the man who not only led him to his faith, but also married him and baptized his children. This is why Obama cannot disown him.

Obama’s highlighting of how past systems, in particular Jim Crow, have left a legacy of racial disparity in America gave him the opportunity to comment on the state of the American public church: “The fact that so many people are surprised to hear that anger in some of Revered Wright’s sermons simply reminds us of the old truism that the most segregated hour of American life occurs on Sunday morning”.

Obama contended that the resentment and anger that exists between white and black communities causes distraction from the pressing issues that need to be addressed. This “racial stalemate,” which has been in America for years, can and must be overcome. It won’t happen quickly, but it can happen. And here is where Obama’s speech begins to take on more distinctly religious rhetoric: “But I have asserted a firm conviction – a conviction rooted in my faith in God and my faith in the American people – that, working together, we can move beyond some of our old racial wounds, and that in fact we have no choice if we are to continue on the path of a more perfect union”.

Obama’s anthropology is certainly optimistic and indeed it must be, for it is the basis of his contention that the racial divide and the real issues can be overcome. Each American must realize that achieving their own dreams does not have to come at the expense of others’ dreams. When all is said and done, this is an expressly religious notion: “In the end, then, what is called for is nothing more and nothing less than what all the world’s great religions demand – that we do unto others as we would have them do unto us. Let us be our brother’s keeper, scripture tells us. Let us be our sister’s keeper. Let us find that common stake we all have in one another, and let our politics reflect that spirit as well”.

Obama closed with the moving story of “Ashley” and the solidarity of an older black man with her hopes to bring about change to health care. The recognition that Ashley received was not enough to bring about permanent change, but it is a place to start. While the story of “Ashley” is important for understanding Obama’s political platform, it is how he introduced the story that is important for our purposes: “There is one story in particular that I’d like to leave you with today – a story I told when I had the great honor of speaking on Dr. King’s birthday at his home church, Ebenezer Baptist, in Atlanta.” Obama’s descriptor, “a story I told when I had the great honor of speaking on Dr. King’s birthday at his home church, Ebenezer Baptist, in Atlanta,” is not at all necessary to understanding the story or even its importance for Obama’s political platform, but it is a skillful rhetorical move. In this phrase, Obama claimed solidarity with an enormous percentage of the population, for he appealed to civil rights and civil religion in a single move.

It is true that Obama’s “A More Perfect Union” was much more geared towards race than religion. However, civil religion is certainly not absent from the speech, but rather takes on a racialized tone. His repeated insistence that true change can be brought about is rooted in the proverbial “golden rule.” Journalist Charles Pierce observed, “He [Obama] spoke in the language of national racial unity the way Kennedy had spoken of religious diversity, as an essential part of the country’s better nature [5]”. Radical and racialized religion is what prompted the speech by Obama, and he responded by pointing away from suspicions and criticisms about religious particularity and highlighting issues that are common to national self-interest. This, at its core, is what civil religion is all about.

However, Obama’s attempts to distance himself from Rev. Wright without severing the relationship ultimately proved futile. The Obama family resigned their membership from Trinity Church in May 2008, which was then (and now) under the leadership of Rev. Otis Moss, III, due to the pressures and criticisms from his relationship with Rev. Wright. Because of Rev. Wright’s inflammatory language, Obama was forced to cut ties with the man (and not just his message) in order to be a “viable” presidential candidate. Americans were not willing to forgive someone who had said, “God damn America.” This is an important point, for those infamous three words, regardless of context, are the antithesis of civil religion. In the Cathedral of Patriotism, Rev. Wright had uttered blasphemy. Therefore, Obama had to sacrifice his personal conviction on the altar of civil religion in order to be “electable” by the American people.

As a presidential candidate, Obama publicly appealed to “civil religion” in order to make himself “viable” leaders in the eyes of the public. And each did this by subordinating their religious particularity to national unity.

Reference.

1. Bellah, Robert. Civil religion in America // *Daedalus*. Vol. 134. No. 4 (Fall, 2005).
2. Gardella, Peter. *American Civil Religion: What Americans Hold Sacred*. Oxford, 2014.
3. Hay, Robert. George Washington: American Moses // *American Quarterly*. Vol. 21. No. 4 (Winter, 1969).
4. Lincoln, Abraham. The Gettysburg Address, Nov. 19, 1863. <http://voicesofdemocracy.umd.edu/lincoln-gettysburg-address-speech-text>.
5. Pierce, Charles. Can Political Speeches Make A Difference? http://www.boston.com/bostonglobe/magazine/articles/2009/01/11/just_words/?page=full>.
6. Stout, Harry. *Upon the Altar of the Nation*. London, 2007.
7. Tocqueville, Alexis, de. *Democracy in America // Major Problems in American Religious History*. Cengage, 2013.
8. Transcript: Obama’s Speech on Race. <http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=88478467>>.

'MALAIA ZEMLIA' as a WAR MYTH

Vicky Davis

London University College, Great Britain

e-mail: davisvicky@btinternet.com

In the wintry early hours of 4th February 1943, a modest fleet of small craft escorted by two motor torpedo boats approached the shore of Tsemes Bay under cover of darkness and a thick smoke-screen. Before daybreak, 630 Red Army marine infantry troops had landed on the beach at Stanichka just outside the occupied Soviet Black Sea port of Novorossiisk. The beachhead of Malaia zemlia was held for seven months, until the town was liberated on 16th September 1943. My research involves the construction and dissemination of the myth of Malaia zemlia, while this paper examines the theoretical concept of a war myth.

Classical war myths are often found in the cultures of ancient civilizations, for example tales of the Trojan War, which, according to archaeologists, could have taken place as early as the twelfth century BC. Awash with powerful gods and fearless heroes, myths and legends grew up around the protracted siege of Troy by the Greeks, enduring to the present day. Modern war myths may superficially have something in common with the legends of antiquity: just like the Greeks, the Malaia zemlia campaign had its own small fleet and tenacious heroes. The classical legends were traditional narratives often simplifying the subject and representing a people's shared system of morality and common heritage. Oral propagation was the norm until Homer's epic poem, the Iliad, brought together various existing versions of the siege of Troy and other exploits, many hundreds of years after the events. In Russian culture, the tradition of epic poetry is much more modern, but the process of oral myth-making is described by Mikhail Lermontov in his poem about the legendary Battle of Borodino against Napoleon in 1812.

Myths about ancient Greece or the Napoleonic wars took centuries to mature. From the point of view of the speed and scope of propagation, it is impossible to compare classical myths and legends with their modern counterparts. Malaia zemlia became a myth almost before its time, featuring in military newspapers even as the campaign was being waged. Nevertheless, all myths present a narrative about a significant event in the past, often at a turning point in history, a coherent message disseminated down the generations, which tells the audience about the characteristics of the participants and helps to forge the identity of their descendants. This narrative represents collective memory of the event, distilled and simplified from possibly disparate original accounts for ease of remembering and effective transmission. The current understanding of the term 'myth' by scholars is clearly expressed by John Ramsden:

Historians [...] use 'myth' to denote the way in which memories of the past have been selectively organised, an agreed version of the past that explains how a people came to be what they believe themselves to be in the present. [4].

Malcolm Smith uses the word in the context of the myth of 1940 in Britain to mean 'a widely held view of the past which has helped to shape and to explain the present' [5]. These three definitions show that, in order to survive, a myth must have utility in the present. The narrative is usually the property of victors, proud of their courageous ancestors, with the implication that their heroic characteristics are transmitted across the generations to their descendants

today. A story that portrayed a people in a negative light would have no future: it is the positivity inherent in war myths that ensures their continuing popularity.

My definition of a war myth is therefore 'a shared and simplified narrative of the past with utility in the present thanks to its enduring emotional and moral appeal'. This says nothing about the agency of propagation of a myth, but acknowledges that it helps to support memory and keep it alive for future generations, as both the product and the process of remembrance. In essence, a myth is a narrative developed to portray a people in its best light, often depicting characters overcoming huge odds to win in the end. As such, a war myth may be exploited by a ruling élite to boost the morale of the population, often giving meaning and order to a difficult and chaotic period. For example, the martyrdom in wartime evident in the ancient legend of the siege of Masada was revived in the 1920s by Zionist intellectuals and is still invoked today in modern Israel.

The local myth of Malaia zemlia offered an ideal political tool to the Soviet élite of the Brezhnev era, thanks to its simple ingredients of a town occupied by the enemy, the daring night-time landings by a handful of men and its defence against all odds until the positive climax of the liberation. Added to this was the presence of the charismatic future General Secretary, Leonid Brezhnev, on the beachhead. With details of thousands of Soviet deaths, alleged collaboration and betrayal strategically omitted, here was a narrative ripe for exploitation by the state within the meta-narrative of the war. Like the overriding national war myth, it focused on the simple facts of the invasion by the deceitful enemy and the struggle of the people against all odds under the guidance of the Communist leadership, until victory was finally won.

The past offers a potent ideological tool, which can be used to reinforce social cohesion and stability by reminding a people of their national or local identity. A myth may help a nation or community to make sense of the past, and leaders to justify present actions, by deploying a simple code, which taps into the patriotic pride of the population. A modern war myth is much richer than just agreed collective memory due to the inclusion of its own special tropes, rituals and symbols. The coded language in which it is often expressed, full of emotional imagery and local significance, is commonly appropriated by individuals. Where those more familiar with the Western front may still speak of the 'Dunkirk spirit' in reference to the solidarity of troops in mortal danger and those who went to save them, the people of Novorossiisk have their own set phrases which continue today, for example 'the sacred land soaked in blood'. Rather like Dunkirk, the very name of Malaia zemlia can convey the motivating

emotional message of small numbers stranded on the beach in the face of a strong enemy holding the upper ground. The word *zemlia* (land) has connotations of dry land as seen from the sea, a land inhabited by compatriots, *zemliaki*, rather than the foreign invader. The expression *Malaia zemlia* hence gives the impression of an island, a small homeland, while the rest of Soviet territory was referred to as *Bol'shaia zemlia* (the Large Land). The implication was that ordinary people lived on the mainland, while *Malaia zemlia* was set apart for occupation by an heroic species, the *Malozemel'tsy*, the troops fighting on *Malaia zemlia*. The heroic troops and the ground on and for which they fought are clearly more important features of the myth than the intricacies of the battle itself. It also helps a myth to have one specific and common enemy, in this case the 'fascist occupiers', who may be targeted by leaders past and present, possibly to deflect criticism from themselves in a process of unification of the people. Once cleansed of the enemy, the new town of Novorossiisk rose from the ashes of the old and the war narrative of *Malaia zemlia* took on the properties of a foundation myth.

Although nobody would expect a modern war myth to refer to fictitious gods or a snake-haired gorgon, myths may be confused with legends and deemed by some to be false representations of the past. By virtue of their collective compilation, myths may inevitably lose some of the historical detail in the simplification process; moreover, myths compiled gradually will contain only those elements deemed to have current or future utility. Any small historical inaccuracy is not too important for the self-perception of a community, as long as the overall narrative is unambiguous and broadly based on fact. In the hands of Soviet propaganda experts myths were often barely related to the original event: many inaccuracies may certainly be found in Brezhnev's memoirs, which were well crafted stylistically but not entirely truthful. Urban legends, the contemporary counterpart of traditional myths, are also present in today's Novorossiisk. A myth is therefore better perceived as a corpus of tradition, a community's cultural heritage, rather than historical fact or fiction.

The academic subject of war myth may be examined within a range of paradigms and with a variety of aims. There is much to be gained from a consideration of scholarship on the myth of 1940 in Britain, demonstrating different possible approaches to studies of collective memory of the Dunkirk evacuation, the Battle of Britain and the London Blitz. On the one hand, Clive Ponting acknowledges his aim of exposing the historical facts obscured by what he claims is a deceptive myth, untruthfully propagated from above [3]. This

approach assumes a myth to be a false representation, thus privileging 'real' history as an objective discipline over the perceived fabrications existing as collective memory and cultural tradition. Angus Calder, on the other hand, contests Ponting's assertion that the myth of the Blitz was the product of a deliberately misleading top-down propaganda campaign. Calder may challenge the finer points of the myth, but accepts the need for its promotion, arguing that its dissemination motivated people to behave as the myth suggested, bringing into question not only the genesis but also the subsequent appropriation and ownership of the myth [1]. This approach emphasizes the traditional behavioural values promoted by the myth of an heroic people, also evident in the Soviet and post-Soviet stress on *vospitanie*, the moral education that ensures the continuation of such desirable national characteristics.

A different paradigm, less confrontational than Ponting's, is adopted by Malcolm Smith, who sees little value in a debunking exercise and seeks to study the myth as a social construction in its own right, a conception of the past that stands in need of scholarly explanation in order that its effect on the present may be understood [5]. Smith's exploration of the historical evolution and cultural influence of the myth as it was incorporated into everyday life is usefully developed by Mark Connelly, who sees the study of myths as vital in revealing how people relate to the past [2]. It is this final approach which I chose to adopt in my analysis of the culturally specific myth of Malaia zemlia - not attempting to undermine or expose its falsity, but rather seeking to understand and explain the myth as the contemporary heritage of cultural politics from the Brezhnev to the Putin era.

Soviet citizens lived in a myth-making culture where information was often difficult to come by and media reports were sometimes taken with a pinch of salt. My research focuses on the complex relationship between historical facts and myth-making, whereby a narrative is constructed sometimes after agreed negotiation and sometimes by imposition from above. Although my evidence suggests that the events relating to the myth of Malaia zemlia are based largely on historical fact, it does not really matter if all aspects of the myth are entirely true. The important thing is that the people of Novorossiisk widely accept this myth as part of their social and cultural background; it helps them to make sense of their local history with an emotional and moral appeal lacking in the dry detail of the history text-books.

Reference.

1. Calder A. *The Myth of the Blitz*. London, 1991.
2. Connelly M. *We can take it! Britain and the memory of the Second World War*. Harlow, 2004.
3. Ponting C. *1940: Myth and Reality*. London, 1990.
4. Ramsden J. *Myths and Realities of the "People's War" in Britain // Experience and Memory: The Second World War in Europe*. New York and Oxford, 2010. P. 40, 52.
5. Smith M. *Britain and 1940: History, myth, and popular memory*, New York: Routledge, 2000, p. 2.

**SYRIACA.ORG: NEW DIGITAL TOOLS FOR THE STUDY
OF THE MEDIEVAL MIDDLE EAST**

Michelson, David A.

Vanderbilt University, Nashville, U.S.A.

david.a.michelson@vanderbilt.edu

Schwartz, Daniel L.

Texas A&M University, College Station, U.S.A.

daniel.schwartz@tamu.edu

Syriac is a dialect of Aramaic once spoken by populations stretching across the Middle East and central Asia. For much of the first millennium C.E., Syriac served as a lingua franca used in travel, trade, and religious culture from the Eastern coast of the Mediterranean to beyond the Iranian plateau. Even after the Arabization of the Middle East, Syriac literature and networks of Syriac-speaking scholars served as a cultural bridge between the Greek world of Byzantium and the Arab courts of the Islamic states. Today, perhaps more than ten thousand manuscripts or manuscript fragments written in Syriac survive, with a wide range in geographic origin stretching from Syria, the Levant, and Egypt to Iraq, Iran, western China and South India. Some of these manuscripts are over 1500 years old and many offer unique sources for Middle Eastern and Asian history. These Syriac materials provide unparalleled sources for political and cultural history from the upheavals of the Roman Empire through the end of Ottoman rule and even the tumults of the modern Middle East. Syriac sources also document key moments in the development of Judaism, Christianity, and Islam. These materials are of interest to scholars in a variety of humanities

fields: Middle Eastern studies, classics, medieval history, religious studies, and linguistics.

Unfortunately due to a lack of reference works, today only a small number of academic specialists are familiar with Syriac cultures and literature. Moreover, even these specialists encounter significant obstacles in accessing Syriac materials. To document Syriac sources better and make them accessible for study, scholars at Vanderbilt University, Texas A&M University, Marquette University and Princeton University have created Syriaca.org (www.syriaca.org), a collection of online reference works for use by specialists, scholars in all fields, and the interested public. This article presents a brief overview of the publications of Syriaca.org.

The principal objectives of Syriaca.org project are threefold: to compile and classify core data related to the study of Syriac sources, to create digital tools for widely disseminating these data (beyond the field of Syriac studies) and facilitating further research, and to create an online hub (cyberinfrastructure) to link together and organize current and future research related to sources in Syriac.

In pursuit of these goals, Syriaca.org compiles core data for seven types of historical information:

- persons (including authors, saints, unnamed persons, and corporate entities), e.g., Ephrem the Syrian;
- literary Works, e.g., the *The Life of Abraham Quidounaya* by Ephrem the Syrian;
- places, e.g., Edessa;
- manuscripts, e.g., British Library Manuscript Add. 14,451;
- physical Objects, e.g., Mosaic of Orpheus Taming Wild Animals;
- bibliographic Items (modern publications), e.g., J. Lebon, *Le monophysisme Sévérien* (1909);
- subject Headings (thematic keywords related to Syriac studies), e.g., Asceticism.

Each piece of data is assigned a unique identifier (URI) to facilitate disambiguation and linking. Syriaca.org combines the use of URIs for historical data with the semantic power of TEI XML, a data format. TEI (Text Encoding Initiative) offers a robust vocabulary of over 500 XML elements (classification terms) for describing data from historical texts. Through its use of both linked open data and XML, Syriaca.org builds reference works that can be searched by both human and machine queries.

To date, Syriaca.org has published or has in preparation seven digital publications: The Syriac Gazetteer, The Syriac Biographical Dictionary, A Guide to Syriac Authors, Qadishe (a guide to Syriac Saints), Bibliotheca Hagiographica Syriaca Electronica (a guide to Syriac hagiographic texts), SPEAR: Syriac Persons Events and Relations, and A Digital Catalogue of Syriac Manuscripts in the British Library. An eighth publication, A New Handbook of Syriac Literature, is in the planning stage. Each publication shares a common digital format and is linked together using the unique identifier system assigned to each entity (URI). This linked data structure allows users to trace relationships and networks across the data of all seven publications. A brief description of each publication is given below.

The Syriac Gazetteer (<http://syriaca.org/geo/>), published in 2014, contains a geographical reference work concerning places relevant to Syriac studies. It is growing from an initial publication of nearly 2,500 place records. Both the scholarly community and international bodies charged with preserving cultural heritage have already recognized the value of this resource. In response to the current crises in Syria and Iraq, the British and European Blue Shield monitor organizations invited Syriaca.org to contribute data about cultural heritage sites in need of protection.

Forthcoming in 2015, the Syriac Biographical Dictionary (eds. David Michelson, Jeanne-Nicole Mellon Saint-Laurent, Thomas Carlson, Nathan Gibson) will offer a directory and authority record for all Syriac persons of note including Authors and Saints (two subcategories of person which will also appear in a separate reference publication with further information). In addition to authors and saints, we anticipate that this database would provide a URI for other persons of interest such as scribes, clergy, patrons, rulers, modern persons and scholars, and any other persons of interest to Syriac studies. At present we have over 1500 persons in the draft dictionary.

Forthcoming 2015, A Guide to Syriac Authors (eds. David Michelson, Thomas Carlson, Nathan Gibson), offers a necessary precursor toward a new handbook of Syriac literature. The current draft includes entries concerning over 800 authors (almost double the number of authors currently included in the previous standard reference work for Syriac authors which was published in 1922).

Gateway to the Syriac Saints consists of two volumes: Qadishe: A Guide to the Syriac Saints (eds. Jeanne-Nicole Mellon Saint-Laurent and David Michelson) (Vol. 1) and Bibliotheca Hagiographica Syriaca Electronica: A

Guide to the Lives of the Syriac Saints (Vol. 2), with publication scheduled for 2015. The draft of this work contains entries on over 500 saints and 1800 works of hagiographic literature (approximately triple the number of entries of the existing guides to Syriac hagiography).

Syriac Persons, Events, and Relations (SPEAR) (ed. Daniel L. Schwartz) is a prosopographical reference work designed to provide information about persons and their relationships within the context of historical events. This online prosopography will be the first ever created with a specific focus on Syriac texts. Because SPEAR will contain new data about people in Syriac texts (their name or names, dates, important events, ethnic identity, language, education, people to whom they wrote letters, religion, vocation, etc.), it will significantly increase our knowledge of the ancient and medieval world.

A Digital Catalogue of Syriac Manuscripts in the British Library (ed. David Michelson). To gather much of the author, work, place, and person data for the creation of our authority files, we digitized William Wright's 19th-century catalogue of Syriac Manuscripts in the British Library and have updated it with linked data from Syriaca.org.

A New Handbook of Syriac Literature (ed. Nathan Gibson and David Michelson). Although Syriac literature represents one of the largest corpora of literature from the late antique Middle East, we currently lack an up-to-date reference guide to Syriac literature. A future publication planned by Syriaca.org, a New Handbook of Syriac Literature, will be a digital tool that will begin to fill that scholarly void. In the first edition, the Handbook will provide title authority records and URIs for all works of Syriac literature contained in the Syriac manuscript collection of the British Library. The British Library contains the largest and perhaps best catalogued collection of Syriac manuscripts in the world and thus presents an ideal starting point for creating title authority records. We estimate that these 1100 manuscripts will yield approximately 2000 unique titles (at present there is too much disambiguation work yet to be done to give a more precise estimate).

Syriaca.org benefits a variety of users through its versatile structure. For students and the interested public, it provides access to basic reference information about the historical, cultural, and religious diversity of the Middle East. For academics, Syriaca.org can generate interest in Syriac sources by making research in the field accessible both to scholars of Syriac and to academics unfamiliar with the language. Finally, the digital discovery tools created by Syriaca.org offer specialists new means of digital analysis,

conceptualization, and visualization. In sum, Syriaca.org offers new access to significant but obscured aspects of Middle Eastern history and culture.

License:

This work is copyright 2015 by David A. Michelson and Daniel L. Schwartz and licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International license.

BRAZILIAN AND ORTHODOX? NEGOTIATING BRAZILIAN IDENTITY IN THE ORTHODOX CHURCH

Saclarides, Theodora K.

Vanderbilt University, Nashville, U.S.A., theodora.k.saclarides@vanderbilt.edu

The purpose of this work is to present a history of Orthodox evangelism in Brazil and the potential future of a Brazilian Orthodox Church, given the lack of literature published on this topic. Historically, the Eastern Orthodox Church was established in the Americas due to immigration that began in the mid 19th century [6: 127]. Upon arriving in Brazil, the first institution established by Greek, Russian, Ukrainian and Syrian-Lebanese immigrants was the Orthodox Church. Most immigrants settled in the southeastern and southern states of Brazil [7: 2].

In the 1960s and 1970s, the growth of the Orthodox Church in Brazil reached its pinnacle. However, the number of Orthodox Christians in Brazil subsequently decreased due to the end of the immigration and the departure of many faithful from the Church [8: 164]. Younger generations of Orthodox Christians left the Church because they no longer identified with their ethnic heritage. Orthodox Christian youth did not learn the native tongue of their extended family; consequently, they could not understand the language in which liturgical services were performed. In addition, mixed marriages impeded the growth of the Orthodox Church. Ultimately, ethnic Orthodox clergy had no experience performing missionary work amongst people from different ethnic backgrounds [8: 168].

Nevertheless, many Orthodox Christian youth in Brazil today are not descendants of immigrants, but are native Brazilians who have discovered the Orthodox faith through the evangelism of the Antiochian Orthodox and Ukrainian Orthodox Churches. In 1938, the Holy Synod of the Antiochian

Orthodox Church decided that liturgical services should be performed in the language native to the country where the church resides [8: 168]. Consequently, the Antiochian Orthodox Church in Brazil is able to reach a wider audience by performing liturgical services in Portuguese. The Ukrainian Orthodox Church, which has lost many faithful to the Greek-Byzantine and Roman Catholic Churches, has made similar efforts to evangelize and has reached some measure of success in Curitiba, Brazil [8: 166]. Whereas Antiochian and Ukrainian Orthodox Churches are receptive and willing to evangelize, the Greek and Russian Orthodox Churches in Brazil have traditionally been more exclusive, insulated, and have not invested in their future generations [4].

Apart from evangelism, Orthodox Christianity in Brazil has proliferated due to Orthodox missions established by native Brazilians. The development of the first Orthodox Church established by native Brazilians in 1986 is one such example. In the 1970s, a counter-cultural movement in Brazil strongly contested traditional institutions and sought new spiritual expressions. Consequently, an orientalist movement emerged and the study of Taoism, Buddhism, Islam, and Zen Buddhism proliferated in Brazil [3]. Within this movement, two groups of Brazilian intellectuals based in Recife, Pernambuco and Rio de Janeiro were interested in this spiritual search. They devoted themselves to the study of cosmology, metaphysics, symbolism, and mythology amongst other disciplines [8: 61].

In September of 1985, a Portuguese journalist named Antonio Carlos Carvalho was invited to deliver a lecture about Orthodox symbolism and tradition in Rio de Janeiro. Antonio Carlos Carvalho was already well known amongst these intellectuals because he translated René Guenon's works (a French metaphysicist) into Portuguese [2]. Antonio Carlos Carvalho, also known as Archpriest Athansius, was also a priest of the Orthodox Church in Portugal. It was through these lectures that these Brazilians discovered Orthodox Christianity. In December of that same year, Archpriest Athanasius returned to Brazil to teach courses about Orthodox Christianity. These Brazilian intellectuals began to study Orthodoxy, which for them quickly surpassed their interest in other spiritual expressions [8: 61].

Due to their growing interest, Metropolitan Gabriel of Lisbon extended an invitation to the Brazilians to visit Portugal in June of 1986. Part of this group visited and stayed in the Orthodox Monastery in Mafra, Portugal, coming to know firsthand the tradition of the Orthodox Church. They were consequently baptized in the Orthodox Church in Portugal [8: 62]. Upon requesting that

Metropolitan Gabriel send a priest to Brazil, he instead decided that it was necessary for the Church to be local. Thus, Metropolitan Gabriel ordained two of these Brazilian intellectuals as priests: Father Paulo, who was Eduardo Maia, and Father Alexis Peña-Alfaro. Metropolitan Gabriel also ordained two sub-deacons and gave them the mission to establish the Orthodox Church in Brazil for the Brazilian people [2].

Upon returning to Brazil, Father Paulo and Father Alexis baptized others members within their group; most members agreed to be baptized without ever having attended the Divine Liturgy. At the end of July 1986, seven people were baptized in Rio de Janeiro and on August 8, 1986, twenty-five people were baptized in Recife [8: 63]. These baptisms continued to proliferate and were followed by the establishment of several Orthodox missions in Pernambuco and Rio de Janeiro. Orthodox monasteries were also founded in Pernambuco and Paraíba. Although these missions were originally under the non-canonical jurisdiction of the Portuguese Orthodox Church, today the Orthodox missions and monastery in Pernambuco are under the canonical jurisdiction of the Serbian Orthodox Diocese of Buenos Aires. The Orthodox missions in Rio de Janeiro and the monastery in Paraíba are currently under the canonical jurisdiction of the Polish Orthodox Diocese of Rio de Janeiro and Olinda-Recife [1].

Despite the evangelism promoted by native Brazilians, ethnic Orthodox Christians often do not accept them as converts. For example, his Eminence Metropolitan Tarasios of the Greek Orthodox Church has stated that the canonical situation of the Orthodox missions in Pernambuco and Rio de Janeiro are not correct because there are neither Serbians nor Polish descendants in these respective communities [8: 178]. Furthermore, others have dismissed the idea that Brazilians are capable of converting and belonging to the Orthodox Church because they are supposedly ecumenical and syncretistic [3].

Does the Orthodox Church have a future in Brazil? Its future depends on promoting Brazilian inclusion in an institution that has traditionally fostered an immigrant identity. To accomplish this, Father Pedro Siqueira of Holy Trinity Monastery in Recife expressed the need to establish an Orthodox seminary in South America in conjunction with all the Orthodox jurisdictions in order to form priests and missionaries who in turn will be equipped to attend to ethnics and native Brazilians. There are no Orthodox seminaries that use Portuguese or Spanish to teach theology [8: 169]. Therefore, full knowledge of Greek, Arabic, English or a Slavic language is required for those who wish to apply for a theological education abroad [5]. Consequently, over the last century there has

been a dearth of clergy in South America as a whole. Alternatively, Bishop Ambrósio of Recife has argued for the future establishment of a Brazilian Orthodox Church. According to Bishop Ambrósio, Brazilian Orthodox parishes would be best equipped to serve converts and to receive new generations of Orthodox Christians who no longer identify themselves by their immigrant heritage, but consider themselves to be Brazilians.

Reference.

1. Bishop Ambrosio of Recife. Personal Interview. 25 June 2015.
2. Father Alexis Peña-Alfaro. Personal Interview. 7 June 2015.
3. Father Rafael Queiroz. Personal Interview. 20 June 2015.
4. Father Pedro Siqueira. Personal Interview. 16 June 2015.
5. Leonardo Arroyo Freitas Arroyo. Personal Interview. 26 June 2015.
6. Loiacono, Mauricio. A Igreja Ortodoxa no Brasil // Revista USP. No. 67 (setembro/novembro 2005). P. 116–131.
7. Pitts Jr., Montie Bryan. Forging Ethnic Identity Through Faith: Religion and the Syrian-Lebanese Community in São Paulo. MA Thesis. Nashville, 2006.
8. Siqueira, Father Pedro. Contribution to the History of the Orthodox Church in South America. MA Thesis. South Canaan, 2010.

ГЕНРИ КЛЕЙ – «ВЕЛИКИЙ УМИРОТВОРИТЕЛЬ»

Т.В. Алентьева

Курский государственный университет, г. Курск, РФ, alenttv@mail.ru

Генри Клей – выдающийся американский политик, блестящий оратор, один из наиболее ярких лидеров партии виггов вошел в историю как «мастер компромиссов», вся свою жизнь борющийся за сохранение Союза и примирение противоречий между Севером и Югом. Семь раз он избирался в палату представителей Конгресса США, с 1825 по 1829 гг. занимал пост госсекретаря, неоднократно был сенатором, трижды баллотировался на пост президента США в 1824, 1832 и 1844 гг., но все три раза проиграл выборы. В отечественной американистике личность и взгляды Клея привлекали внимание Г.А. Дубовицкого, М.А. Власовой, Т.В. Алентьевой, но все же изучены недостаточно. В американской исторической науке существует огромное множество биографических исследований, посвященных Клею. Особо отметить фундаментальное исследование М. Холта, посвященное виггской партии и ее лидеру, а также обстоятельную монографию известного историка Р. Ремини [1,2,3].

Генри Клей родился в 1777 г. в округе Ганновер штата Виргиния. Его отец был плантатором средней руки, владевшим 22 рабами. Он умер, когда Генри было всего 4 года. Но его мать снова вышла замуж и отчим помог пасынку получить хорошее образование. В Ричмонде (Виргиния) Клей изучал право и получил лицензию адвоката. В дальнейшем его деятельность была связана со штатом Кентукки, куда он переехал в 1797 году. Клей довольно успешно занялся адвокатской практикой в Лексингтоне. Здесь он удачно женился и имел в браке 11 детей. В Кентукки Генри Клей стал преуспевающим плантатором, имевшим 240 га земли и 60 рабов. Незадолго перед смертью он освободил большинство из них. Клей был сторонником постепенной отмены рабства, разделяя расистские предубеждения [6: 331]. В 1816 г. он становится президентом Американского колониального общества, которое ставило своей целью отправлять свободных цветных в Африку. Там усилиями общества было создано государство Либерия со столицей Монровия, названной в честь президента Джеймса Монро.

Живя в Кентукки, Генри Клей стал больше внимания уделять политической деятельности. Вскоре он добился заметных успехов в политике на уровне штата, в 1803 г. был избран в законодательное собрание Кентукки. В 1806 г. Клей стал сенатором в Конгрессе и занимал этот пост в течение года. Но его имя в большей степени связано с деятельностью Палаты представителей, куда он впервые был избран в 1810 г. Генри Клей был спикером нижней палаты беспрерывно на протяжении девяти лет с 1811 по 1820 гг., а затем избирался на этот пост в 1823 г. В период англо-американской войны 1812–1815 гг. он стал одним из ярких ее сторонников, возглавив группу «военных ястребов» в Конгрессе. Но по иронии судьбы именно ему пришлось участвовать в мирных переговорах в Генте, завершивших эту войну.

В 1819–1820 гг. разразился политический кризис, грозивший расколом страны, когда встал вопрос о вступлении в федеральный Союз свободного от рабства штата Мэн. Это нарушало баланс сил между южанами и северянами в законодательной ветви власти. Южные штаты угрожали сепарацией, и это заставило Клея как спикера нижней палаты Конгресса включиться в дебаты. Он стал одним из главных создателей знаменитого Миссурийского компромисса, снявшего остроту проблемы рабства с общенационального уровня на целых 30 лет. Созданная по инициативе Генри Клея согласительная комиссия утвердила компромиссное решение. Одно-

временно с Мэном в Союз принимался в качестве рабовладельческого штата – Миссури. Таким образом соотношение свободных и рабовладельческих штатов составляло 11 к 11. Устанавливался запрет на распространение рабства к северу от 36° 30' северной широты (исключая Миссури), при этом выдача беглых рабов была разрешена со всей территории страны. 2 марта 1820 г. Палата представителей проголосовала 90 голосами против 87 за принятие билля о Миссури [5: 1586]. Генри Клей проявил себя во время дебатов как сторонник политики компромиссов. Известный политик Т.Х. Бентон так писал о его роли в дебатах: «Мистеру Клею часто высказывают восхищение как автору компромисса 1820 г. несмотря на его повторяющиеся заявления об обратном, но он бесспорный автор финального соглашения по вопросу вхождения штата Миссури в Союз» [10: 192].

Во время острого нуллификационного кризиса 1828–1833 гг., когда южные штаты вновь грозили отделением, Г. Клей сумел пойти на уступки южанам, отказавшись от главного пункта своей экономической программы – высоких протекционистских тарифов. Он предложил постепенное снижение таможенных пошлин, что временно удовлетворило Юг и способствовало сглаживанию секционных противоречий.

Снова встать на защиту единства страны и проявить свои способности как мастера компромисса Генри Клею пришлось на склоне лет в 1850 г. В этом году о своем намерении вступить в Союз заявила Калифорния, принявшая на референдуме конституцию, запрещающую рабство. Тем самым свободных штатов стало бы 16, а рабовладельческих – 15. Возможное ослабление позиций рабовладельцев в Сенате вызвало сильную тревогу на Юге. Экстремисты призывали к отделению, если интересы плантаторов будут ущемлены. 29 января 1850 г. 72-летний Г. Клей ХЕ "Клей Г." внес на рассмотрение Сената ряд компромиссных резолюций: допустить Калифорнию в состав Союза без ограничения рабства; ввести территориальное управление в Нью-Мексико и Юте; установить границы Техаса, выплатив компенсацию этому штату за территориальные уступки; запретить рабство в округе Колумбия; принять новый закон против беглых рабов и др. [10: 750.] Предложения Клея ХЕ "Клей Г." легли в основу дальнейших дебатов и принятого в конечном счете решения. За свою роль в выработке компромиссных мер он получил прозвище «великого умиротворителя» или «великого мастера компромиссов» [9: 125]. «Неотвратимый конфликт» Севера и Юга снова удалось отсрочить на 11 лет. С принятием компромисса Клей стал восприниматься как национальный герой. Когда он умер 29 июня

1852 года, его похороны стали общенациональным событием. Ему первому была поставлена статуя в ротонде Капитолия.

Генри Клей на протяжении всей своей жизни стремился к укреплению американского государства, к тому, чтобы «превратить американцев в сплоченный народ, единый в своих чувствах и интересах». Как опытный политик, он пытался сформировать в общественном сознании американцев особый образ Америки, сильного и процветающего государства. Апеллируя к гордости американцев, он призывал их стать стойкими защитниками благородной нации, поскольку этого требуют международный престиж страны, ее репутация в цивилизованном мире [7: 687-688]. Как политик он предпочитал действовать компромиссными мерами и добивался успеха, доказав тем самым действенность подобной политики.

Примечания.

1. Алентьева Т.В. «Американская система» Генри Клея и борьба мнений в «джексоновскую эпоху» по проблемам экономического развития // Американистика: актуальные подходы и современные исследования». Вып. 6. Курск, 2014. С. 40-60.
2. Власова М.А. Из истории становления партии вигов. (Принципы «Американской системы» Г. Клея и борьба вокруг них в 1824-1828 гг.) // Проблемы новой и новейшей истории. М., 1982. С. 18-33.
3. Дубовицкий Г.А. Шесть портретов. Из истории США 1 пол. XIX в. Самара, 1994. С. 43–72.
4. Исаев С.А. Миссурийский компромисс, 1819-1821 // Американский ежегодник, 2005. М., 2007. С. 72-89.
5. Annals of Congress. XVI Congress. 1st Session.
6. Clay H. The Works of Henry Clay Comprising His Life, Correspondence and Speeches: in 7 vols. / ed. by C. Colton. N.Y – L., 1904. Vol. 6.
7. Clay H. The Papers of Henry Clay: in 11 vols. / ed. by J.P. Horkins, M. Hargreaves, R. Seager II, M.P. Hay. Lexington. 1959–1992. Vol. III.
8. Holt M. The Rise and Fall of the American Whig Party. N.Y., 2003.
9. Howe D.W. The Political Culture of the American Whigs. Chicago, 1984.
10. Remini R. Henry Clay. Statesman for the Union. N.Y., 1991.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СТРАН АФРИКИ: СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Н.В. Аронина

*Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, Россия, natalya.aronina@mail.ru*

Последние годы развития отечественной африканистики отмечены довольно существенными переменами. Традиционно важные проблемы истории континента (колонизация, деколонизация и другие) не утрачивают своей актуальности, но изучаются в несколько иных ракурсах: происходит отход от политико-экономической направленности исторических исследований в социально-культурологическую сторону. Предметом изучения сегодня становятся и новые тенденции в социальной действительности стран Африки.

Исследователи размышляют об особенностях современной политической культуры стран континента [14, 18, 42, 44, 54], проблемах формирования гражданского общества в странах Африки [5, 12, 41], чертах социально-демографического развития государств региона сегодня [4, 10, 20, 25], современных этнополитических проблемах Африки и их истоках [47, 53], актуальных проблемах экономического развития стран [37, 39, 48], особенностях встреч африканской и европейской/русской культур [16, 32, 49], о месте Африки в политике США [6] и России [13]. Авторами раскрываются отдельные сюжеты жизни русских эмигрантов в странах Африки [28, 29], особенности межэтнических браков африканцев с русскими [26, 27, 30, 31]. Отдельное внимание уделяется выявлению роли религии в общественно-политической жизни африканских государств. При этом большинство работ посвящено крайне острой на сегодняшний день проблеме исламизации восточных стран [3, 8, 15, 22, 24, 40, 46] и современного мира в целом [45].

Все социально-экономические, социально-политические, социокультурные и этноконфессиональные процессы в странах Африки в конце XX – начале XXI вв. проходят в контексте глобализации. Глобализация предстаёт как процесс, касающийся различных сторон жизни общества, поэтому она нуждается в междисциплинарном анализе. Исследователи размышляют о путях включения стран Востока и Африки, в частности, в глобальные процессы на основе сохранения культурной самоидентификации [9, 19, 34, 50, 51, 52, 55].

Одной из острых тем, привлекающих внимание исследователей-востоковедов сегодня, являются события «арабской политической весны», тесно связанные с процессами глобализации [1, 2, 7, 21, 33, 35, 36, 38]. Радикальные перемены, начавшиеся в большинстве арабских стран на рубеже 2011-2012 гг., продолжают, но всё меньше и меньше, как отмечает Р.Г. Ланда, их называют «политической весной», т.к. «на глазах всего мира социополитическое содержание этих перемен, их направленность и конечные цели претерпевают весьма существенные изменения» [35: 53].

Отдельное внимание уделяется исследователями вопросу о путях модернизации стран Востока и Африки, в частности [56, 57]. Появляются статьи обобщающего характера о положении восточных государств к началу XXI века [23] и о перспективах ближайшего развития стран африканского континента [11, 17, 43].

Как видно уже из этого краткого обзора, большое внимание уделяется сегодня в историографии современным проблемам общественно-политического и экономического развития стран Африки, роли религии в жизни африканцев, особенностям включения стран континента в процесс глобализации, путям их модернизации, событиям «арабской политической весны». Авторы размышляют о будущем региона и подводят некоторые итоги по уровню развития стран Африки к началу XXI века.

Примечания.

1. Абрамова И.О. В центре внимания – «арабская весна» // Азия и Африка сегодня. 2012. № 4.
2. Аксенёнок А. Революция: отлив. Куда движется «арабское пробуждение»? // Россия в глобальной политике. 2013. Т. 11. № 4.
3. Андреева Л.А. Христианство в начале XXI века в Африке южнее Сахары: количественные и качественные характеристики // Восток. 2013. № 3.
4. Асланов Л.А., Сергеева О.А. Трудовой иммобилизм в африканских обществах: поиск альтернативной модели развития? // Восток. 2005. № 2.
5. Барковская Е.Ю. Египет: дилеммы движения за права человека // Восток. 2005. № 6.
6. Батюк В.И. Африка в американской стратегии локальной войны // США. Канада. Экономика. Политика. Культура. 2013. № 12.
7. Бирюков С.В. Патримониализм VS султаннизм: «арабская весна» и судьбы «традиционного господства» // Восток. 2013. № 6.

8. Борисов А.Б. Исламизм в странах Магриба: причины и последствия распространения // Восток. 2004. № 6.
9. Воскресенский А.Д. Регионализация в современных международных отношениях // Восток. 2012. № 5.
10. Громова О.Б., Потёмкин Ю.В. Африка: трудовой потенциал и проблема «избыточного» населения // Восток. 2005. № 5.
11. Гуревич Е.Л. Будущее Африки: борьба новых и старых факторов // Восток. 2012. № 5.
12. Гусаров В.И. Гражданское общество в Африке: очередная утопия или определённое будущее? // Восток. 2008. № 4.
13. Гусаров В.И. Россия – Африка: горизонты сотрудничества на международной арене // Восток. 2004. № 5.
14. Денисова Т.С., Костелянец С.шощВ. Политические конфликты в Африке: причины возникновения и способы урегулирования (по материалам западных публикаций) // Восток. 2010. № 4.
15. Долгов Б.В. Арабский мир в начале XXI в.: между демократией и исламизмом // Восток. 2009. № 5.
16. Евсеенко В.И. Об изучении культурно-исторических традиций в поиске взаимопонимания народов России и Чёрной Африки // Африка и мир: взаимопонимание, изучение, преподавание. М., 2010.
17. Жерлицына Н.А. Африка в условиях смены парадигмы мирового развития // Восток. 2011. № 6.
18. Жерлицына Н.А. Общество и политика в Африке: неизменное, меняющееся, новое // Восток. 2015. № 1.
19. Жерлицына Н.А. Страны Африки в глобальной политике XXI в. // Восток. 2015. № 2.
20. Зинькина Ю.В. Социально-демографическое развитие стран Восточной Африки (Кения, Танзания, Уганда) // Восток. 2012. № 6.
21. Исаев Л.М. «Арабская весна» и Лига арабских государств: между Багдадом и Каиром // Восток. 2013. № 3.
22. Кобищанов, Ю. М. Ханафитская Эфиопия // Восток. 2011. № 5.
23. Колонтаев А.П. Страны Востока в начале XXI века: поиски новых теоретических обобщений // Восток. 2011. № 2.
24. Коновалов И. Исламисты Сомали // Азия и Африка сегодня. 2008. № 4.

25. Коротаяев А.В., Зинькина Ю.В. Социально-экономическое развитие и прогноз структурно-демографических рисков в странах Восточной Африки (Кения, Танзания, Уганда) // Восток. 2013. № 1.
26. Крылова Н.Л. Афро-россияне: брак, семья, судьба. М., 2006.
27. Крылова Н.Л. Дети от русско-африканских браков. Судьба. Культура. Будущее. Нью-Йорк, 2000.
28. Крылова Н.Л. Россияне в Африке: пути вхождения в новый культурный мир // Африка. Гендерное измерение. М., 2010.
29. Крылова Н.Л., Прожогина С.В. Женщина на чужбине. М., 2007.
30. Крылова Н.Л., Прожогина С.В. Метисы: кто они? Проблемы социализации и самоидентификации. М., 2004.
31. Крылова Н.Л., Прожогина С.В. Смешанные браки. Опыт межкультурного общения. М., 2002.
32. Кулькова О.С. Великобритания и Африка: проблемы политико-культурного взаимодействия и взаимного восприятия на современном этапе (2000-е гг.) // Африка и мир: взаимопонимание, изучение, преподавание. М., 2010.
33. Кумарасвами П.Р. «Арабская весна» и неуловимая пятая модель // Россия в глобальной политике. 2013. Т. 11. № 3.
34. Ланда Р.Г. Арабский мир: конец «эпохи Насера» // Восток. 2012. № 6.
35. Ланда Р.Г. Исламизм и арабская «политическая весна» // Восток. 2014. № 1.
36. Ланда Р.Г. Исламизм и империализм: соперники или союзники? // Страны Востока: социально-политические, социально-экономические, этноконфессиональные и социокультурные проблемы в контексте глобализации. М., 2012.
37. Мельянцев В.А. Причины и факторы экономического отставания в арабо-мусульманском мире // Восток. 2014. № 4.
38. Мирский Г. Исламское сообщество и «арабская весна» // Вестник аналитики. 2013. № 2.
39. Морозенская Е.В. Ресурсы и рынки Африки // Восток. 2008. № 5.
40. Подцероб А. Конец исламизма в арабском мире? // Международная жизнь. 2013. № 10.
41. Потёмкин Ю.В. Гражданское общество в странах Африки: проблемы становления // Восток. 2009. № 5.

42. Саватеев А.Д. О характере общественно-политических и культурных трансформаций в Африке // Восток. 2005. № 5.
43. Саватеев А.Д. Развитие Африки: возможности и перспективы // Восток. 2009. № 1.
44. Садовская Л.М. Африка: проблемы становления парламентаризма // Восток. 2005. № 6.
45. Семедов С.А. Причины политизации ислама в современном мире // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. № 3.
46. Серёгичев С.Ю. Исламо-фундаментализм в Судане: мифы и реальность // Восток. 2010. № 2.
47. Сидорова Г.М. Международный аспект конголезского кризиса и поиски путей устойчивого развития // Африка и мир: взаимопонимание, изучение, преподавание. М., 2010.
48. Скубко Ю.С. Переход к «экономике знаний» и перспективы НТП в ЮАР в предстоящем десятилетии // Восток. 2008. № 4.
49. Смилянская И.М., Романова Н.Г. Арабский мир и Россия: изменяющиеся парадигмы взаимного восприятия // Восток. 2009. № 5.
50. Цветкова Н.Н. Глобализация и страны Востока: социальные и социально-политические аспекты, по материалам зарубежной литературы // Восток. 2014. № 1.
51. Цветкова Н.Н. Новые тенденции в глобализации: ТНК и ТНБ из стран Востока // Страны Востока: социально-политические, социально-экономические, этноконфессиональные и социокультурные проблемы в контексте глобализации. М., 2012.
52. Цветкова Н.Н. Страны Востока и новые информационно-коммуникационные технологии // Восток. 2013. № 2.
53. Цыпкин Г.В. Оромо в политической жизни Эфиопии // Африка и мир: взаимопонимание, изучение, преподавание. М., 2010.
54. Шубин Г.В. Проблемы развития демократии в Южной Африке // Восток. 2004. № 1.
55. Эльянов А.Я. Развивающиеся страны в контексте глобализации // Восток. 2004. № 2.
56. Яковлев А.И. Модернизация Востока в XXI в. и поиски модели развития // Восток. 2012. № 4.
57. Яковлев А.И. Страны Востока в начале XXI века: от догоняющей модернизации к модернизации развития // Восток. 2015. № 4.

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЯПОНИИ: ОТ ВОСТОКА К ЗАПАДУ

О.А. Базин

*Государственный социально-гуманитарный университет,
г. Коломна, Россия, bazin-oa@mail.ru.*

Понятие «регион» в географии и политологии не всегда являются идентичными. Примером подобного несоответствия можно считать современную Японию, которая географически считается самой восточной из стран Азии, но в период последней трети XIX-XX веках в значительной степени трансформировалась в государство западной цивилизации. Momentами перелома национальной идентичности Японии следует считать революцию Мэйдзи и период американской оккупации.

До середины XIX века Япония существовала на культурной и политической периферии более фундаментальной китайской цивилизации. В тоже время, благодаря синтоизму и островному положению, Японии удалось сохранить национальную самобытность. Более того в эпоху Эдо Япония практически полностью порвала контакты с внешним миром, что нашло отражение в политике «самоизоляции». Но с середины XIX века лейтмотивом исторического развития Японии было изменение ее взаимоотношений с Западом. Развитие всех сторон жизни японского общества определялось внешней политикой [6: 41]. Первоначально столкновение с Западом породило в японцах комплекс неполноценности. Был развеян миф о абсолютной самодостаточности Японии, которой нечему учиться у «варварского» Запада.

Но Японии удалось использовать первый удар по национальной идентичности для модернизации страны. После революции Мэйдзи Япония встала на путь капиталистического развития, но сразу же столкнулась с проблемой узости внутреннего рынка и нехваткой природных ресурсов. В этих условиях Япония в кратчайшие сроки трансформировалась в колониальную державу и развернула экспансию в отношении своих соседей – Китая и Кореи. В результате этого на рубеже XIX-XX веков Япония перешла на характерную для стран Запада политику агрессии по отношению к традиционному Востоку.

Подобный цивилизационный поворот затронул и внутривосточную сферу. В 80-х гг. XIX века в Европу была направлена комиссия для изучения конституционного строя европейских государств. За образец

японской конституции 1889 г. была взята отличавшаяся консерватизмом конституция Германской империи. В отличие от других стран Востока в Японии появляются парламент, легальные политические партии.

В последней трети XIX века стали появляться работы представителей японской интеллигенции, обосновывающие вестернизацию общества. В 1885 г. Фукудзава Юкити написал статью «Бегство из Азии», в которой утверждалось, что Япония сильно опередила своих соседей и должна проводить политику характерную для стран Запада [3: 162-163].

В первой половине XX века вестернизация японского общества наиболее ярко проявилась в повседневной сфере. После «Великого землетрясения» 1923 г. на месте деревянного Токио возводятся многоэтажные бетонные дома, открывается метро, появляются кафе, реклама. Молодые японцы подражают западной моде, более открытой становится чувственная сторона жизни японского общества. Но до периода американской оккупации значительная часть японцев была обеспокоена утратой национальной культуры.

Неотъемлемой составляющей национальной идентичности Японии с последней трети XIX века стал принцип непрерывного соревнования с внешним миром. До окончания Второй мировой войны Япония стремилась приобрести статус великой державы политическими и военными средствами. Это обосновывалось концепцией «кокутай» («тело нации») и идеей о особой миссии Японии в Азии как лидера желтой расы. В 1937 г. издается книга «Основные принципы кокутай», в которой формулируется официальная национальная идея Японии. В первую очередь, она утверждала единство «императора, народа и населенной им богоизбранной земли в качестве единого организма» [4: 23]. В этой концепции содержалась поддержка вестернизации Японии: «...мы переживаем новый расцвет во многих областях под влиянием прихода современной европейско-американской культуры» [5: 276].

Поражение во Второй мировой войне нанесло сильный удар по японской национальной идентичности. Японцы признавались агрессорами, совершившими бесчеловечные военные преступления. Более того начавшийся период американской оккупации еще больше переориентировал японское общество на западные ценности, то есть ценности бывшего врага. Даже священная для японцев фигура императора юридически потеряла свой сакральный статус, начался процесс вестернизации бытовой сферы.

Явления, которые раньше считались символом национальной гордости, превратились в предмет осуждения и позора для внешнего мира.

Но Япония вынесла этот удар по национальной идентичности и переместила ее акцент на соревнование с внешним миром в экономической сфере. В то время когда соседние восточные государства переживают сильные политические потрясения и экономический спад, Япония стабильно развивается, переживает «экономическое чудо» и врывается в тройку лидеров мировой экономики. В то время когда КНР испытывает разрушительные последствия «культурной революции», Япония становится одним из учредителей «Большой семерки» и одним из лидеров в сфере технических инноваций.

С конца XX века Япония предприняла попытку переформулировать свою национальную идентичность. В целом ориентация на ценности западной цивилизации сохранилась, также как и особый характер отношений с США. Но на фоне серьезных экономических проблем, Япония попыталась снова добиться достойного места в мировой политике. Это выразилось в активных попытках получить место постоянного члена Совета Безопасности ООН [2: 23-25], преодолеть конституционный запрет на создание полноценной армии, подвергнуть ревизии события Второй мировой войны [1:17-20]. В духовной сфере продолжился процесс вестернизации общества.

В истории Востока Япония является одним из многих государств, переживших в XX веке слом национальной идентичности и процесс вестернизации. Но в Японии смена цивилизационной парадигмы проявилась наиболее ярко и оказала огромное влияние на международные отношения. Новая национальная идентичность Япония не только оторвана от Востока, но и построена на противопоставлении себя восточной цивилизации. В то же время процесс ее формирования еще не завершен, до сих пор идет спор по поводу восприятия национальной истории и пути развития японской нации.

Примечания.

1. Базин О. А. Восприятие проблемы «женщин комфорта» в Японии // Личность в истории Нового и Новейшего времени: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 18 апреля 2014 года. Рязань, 2014.
2. Базин О. А. Изменение политики Японии в ООН в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века // Исторические, философские, политические и юридиче-

ские науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 9 (23) 2012. Часть 1. - Тамбов, 2012.

3. Мещеряков А. Н. Стать японцем: топография тела и его приключения. М., 2014.

4. Молодяков В. Э. Япония в меняющемся мире. Идеология. История. Имидж. М., 2011.

5. Основные принципы кокутай (фрагменты) // Молодяков В. Э. Япония в меняющемся мире. Идеология. История. Имидж. М., 2011.

6. Жуков А. Е. Япония в мире: эволюция самооценки // Япония, открытая миру. М., 2007.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

В.Ю. Данилова

*Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, Россия, fasikcat@yandex.ru*

Цель данной работы – рассмотреть, как представлены наиболее актуальные проблемы Второй мировой войны в школьных учебниках по всеобщей истории для 9 класса. Под актуальными проблемами мы понимаем те вопросы, которые наиболее значимы для современной ситуации в России и мире. Для достижения цели был проанализирован текст и методический аппарат соответствующих учебников, наиболее распространенных в школах г. Владимира.

В 2015 г. в связи с празднованием 70-летия окончания Великой Отечественной войны много говорилось о значимости победы СССР над фашистами. Однако важно не только говорить о победе, но и подчеркивать, что Вторая мировая война была самой страшной в истории человечества и нельзя допустить ее повторения. Кроме погибших солдат, были огромные потери среди мирного населения: во многих странах гражданских лиц погибло больше, чем военных [2: 60, 86]. Фашисты стремились не просто захватить территории, но и очистить захваченные земли от неполноценных рас, особенно евреев [1: 128-130; 2: 60]. В последнее время много говорилось о холокосте, однако студенты-историки, прошедшие практику в школе в 2015 г., отмечают, что школьники весьма слабо знакомы с этим понятием. Возможно, само слово «холокост» малопонятно и поэтому с трудом

запоминается. Учебники позволяют обратить внимание на этот вопрос. Например, в учебнике Н.В. Загладина школьникам предлагается такое задание: узнать больше о геноциде евреев из таких источников, как фильмы, книги, произведения искусства [2: 67]. Необходимо обратить внимание и на то, что фашисты жестоко расправлялись с мирными гражданами разных стран, которые сопротивлялись их режиму [1: 131; 2: 66].

Еще один варварский акт Второй мировой войны – это атомные бомбы, сброшенные США в августе 1945 г. на японские города Хиросиму и Нагасаки, в результате чего также пострадали мирные граждане [1: 143-144]. Хиросима и Нагасаки особого военного значения не имели: нападение на них являлось актом мести со стороны США за авиационный удар Японии по американской базе Перл-Харбор в декабре 1941 г. Можно сказать, что именно с того момента мир постоянно находится под угрозой ядерной войны.

Школьники должны иметь представление о том, что многие современные геополитические проблемы имеют прямую связь с периодом Второй мировой войны. Например, негативное отношение к России правительств Польши и стран Прибалтики связано с секретной частью советско-германского пакта о ненападении (пакта Молотова-Риббентропа, заключенного 23 августа 1939 г.) о разделе сфер влияния между Германией и СССР. В учебниках О.С. Сороко-Цюпы и А.В. Шубина отмечается, что Сталин сделался соучастником раздела Польши и насильно заставил страны Балтии войти в состав СССР, причем против недовольных в Прибалтике проводились репрессии [3: 137-139; 4: 25]. А.В. Шубин негативно оценивает вторжение СССР в Польшу в сентябре 1939 г.: поляков бомбили, советские танки ударили в тыл польским войскам, сражавшимся против войск Гитлера [4: 23]. В том же учебнике в задании после § 12 говорится о том, что в Польше распространено мнение, что Сталин специально позволил немцам подавить восстание в Варшаве в 1944 г., потому что в повстанческом руководстве не было коммунистов [4: 30]. Л.Н. Алексашкина также отмечает, что в сентябре 1939 г. Германия и СССР фактически поделили территорию Польши [1: 121].

В учебниках об этом не сказано, но стоит отметить для учеников, что Япония до сих пор не признала территориальных итогов Второй Мировой войны и считает Курильские острова японскими, а также претендует на о. Сахалин.

Известно, что в последнее время со стороны стран Запада предпринимались попытки принизить роль СССР во Второй мировой войне. Авторы учебников единодушно подчеркивают, что именно советско-германский фронт был главным и что СССР понес гораздо большие потери, чем союзники [1: 124; 2: 77; 3: 141, 153; 4: 30]. В учебнике Н.В. Загладина ученикам предлагается ответить на проблемный вопрос: «как вы думаете, почему вопрос о значении советско-германского фронта до сих пор остается объектом фальсификации истории Второй мировой войны?» [2: 77]. Задание по сравнению роли советско-германского фронта с ролью других фронтов имеется и в учебнике Л.Н. Алексашкиной [1: 145].

Отношения СССР и союзников во время войны были далеко не идеальными, о чем, говорит, например, проблема открытия второго фронта, когда СССР упрекал союзников в неоправданной задержке [2: 77; 3: 147]. Однако не стоит и преуменьшать роль союзников, как это нередко делается в современной России в связи с вопросом о ленд-лизе. А.В. Шубин отмечает, что союзники своевременно помогли СССР в критические месяцы 1941 – 1942 гг. [4: 26]. Н.В. Загладин говорит о том, что больше всего помогли СССР поставки самолетов, танков, автомобилей [2: 82-83]. Этот же автор приводит очень важный вопрос: «какой урок дала человечеству история формирования и деятельности антигитлеровской коалиции? В каких ситуациях начала XXI века современные политики, по вашему мнению, обязаны о нем помнить?» [2: 75] Имеется в виду, что перед лицом фашистской агрессии Англия, Франция, США и СССР смогли объединиться, несмотря на существовавшие между ними противоречия. Для современной ситуации в мире, в связи с проблемой терроризма, этот момент становится крайне важным.

Подводя итоги, хотелось бы подчеркнуть вывод из учебника Л.Н. Алексашкиной: «Война, в которой было впервые применено ядерное оружие, показала, что вооруженные конфликты в современном мире грозят уничтожением не только все большего числа людей, но и человечества в целом, всего живого на земле» [1: 144-145]. По нашему мнению, современные школьники должны иметь представление не только о ходе боевых действий Второй мировой войны и о героизме советских солдат, но и том, как опасна была эта война для мира в целом и какие серьезные последствия она за собой повлекла. По результатам войны победа над фашизмом была одержана, но надо понимать, каким количеством жертв она была оплачена, и не допустить подобных событий в будущем.

Примечания.

1. Алексашкина Л.Н. Всеобщая история. XX – начало XXI века. 9 класс. 12-е изд., испр. и доп. М., 2012.
2. Загладин Н.В. Всеобщая история. Новейшая история. XX – начало XXI века. 9 класс. 10-е изд. М., 2014.
3. Сороко-Цюпа О.С., Сороко-Цюпа А.О. Всеобщая история. Новейшая история. 9 класс. М., 2011.
4. Шубин А.В. Всеобщая история. Новейшая история. 9 класс. М., 2013. Электронный ресурс. URL: <http://www.litmir.co/br/?b=252518&> (дата обращения 01.11.15).

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ЭТНИЧНОСТИ И НАЦИОНАЛИЗМЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В.Н. Ерохин

Нижевартовский государственный университет,

г. Нижевартовск, Российская Федерация, erohin_vladimir@inbox.ru

Проблемы изучения происхождения этноса и этничности, понимания национализма относятся к кругу наиболее актуальных и значимых для большинства современных обществ, в том числе и для российского общества. Этничность является формой и способом социальной организации культурных различий [1:62; 5:33]. Национализм в своем происхождении связан с этничностью, но не сводится к ней. Национализм – феномен, развернувшийся в общественной жизни в своих важнейших базовых характеристиках фактически только в Новое время и ставший особым способом осмысления коллективной идентичности в сообществах, стремившихся к созданию собственной государственности.

Национализм опирается на ранее существовавшие идентичности и традиции, и национальные идентичности часто интегрируют такие традиции, но не сводятся к ним [3:109]. Досовременная этническая идентичность, хотя и может быть обнаружена в древних и средневековых обществах, не была институционализована: в досовременных народностях отсутствовали три базовых элемента, через которые оформляется и закрепляется этническая идентичность – юридическая, политическая и экономическая идентичности. Это важнейшие институты, через которые в обще-

ствах эпохи Модерна обретает социальные формы также и национальная идентичность [6:206]. В древних и средневековых обществах государства конституировались на основе служения поданных правящей династии, на основе приверженности определенному вероисповеданию («истинной вере»), и осмысление этничности не выходило на первый план, хотя на практике среди существовавших групповых идентичностей определенную роль играли также этнические, земляческие связи.

В дальнейшем же в Новое время под влиянием идей Великой Французской революции для западноевропейской политической и исторической мысли стало типичным использование понятий «этнос», «народ» как синонимов понятия «нация». Нация – это сообщество, которое, имея под собой, чаще всего, этническую основу и общность истории и происхождения, еще дополнительно скрепляется территориальными, экономическими, политическими, культурными связями, то есть представляет собой не чисто этническое, но также политическое и социально-экономическое явление. Вместо «тела короля» как политического символа сообщества на первый план как объект политической лояльности выходит «тело нации». Нации начинают приписываться свойства социальной субъектности, как будто нация как единый организм обладает способностью к целеполаганию, принятию решений, выбору альтернатив. Такой подход является наглядным примером овеществления понятий, эссенциалистского подхода к пониманию социальных общностей. В результате нация наделяется единой волей, способностью к коллективному действию, как будто это особый организм, отдельный индивид. Приписываемая нации единая воля фактически формулируется определенной группой политических предпринимателей, прибегающих к националистической риторике в политической борьбе. Когда в такой борьбе не хватает иных ресурсов, бывает, что приходится задействовать и националистическую риторику, чтобы преподнести выдвигаемые требования как выражение «истинной воли и подлинных интересов нации».

В Западной Европе в Новое время смогло сформироваться представление о нации как гражданском, политическом сообществе – наиболее наглядным примером в этом отношении является Франция. По словам В. А. Тишкова, «французская нация существовала и продолжает существовать, прежде всего, как доктрина, как правовая норма и как коллективная договоренность» [4:159].

В Центральной и Юго-Восточной Европе, в отличие от западноевропейских условий, в Новое время существовала ситуация, в которой жившие в этом регионе этнические общности входили в состав полиэтничных государств и в течение долгого времени не имели какого-либо гражданско-политического представительства в действовавших властных структурах. В результате в этой части Европы сложилось представление о нации как языковом и культурном сообществе, то есть этнонации. Российская империя тоже была государством, в котором этнические группы, не имевшие гражданско-политического представительства, подобным же образом «опознавали своих» по языку и культуре. Российской общественной мысли по наследству от Российской империи так и досталось такое, этнокультурное по характеру, понимание нации. Но в русской философской мысли до 1917 года, вдобавок к этому, широко было распространено убеждение, согласно которому «историческая миссия» России не может рассматриваться как узконациональная. Русская культура трактовалась как «сверхнародная», несущая в себе не ограниченно национальные, а общечеловеческие надежды, чаяния и устремления. В этом отношении типично высказывание одного из крупнейших русских религиозных философов В. С. Соловьева (1853-1903), заявившего в полемике с поздним славянофилом националистического толка Н.Н. Страховым (1828-1896): «трудно поверить, чтобы тонкий ум почтенного критика не понимал различия между национальностью и национализмом, - ведь это то же самое, что различие между личностью и эгоизмом» [7:516].

Негативное отношение к национализму досталось современному российскому обществу от дореволюционного прошлого. Господствовавший в советское время как политическая идеология марксизм тоже насаждал подозрительное отношение к национализму и остался малочувствительным к проблематике этничности и национализма. В отличие же от России, в лексиконе социальных наук на Западе понятие «национализм» имеет нейтральные или порой даже положительные коннотации и подтекст. В современной же России не только в массовом сознании, но порой и в понимании специалистов не проводится отчетливого различия между понятиями «национализм», «нацизм», «шовинизм». Вместе с тем, вопреки отрицательному отношению к национализму современный российский федерализм имеет форму этнофедерализма, и даже в преамбуле действующей Конституции РФ речь идет не о единой гражданской нации, а упоминается «многонациональный народ Российской Федерации». Это может сформировать

ровать у читателя мысль, что и гражданских наций в стране не одна – российская, а много.

Политологи обоснованно отмечают дополнительный конфликтный потенциал, который несет в себе этнофедеративное устройство государства. Не случайно число этнофедераций в мире невелико [2:473-482]. С 1990-х годов в нашей стране довольно влиятельная в научно-этнологическом сообществе группа этнологов во главе с В. А. Тишковым отстаивает необходимость работы по формированию среди населения страны российской гражданской политической идентичности. При этом предполагается, что этнокультурная идентичность живущих в Российской Федерации народов должна реализовываться не в политической сфере, а в частной жизни.

Примечания

1. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М., 2000.
2. Ачкасов В. А. Этнополитология. СПб., 2014.
3. Калхун К. Национализм. М., 2006.
4. Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. Под ред. М. Б. Погребинского и А. К. Толпыго. М., 2013.
5. Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные / Под ред. А. Д. Воскресенского. М., 2008.
6. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М., 2002.
7. Соловьев В. С. Сочинения в двух томах. Том 1. Философская публицистика. М., 1990.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ СРЕДНЕГО И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СРЕДИ ИСПАНОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ США В СЕРЕДИНЕ 1960-Х СЕРЕДИНЕ 1980-Х ГОДОВ

Е.Н. Ионова

*Владимирский Государственный Университет им. А.Г. и Н. Г. Столетовых
город Владимир, Россия, e-mail: Kricity_en@mail.ru*

Вопрос об образовании Латинос, всегда стоявший в американском обществе, начал обостряться с 1970-х годов, когда оформившееся, в том числе под влиянием борьбы за свои гражданские права, их национальное

самосознание не нашло выражения в свободном доступе к качественным образовательным услугам. Главная проблема состояла в плохом владении большинством из них английским языком, являвшимся основным при обучении. По закону «О двуязычном Образовании» 1968 года (PL 90-247) в основу которого лег закон «О Гражданских Правах» 1964 года, запрещалась любая форма дискриминации в области образования в том числе, если ученик не знает государственного языка. Школьные округа призывались оказывать всяческое содействие таким студентам по повышению ими речевого владения английским языком. Закон 1968 года устанавливал их ответственность за реализацию программ двуязычного обучения и оказывал федеральную помощь для разработки подобных образовательных программ. Поворотным моментом в дебатах стал 1974 год, когда Верховный Суд США по деле Лау против Николс постановил, что у школ существует ответственность перед Конституцией США предоставлять особую помощь учащимся у которых английский язык не родной. В том же году Конгресс принял законодательство, по которому стало необходимым вести обучение на родном языке учащегося в случае, если школьные округа претендовали на выделение им федеральных денежных средств на разработку этих самых программ (bilingual education programs).[1:1]

Качество и доступность начальной и средней школы для испаноязычных детей рассматривалось на слушаниях в Подкомитете по Начальному и Среднему Образованию еще в 1981 году.[2:7] На нем поднимался вопрос о недостаточном исследовании вопроса об образовании мексиканских студентов в школах американского Юго-Запада, и рекомендовалось агентству по образованию Техаса предоставлять ежегодные отчеты по положению дел в приграничных школах с высоким численным показателем детей мексиканцев. Для защиты национальных интересов подобные рекомендации давались и другим приграничным штатам. Участвовавшие в дебатах в Конгрессе представители испаноязычного сообщества и белого большинства тогда единогласно пришли к выводу о необходимости пересмотра иммиграционной системы США, несовершенство которой создавало сопутствующие проблемы в области образования.

Противники оказания финансовой поддержки на развитие программ двуязычного обучения ссылались на утверждение, что дети-иностранцы плохо осваивают английский язык и считали подобные траты открытым

механизмом по культурному отделению этого меньшинства от американского общества. [3:1] Президент Р. Рейган придерживался подобного критического подхода в решении вопроса, поэтому его Администрация начала оказывать давление на Конгресс сразу в 1981 году. Ее члены убеждали Палату Представителей и Сенат в наличии права у местных школ самим определять методы взаимодействия и работы с учениками, имеющих трудности с пониманием английского языка и говорением на нем. Одновременно они продвигали финансируемые государством законопроекты по созданию так называемых «альтернативных» программ, не подразумевавших ведение обучения на их родном языке.

После длительных обсуждений Конгресс в 1984 году все же одобрил законопроект (PL 98-511), разрешавший использовать до 4% федеральных денег предназначенных для развития двуязычного образования на альтернативные программы, обычно заявлявшиеся как «Английский - второй язык». Они предоставляли ученикам интенсивное обучение на государственном языке, полностью исключив родную речь. Не бралась в расчет и обновленная версия традиционной методики «погружения в языковую среду» при которой обучение на английском языке поддерживалось проведением дополнительных консультаций на родном языке школьника.

Языковой барьер в обучении в конце 1980-х годов затрагивал официально 4 миллиона учащихся, из которых, по грубым подсчетам, две трети были испаноязычные американцы.

Таким образом, отсутствие отлаженного механизма функционирования образовательного процесса на двух языках в начальной и средней школе привело к огромному проценту отчислений детей латиноамериканцев из старшей школы. Как отметил Роберт Гарсия, председатель Испаноязычного Кокаса в Конгрессе от Нью-Йорка «... на лицо сформировался явный национальный и региональный тренд, когда более двух третей всех Латинос школьников обучались в государственных сегрегированных школах, в которых около 50% от всех учащихся составляли этнические меньшинства. Более того программы по двуязычному обучению в большинстве штатов остались не работающими из-за нехватки специалистов с языковой квалификацией и отсутствием учебных программ и планов для таких детей. [4:3]

Несмотря на проблемы в школьном образовании представители Латинос интеллигенции собрались в 1982 году на слушаниях в Подкомитете по Дальнейшему Образованию Комитета по Образованию и Трудом Палаты Представителей США. Впервые за всю историю страны обсуждения касались высшего образования латиноамериканцев. [5:4] Пол Саймон, председатель Подкомитета считал, что во многом замалчивание проблем по доступности высшего образования обусловлено неравномерностью проживания Латинос в стране и их концентрацией преимущественно в крупных городских центрах, а также закрытостью их общины. В его родном штате Иллинойс на начало 1980-х годов проживало более 500,000 латиноамериканцев. Из них лишь 50% в среднем закончили старшую школу, и только 19% выражали желание продолжить свое образование. [6:5]

В основном Латинос поступали в муниципальные колледжи (училища) на двухгодичные программы обучения с присвоением диплома младшего специалиста (Associate Degree) по широкому кругу академических специальностей. Обучение в таком колледже стоило намного дешевле, и располагались они в большей доступности, чем университеты. Кроме того после двух лет обучения в муниципальном колледже студент мог сразу перевестись на третий курс бакалавриата в американский университет. [7:2] Среди латиноамериканских студентов был очень низкий процент дальнейшего перевода в институты и получения степени. Наиболее популярные программы по диплому младшего специалиста среди них были связаны с обществоведением и другими не техническими специальностями. Медицинское направление и юриспруденцию почти никто не выбирал. В начале 1980-х годов латиноамериканские представители в Конгрессе на уровне Подкомитетов пытались привлечь внимание общественности и политического сообщества к проблеме высшего образования Латинос. Эту линию в своих исследованиях почти никто не развивал. С определенной регулярностью испаноязычная группировка в Конгрессе участвовала в заседаниях слушаний вопроса об образовании на уровне подкомитетов, реже комитетов. [8:6]

Политический дискурс по вопросу образования латиноамериканцев начавшийся еще в 1960-х годах не нашел реального выхода из тупика. К середине 1980-х годов правительству не удалось обеспечить доступность и качество образовательного процесса испаноязычным представителям. Наметилось расхождение президента и его администрации с оппозицией в

Палате Представителей по вопросу реализации программ о двуязычном образовании, отсутствие компромисса, по которому, во многом закрыло двери получения латиноамериканцами высшего образования.

Примечания.

1. Bilingual Education // Congress and the Nation 1987-88 p. 657.

2. Community College: бюджетный способ получить высшее образование <http://oncampus.ru/publicacii/community-college-byudzhethnyy-sposob-poluchit-vysshee-obrazovanie-v-ssha#ixzz3nDEeR5Ws>

3. Hispanics Access to Higher Education: Hearing before the Subcommittee on Postsecondary Education of the Committee on Education and Labor, House of Representatives, 97th Congress, 2d sess., Hearing Held in Washington, D.C., on September 16, 1982. - Wash.: Gov. print. off, 1983. P. 7.

4. Hispanics Access to Higher Education: Hearing before the Subcommittee on Postsecondary Education of the Committee on Education and Labor, House of Representatives, 97th Congress, 2d sess., Hearing Held in Washington, D.C., on September 16, 1982. - Wash.: Gov. print. off, 1983. – 193 p.

5. Hispanics Access to Higher Education: Hearing before the Subcommittee on Postsecondary Education of the Committee on Education and Labor, House of Representatives, 97th Congress, 2d sess., Hearing Held in Washington, D.C., on September 16, 1982. - Wash.: Gov. print. off, 1983. P. 1.

6. Hearings on the Equal Educational Opportunity Act of 1983: Hearing before the Subcommittee on Elementary, Secondary, and Vocational Education of the Committee on Education and Labor, House of Representatives, 98th Congress, 1st sess. On H.R. 2397: Hearings Held in Washington, D.C, on April 6, 1983; Hearing on Bilingual Education: Hearing before the Subcommittee on Elementary, Secondary, and Vocational Education of the Committee on Education and Labor, House of Representatives, 98-th Congress, 2d session on H.R. 11, H.R. 5231. Hearing held in Washington, D.C., on March, 28, 1984; Hispanic Children, Youth, and Families: Challenges, changes, and Employment: Joint Hearing before the Select Committee on Children, Youth, and Families of the Committee on Education and Labor, House of Representatives, 99th Congress, 2d sess., Hearing held in Washington, D.C. on September 18, 1986.

7. The Alien Education Impact Aid of 1981. Hearing before the Subcommittee on Elementary, Secondary, and Vocation Education of the Committee on Education and Labor House of Representatives 87-th Congress, 1st session on H.R. 2954

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА.

Н.Ш. Каркозашвили

*Ярославский госуниверситет им. П.Г. Демидова
г. Ярославль, Россия, nelikob6@list.ru*

Одной из движущих сил исторического развития является международное культурное взаимодействие, наиболее успешное для стран, имеющих сходные традиции и ментальные основы. Особенно значимым оно становится в переходные периоды истории, когда «мы ставим чужой культуре... вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответы на наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая ... новые свои стороны, новые смысловые глубины» [2:227]. Диалог культур способствует углублению саморазвития, взаимообогащению за счет иного культурного опыта. При этом наиболее плодотворными являются неформальные контакты на обыденном человеческом уровне, позволяющие максимально тонко прочувствовать «инаковость» противоположной стороны и сравнить накопленный исторический опыт, увидеть «точки соприкосновения» взаимодействующих сообществ, точнее судить о полезности заимствования альтернативных вариантов развития.

Первая половина XIX в. стала переломной эпохой для двух тесно связанных между собой стран - Британии, остро нуждавшейся в обновлении государственного устройства и США, в которых с конца XVIII в. продолжалось становление социально - политических институтов. Именно в это время британское общество охватил настоящий «американский бум», сопровождавшийся всё возрастающей популярностью разного рода публикаций об Америке. Их авторы - отправлявшиеся за океан литераторы, журналисты, общественные деятели, учёные - делились впечатлениями от увиденного там на страницах написанных в форме путевых заметок, дневников, писем литературных произведений. Они стали главным инструментом для осуществления культурного диалога между Великобританией и США - традиционно лидировавшей в мире державой и молодой демократической республикой, всё громче заявлявшей о себе.

В своих сочинениях путешественники затрагивали актуальные для обеих стран проблемы общественного развития. И то, что наблюдателями американских реалий выступили именно британцы - близкие жителям Америки по культуре, языку, ментальным установкам - помогало лучше их понимать. В то же время англичане особенно скрупулезно анализировали

сложившуюся в бывшей колонии ситуацию, придирчиво сравнивая положение дел в США и у себя на родине. Проводившиеся таким образом сопоставления еще теснее сближали оба сообщества, обогащая знаниями о цивилизационных альтернативах.

Важным преимуществом американской общественной системы демократически настроенные авторы считали отделение церкви от государства, гарантированную Конституцией свободу вероисповедания, постепенную секуляризацию сферы образования [10:29]. Эмоциональное обсуждение на страницах публикации об Америке проблем религиозного плюрализма было весьма полезным для Британии, в которой сохранялось привилегированное положение англиканской церкви. Модернизация её общественного устройства сопровождалась постепенным ослаблением роли религии в государственной жизни. В 1829 г. был принят закон об эмансипации католиков, уравнивший их во многих отношениях с представителями других вероисповеданий. Специальный акт 1836 г. значительно сократил размер церковного налога. С 1868 г. финансирование англиканской церкви со стороны государства полностью прекратилось [1:107]. В 1871 г. был принят закон, отменивший религиозный экзамен для поступления в университет неконформистам и католикам [11:483].

Еще одним завоеванием сформировавшейся в США модели социального развития путешественники с передовыми взглядами называли доступность школьного образования. Писательница Г. Мартино отметила широкое, хотя и не повсеместное распространение в Америке бесплатных общественных школ, которые содержались на средства местных властей [9:181]. В Великобритании же в течение первой половины XIX в. существовали только частные школы и учебные заведения, действовавшие за счет благотворительности. Три четверти школ находилось под патронатом англиканской церкви. К 1860-х гг. 2 млн. из 4,2 млн. детей школьного возраста в Англии не посещали школу [6:52].

Знакомство с системой образования США тоже стало весьма поучительным для британского общества. С середины 1850-х гг. активизировалось движение за реформирование системы образования. Создание Национальной ассоциации за реформу школьного образования сыграло решающую роль в принятии в 1870 г. специального парламентского билля, по которому учреждалась общенациональная бесплатная система начального образования для детей до 13 лет, не имеющих достаточно состоятельных

родителей, а священники перестали допускаться в государственные школы [11:483].

Неотъемлемой частью повседневной жизни американского общества была почти полностью освобожденная от налогообложения пресса. По словам известной феминистки Ф. Райт, «нет другой страны, которая была бы так наводнена газетами, не только на английском, но и на французском, голландском языках... Газеты для американцев – не средство развлечения, а возможность ежедневно выполнять свой гражданский долг: с их помощью они узнают, например, о ситуации в правительстве, на которую могут влиять, о положении дел в легислатурах, в остальных регионах страны...» [12:93].

Известный общественный деятель Р. Кобден призывал к обязательному использованию опыта развития американских средств массовой информации в Великобритании: «Мы никогда не решим важных общественных проблем...пока у нас не будет свободной прессы, как в Америке...» [8:131]. Р. Кобден являлся активным участником многолетней борьбы за отмену penny stamp – штемпельных сборов, делавших недоступными газеты и журналы для миллионов англичан. В 1855 г. налог на газеты в Англии был полностью отменён, что привело к заметному увеличению периодической печатной продукции, росту ее тиражей [3:34].

Британские путешественники обратили внимание на разнообразные направления гуманитарной деятельности в американском обществе. Они отметили благотворные результаты начавшейся в первые десятилетия XIX в. в США реформы пенитенциарной системы, целью которой было усовершенствование тюремных условий для скорейшего исправления преступников. Во многих штатах сокращалось количество смертных приговоров, смягчались законы. Высокую оценку британцев получили усилия некоторых местных властей по предотвращению роста преступности. Известный писатель Ч. Диккенс, например, весьма похвально отозвался о приютах для беспризорных и нищих мальчиков, которых «отдают на выучку уважаемым мастерам и превращают в достойных членов общества [4:120].

В первой половине XIX в. менялось отношение к преступникам и в британском обществе. Неоднократно издавались парламентские акты, заменявшие по отдельным видам преступлений смертную казнь на более мягкие формы наказания. В 1863 г. произошла широкомасштабная отмена

устаревших законов, многие из которых санкционировали поистине варварское обращение с осужденными [11:245].

Путешественники отметили гораздо более высокий, по сравнению с Британией, социальный статус американских женщин, их широкое участие в деятельности общественных организаций, активную вовлеченность в сферу производства [7:46]. Благодаря успехам в США феминистского движения уже ко второй половине XIX в. американки добились права заниматься преподавательской, богословской, медицинской, юридической практиками. Заметных успехов они достигли в борьбе за избирательное право: в 1869 г. оно было законодательно закреплено в штате Вайоминг [5:54]. Пример американских женщин побуждал и британских сторонниц эмансипации более последовательно отстаивать идеалы феминизма, решительнее бороться за расширение прав своих соотечественниц.

В публикациях об Америке первой половины XIX в. была представлена отличавшаяся многими прогрессивными чертами модель общественного устройства. Однако, из-за преобладания среди путешественников сторонников консервативных взглядов, демократия по-американски подверглась с их стороны преимущественно критической оценке. Несмотря на это, знакомство англичан с жизнью американского государства, становившегося все более успешным, создавало условия для принятия прежде считавшихся для многих неприемлемыми демократических принципов развития. Начавшиеся на рубеже 1820-1830-х гг. реформы привели к широкой демократизации общественно-политической системы Великобритании, формированию прочных основ гражданского общества.

С другой стороны, крайне негативные отзывы британских путешественников о сохранявшейся в США в первой половине XIX в. системе рабовладения, масштабной коррупции во властных структурах, многочисленных злоупотреблениях на выборах, партийном засилье и прочих неблагоприятных фактах из жизни американского государства способствовали активизации выступлений борцов с этими общественными изъянами в самой Америке, ускоряли проведение необходимых социальных и политических преобразований.

Примечания:

1. Айзенштат М.П. Британский парламент и общество в 30-40 гг. XIX в. - М., 1997.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

3. Беглов С.И. Четвертая власть: британская модель. М.,2002.
4. Диккенс Ч. Американские заметки // Собр. соч. в 30 т. М., 1962.Т.9.
5. Лайтфуд К. Права человека по-американски. От колониальных времен до «Нового курса». М.,1983.
6. Торопова С.Ю. Становление и эволюция двухпартийной системы Викторианской Англии. Ярославль,1998.
7. Bishop I. The Englishwomen in America. Madison,1966.
8. Cobden R. The Diary in America. L.,1952.
9. Martineau H. Society in America. N.-Y., 1981.
10. Stuart J. Three years in Northern America. L.,1967.
11. Woodward L. The Age of Reform. England 1815-1870. Oxford,1992.
12. Wright Fr. Views of Society and Manners in America. Cambridge,1963.

РОЛЬ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

М.А. Ключвин

Владимирский Государственный Университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, России, mklukvin@gmail.com

Корейский полуостров, из-за своего особого геополитического положения, не раз становился местом столкновений между державами. И не один раз государства предпринимали попытки избежать конфликта путем раздела Кореи. К примеру, в 1886 году, в период обострения отношений с Россией, Япония стремилась поставить заслон русской политики продвижения на юг, предложила разделить Корею и Маньчжурию на сферы влияния, но Россия отказалась [3: 448]. «Мостом на континент» называли Корейский полуостров в Японии и вплоть до 1945 года по этому мосту «развивалась экспансия японского милитаризма»[2: 7].

У США в начале 20-го века отсутствовали сколько-нибудь значимые интересы в Корее, что позволило американцам спокойно отнестись к объявлению Японией своего протектората над Кореей в 1905 году. Соединенные штаты в период до 1945 года не оценивали Корею как отдельную сферу влияния. В своих воспоминаниях Гарри Трумэн рассматривает корейский вопрос как составную часть политики в АТР [7: 3]. Однако приоритеты США поменялись, когда сама Япония после Второй мировой войны оказалась фактически в их руках, и необходимо было минимизировать со-

ветские интересы в Азиатском регионе, установив своеобразный территориальный барьер, которым и должен был стать Корейский полуостров.

По мнению корееведа из США Брюса Камингса уже осенью 1943 года американские аналитики из госдепа определили советский контроль над всей Кореей как вероятную угрозу безопасности США в Тихоокеанском регионе [6: 3]. Камингс считает, что США не просто имели четкую политику в отношении Кореи, но и сама эта политика существовала как бы в двух уровнях. На высшем уровне господствовала идея президента Ф. Рузвельта об опеке над Кореей. Так, 18 декабря 1942 года президенту был представлен проект письма, которое предполагалось после одобрения секретным порядком переправить Чан Кай-ши: «Южная Корея – это район фактической базы, с которой Китай и Америка могли бы защищать мир в западной части Тихого океана. Вопрос о ее положении – одни из тех деталей, которые вполне могут быть оставлены для будущего обсуждения» [1: 51-52]. Подобные переписки подтверждают наличие определенных стратегических планов США на Корейском полуострове. С другой стороны линия президента не была стопроцентно господствующей. Росло количество чиновников, разделяющих позицию более агрессивной политики по отношению к присутствию СССР в АТР [4: 295].

Обсуждения послевоенного устройства Азии, в частности вопросы, касающиеся независимости Кореи, проходили на нескольких международных конференциях без представителей со стороны самой Кореи. Конкретного соглашения по урегулированию «корейского вопроса» подписано не было, – лидеры ограничились устными обсуждениями идеи опеки [5: 142].

Документом, из-за которого Корея в 1945 году фактически была поделена на две части, являлся «Общий приказ № 1 о деталях капитуляции японских войск», составленный военным командованием США и одобренный уже президентом Гарри Эс Труманом, после того, как СССР вступил в войну с Японией. Документ 15 августа 1945 года был секретно передан И. В. Сталину и предусматривал, у каких армий и на каких территориях должна быть принята капитуляция. Согласно «Общему приказу № 1» было решено провести разделительную черту принятий капитуляции японских войск по 38 параллели – это деление дало возможность включить в американскую зону столицу Кореи – Сеул, а также два главных порта – Инчхон и Пусан, куда высадились американские войска. Министр обороны Джордж Маршалл, поддерживаемый объединенным комитетом начальников штабов (ОКНШ), настаивал на оккупацию как можно большей части

Кореи и укреплении тем самым позиции США в послевоенном балансе сил на Дальнем Востоке.

Два государства с разным пониманием социально-политических основ общества все больше уходили в конфронтацию, изолируя подопечные зоны и превращая 38-ю параллель в границу между двумя режимами. На полуострове полным ходом шло перераспределение политических сил на два полюса – постепенно на первый план выдвигались корейские лидеры, которые с успехом пользовались иностранным присутствием для собственного самовыдвижения и устранения конкурентов. Идеология и агитация становились неотъемлемыми элементами общества. СССР и США, согласно собственным геополитическим интересам, навязывали Кореи вариант буферного государства. Но данный сценарий был неприемлем для корейского общественно-политического движения, которое в данное время находилось в пике своей активности. Не удалось найти точки соприкосновения и представителям США и СССР. Поэтому идея дружественного и нейтрального государства была отвергнута. Вместо этого на полуострове началась борьба за власть между политическими силами – сторонниками Вашингтона и Москвы. В итоге ни одна из сторон не уступила своих позиций, и вместо одного правительства, в Корею было образовано два. Терпящим поражение немногочисленным консолидирующим силам оставалось смотреть, как подгоняемый иностранными державами процесс формирования двух самостоятельных государственных режимов, разрывает нацию и готовит ее к будущей войне. Таким образом, для Соединенных Штатов Америки Корейский полуостров из нейтральной буферной зоны превратился в заградительный барьер от распространения коммунизма в АТР в целом и от посягательств СССР на территорию Японских островов в частности.

Примечания

1. Воронцов В.Б. Корея в планах США в годы Второй мировой войны / Отв. ред. Б.Г. Сапожников – М.: ИВЛ, 1962. – 140 с.
2. Маринов В.А. Торкунов А.В. Южная Корея – база империализма на Дальнем Востоке. / В.А. Маринов, А.В. Торкунов. – М.: Международные отношения, 1979. – 136 с.
3. Пак Б.Д. Россия и Корея. / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий, Ю.В. Ванин. Изд 2-е, доп. – М.: Институт востоковедения РАН, 2004 – 520 с.

4. Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. // В.О. Печатнов, А.С. Манькин – М.: Международные отношения, 2012. – 688 с.
5. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Сборник документов: в 6 т. – М.: Политиздат, 1978/84 – Т.1 – 384; Т.2 – 198; Т.3 – 274; Т.4 – 302; Т.5 – 710; Т.6 – 511 с.
6. Cumings B. The Course of Korean-American Relations 1943-1945 / B. Cumings University of Wash-Press, 1983. – 161 p.
7. Truman H.S. The memoirs. 2 vol. / H.S. Truman – N.Y. – 1955/56. – 416 p.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ Г. БОЛИНГБРОКА: К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОЙ СПЕЦИФИКЕ «КОРОЛЯ-ПАТРИОТА»

М.А. Ковалёв

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Россия, e-mail: mkovalyov.89@mail.ru

В отношении политического идеала Г. Болингброка в историографии существует тенденция обвинять автора в утопизме, авантюризме, отсутствии политического реализма [3 : 320]. Однако для понимания авторских идей необходимо обратить внимание на жанровую специфику «Короля-Патриота». По данному вопросу имеются существенные расхождения. Одни историки считали его политической программой [6: 23-24], другие объясняли его особенности формой партийного памфлета [7: 174]. И. Крамник отмечал, что идея смешанного правления была Болингброком почерпнута из реального политического опыта страны [8: 152].

Система политических взглядов как таковая неоднородна. В её собственно теоретическом слое следует выделять два компонента. Во-первых, концептуально-теоретические структуры, выражающие модель данной идеологической системы. Во-вторых, программно-политические конструкты, связывающие эту идею с текущими задачами политического регулирования [5: 13]. Концепции осуществляют связь с общей мировоззренческой системой эпохи, тогда как программные установки носят более конкретный характер [2 : 8].

В данном вопросе следует, прежде всего, обратиться к мнению самого Болингброка. Сочинение написано очень живым, образным языком,

изобилует лирическими отступлениями и экспрессивными выражениями. Принципиально важно, что самого «короля-патриота» - главную идею произведения – автор представляет как «чудо» [1 : 200]. Он заявляет, что подобные рассуждения в столь мелочный и корыстный век неуместны, и даже пишет следующее: «Кое-кто сочтёт сказанное мной мечтами помрачённого рассудка...» [1 : 212-213]. Очевидно, что подобные высказывания не соотносятся с замыслом партийного памфлета или политической программы. Е. Б. Рубинштейн указывала на неприятие Болингброком любого рода политических абстракций: как «естественного состояния» Т. Гоббса и Дж. Локка, так и «государства-семьи» Р. Филмера [4 : 44]. Следовательно, его апелляцию к эпохе Тюдоров, неверно воспринимать как «руководство к действию»: «Идея о Короле-Патриоте» представляет недостижимый авторский идеал, выраженный в поэтический и даже лирической форме.

Сложность реконструкции политического идеала лорда Болингброка заключается в том, что у него «моральный фактор» фигурирует в качестве самостоятельного и является очень влиятельным. С одной стороны, произведение имеет жёсткий рационалистический каркас. И. Крамник видит здесь влияние ньютонианства: подобно небесной механике учёных, Болингброк разрабатывает своеобразную «политическую механику» [8: 193]. С другой стороны, концепция сочинения строится на иррациональном (отчасти даже популистском) отождествлении монарха с народом, что отражено в самом названии. Эта двойственность пронизывает рассуждение автора на всех уровнях.

Целью всякой системы правления Болингброк считает благо народа, а во главу угла ставит народную свободу. Свобода, по его мнению, зиждется на двух основаниях – на формально-юридических правах сословий и на «духе народа», под которым, очевидно, следует понимать волю к сопротивлению тирании [1: 208, 217, 218].

Образцом государственного устройства является семья [1: 227]. Однако авторский патриархализм не следует понимать буквально. Аристократию и демократию он рассматривает лишь как ветви монархического ствола, а также предпочитает наследственную монархию выборной. Вместе с тем, указывает на взаимные обязательства монарха и подданных и не считает наследственные права конкретной династии (Стюартов) неоспоримыми [1: 205, 206, 211, 216. 217]. «Божественное право» отвергается, но священный статус короля не исчезает, а превращает в метафору. Всякая земная форма правления есть продукт человеческого гения, однако в силу

того, что разум является божественным даром, государственная конституция косвенным образом тоже «священна» [1: 201, 203].

Если судить о Болингброке со стороны собственно политических проектов, то он не разработал ничего нового по отношению к вигизму, что уже отмечалось исследователями [9: 610]. Политическая власть имеет своим источником волеизъявление народа, а не «божественное право». Король – составной элемент британской конституции. Однако именно «моральная» сторона трактата придаёт ему новаторский характер и философскую глубину. Непередаваемое рациональными средствами «отождествление» короля с народом привносит в просветительские построения элемент вождизма.

Завершая рассмотрение политического идеала оппозиционного политика, следует резюмировать, что в данном случае речь не шла о конкретных политических проектах. Данные построения следует определить именно как идеал – желательное, но полностью неосуществимое, отчасти окрашенное в романтические тона представление о государстве. Не случайно сам мыслитель, посвятивший данной проблеме отдельное произведение, называет его идеей («Идея о Короле-Патриоте»). У Болингброка идеал представлен в виде «народной монархии», где прерогативы короны и права человека не противопоставлены, а специфическим образом «амальгамированы».

Примечания.

1. Болингброк Г. Идея о Короле-Патриоте // Болингброк Г. Письма об изучении и пользе истории. – М. 1978. С. 197-239.

2. Гаджиев К. С. Политическая идеология: концептуальный аспект // Вопросы философии, 1998, № 12. С. 3-20.

3. Лабутина Т. Л. Культура и власть в эпоху Просвещения. – М., 2005.

4. Рубинштейн Е. Б. Лорд Болингброк: путь философа // Человек эпохи Просвещения. – М., 1999. С. 33-48.

5. Соловьёв А. И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис, 2001, № 2. С. 5-23.

6. Butler G. G. The tory tradition: Bolingbroke – Burke – Disraeli – Salisbury. – L. 1914.

7. Collins J. H. Bolingbroke. A historical study. – New York, 1886.

8. Kramnick J. Bolingbroke and his circle. The politics of nostalgia in the age of Walpole. – Cornell, 1992.

9. Macknight T. The life of Henry St. John, Viscount Bolingbroke. Secretary of states in the reign of queen Anne. – L., 1863.

ЖЕНЩИНЫ-ВОИТЕЛЬНИЦЫ

С.А. Короткова

НИУ-ВШЭ, департамент политической науки, Москва

korotkova_s_a@mail.ru

Когда-то в древности мужчины сознательно вытеснили женщин из основных сфер, в которых протекала публичная жизнь - из политики, религии и армии. Отсутствие женщин в общественном пространстве давало простор фантазиям о том, что женщина ни на что не годна.

31 января - 2 февраля 2014 г. в столице Баварии прошла юбилейная 50-я Мюнхенская конференция по безопасности. На форум присутствовали более 20 глав государств и правительств, более 60 министров иностранных дел и обороны. На одной из фотографий, сделанных на этом форуме, четыре дамы. Это было бы обычное фото, если не знать, что все четверо – министры обороны европейских стран (Швеции, Голландии, Норвегии и Германии), которых назвали "четыре валькирии". Феминистский блок в политике радуется тому, что гендерное наступление идет "по всем фронтам". Скептики, напротив, считают, что никакое это не наступление, а девальвация значения военных ведомств в период после холодной войны.

В России в 2015 г. конкурс в военные высшие учебные заведения достиг шести человек на место, а среди девушек - 30 человек на место. Министр обороны С.К. Шойгу рассказал, что в Военно-медицинскую академию на 25 мест для девушек претендовали свыше 100 медалисток, а в общей сложности набралось 800 кандидаток. Военные училища и вузы обратились в министерство с просьбой увеличить квоту мест для девушек, и военное ведомство вынуждено рассматривать варианты решения этой проблемы.

Хорошо это или плохо, и что это за феномен такой женщины-воительницы? Сколько их было в истории. Как оказывается - множество. Почему женщины брали в руки оружие, почему они шли в воительницы? Среди мотивов, побуждающих женщин идти в вооруженные силы можно выделить такие:

- защита своей земли от неприятеля, помощь отцам, мужьям, сыновьям;
- желание отстоять свою честь и достоинство, желание доказать окружающим, что они тоже что-то значат;
- искреннее желание служить своей Родине, непосредственно участвовать в обеспечении безопасности своего государства.

- стремление быть социально защищенными, иметь гарантированное и относительно высокое денежное довольствие, обладать определенным статусом и пользоваться льготами, предусмотренными для военнослужащих;

- необходимость работать в гарнизоне, по месту службы мужа;

- продолжение семейных династий, когда дочери кадровых военнослужащих в силу особенностей воспитания осознанно стремятся продолжать семейные традиции;

- желание испытать свои силы в сложных условиях, которые предполагает военная служба, в том числе в ходе боевых действий;

- действительная тяга к военной профессии и желание сделать карьеру в армии.

Ранние примеры того, что женщины брали в руки оружие, относятся к очень глубокой древности. Сразу вспоминаются амазонки - знаменитые наездницы, дочери Ареса, которые сражались под стенами Афин и Трои. Корнелий Тацит, римский историк, отмечает, что когда Британия в 60 г. до н.э. по призыву Будикеи (королевы одного из племён – иценов) поднялась на восстание против римлян, то в её войсках преобладали представительницы слабого пола. Легенды о существовании женщин-воительниц можно найти в сказаниях народов многих стран: Японии, Америки, Китая, Индии и многих других. Женщины-воительницы часто встречаются в скифо-сарматском эпосе. В раннем средневековье их знамя подхватили жившие на территории Хазарского каганата алано-болгарские воительницы. В XI – XII вв. в степи южной России и Украины приходят половцы. Исследователи считают, что знаменитые поляницы, с которыми сражались и на которых часто женились русские богатыри, – это половецкие девушки. В Ирландии воинская повинность для женщин была уничтожена только в конце VII в. н.э. стараниями монаха Адамнана, впоследствии причисленного к лику святых. В германских племенах

при вступлении в брак невесты получали от своих мужей в подарок не кольца, не наряды и даже не кухонную утварь, а полный набор боевого вооружения. В VIII в. н.э. в Чехии появилось подобие женской республики. Женщины подняв бунт против тирании мужчин, захватили замок, стоявший на горе Видолве, и удерживали его в течение восьми лет. В конце - концов некому герцогу удалось расправиться с женщинами, которые сражались до конца. По свидетельству историка Саксона Грамматика, в состоявшейся в 750 году битве между шведским и датским войсками, на сто-

роне последних сражалось 300 дев со щитами и длинными мечами. В средневековье в Японии возникла знаменитая община куноити – женщин-ниндзя. Никифор, патриарх константинопольский, живший во вт. пол. VIII – н. IX в., описывая осаду Константинополя аварами и славянами, говорит, что в их войске были и женщины. Записи в ростовской летописи повествуют о легендарной ростовской всаднице XII века Фекле, дочери воеводы Фили, который служил у князя Юрия Долгорукого. Мы точно знаем о двух женщинах, которые переодевшись в мужское платье, сражались на Куликовом поле. Это - Феодора Ивановна Пужбольская и Дарья Андреевна Ростовская. Имеется много сообщений об участии в битвах в Северной Америке против «бледнолицых» индейцев из племен шайенов, кроу, черноногим, сиу, команчи.

При императрице Анне Иоанновне, которой какая-то гадалка предрекла смерть от кинжала, была создана первая тайная женская охранная рота. В 1787 г. к приезду в Крым Екатерины II там по инициативе князя Потемкина была создана так называемая «Амазонская рота» под началом девятнадцатилетней Елены Сардановой из жен офицеров.

В Шри-Ланке представителей царской семьи Канди (государство в центральной части острова в XV -XIX вв.) охраняло небольшое войско прекрасно обученных женщин-лучниц. В XX в. в Африке на территории современного Бенина продолжала своё существование армия, созданная ещё в 1645 г., из великолепно обученных женщин, количество которых в начале XIX в. составляло 6 тыс. человек.

Родиной идеи феминизация армии была Великобритания. В 1653 г. в Англии появились первые женские военные госпитали, в которых работали жены солдат. Впервые наравне с мужчинами как полноправные военнослужащие с соответствующим социальным статусом безо всяких ограничений женщины стали служить в войсках Канады в 1895 г. Их начали принимать в армию в мирное время не только в службы обеспечения, но и в боевые части как полноправных военнослужащих. В западноевропейских государствах военнослужащие женского пола появились в период Первой мировой войны. В 1917-1919 гг. в составе английских вооруженных сил были сформированы Женские королевские военно-воздушные силы, Королевский вспомогательный корпус ВМФ и Женский легион секции автотранспорта в количестве 10 тыс. человек. Вторая мировая война привела к увеличению числа женщин в воинских формированиях. В английской ар-

мии насчитывалось до 225 тыс. женщин, в американской - 450-500 тыс., в германской - около 500 тыс.

В начале 1970-х гг. многие армии мира перешли на комплектование личного состава по принципу добровольного найма, и число женщин-военнослужащих стало заметно возрастать. Однако есть страны, где служба женщин в армии обязательна (Израиль, Северная Корея, Тайвань, Ливия, Малайзия, Перу, Бенин, Эритрея, с некоторыми оговорками – Китай). В большинстве же государств женщины могут служить в армии добровольно (США, Канада, Великобритания, Германия, Франция, Россия, Швеция, Швейцария, Нидерланды, Бельгия, Дания, Норвегия, Португалия, Испания, Греция, Турция, Пакистан Люксембург, Шри-Ланка и др.). В США и большинстве европейских стран существуют специальные войсковые подразделения, которые укомплектованы только женщинами.

В России число женщин, привлеченных на военную службу, постоянно увеличивалось, начиная с Крымской войны (участвовали порядка 120 сестер милосердия), до Второй мировой войны (воевало около 1 млн женщин). Впервые в мировой практике именно в России и СССР в годы Первой мировой и Великой Отечественной войн были созданы боевые части, состоящие только из женщин-военнослужащих.

В Вооруженных силах СССР до 1985 г. численность военнослужащих-женщин не превышала 5%, то за последующие 10 лет она увеличилась в российской армии в 10 раз и составила в 1996 г. 350 тыс. человек. На 2012 г. было около 50 тыс. в армии, во флоте, и даже в ВДВ (в знаменитой 76-й Псковской дивизии ВДВ служит более 380 женщин, среди них 16 офицеров) и космических войсках. Это количество составляло до 5% от численности российской армии, но затем последовало некоторое сокращение (1,8% женщин-офицеров имеют оперативно-тактическую военную подготовку, 31,2% – полную военно-специальную подготовку, а 19% получили военную подготовку на военных кафедрах гражданских вузов). Из 50-ти тысяч женщин-военнослужащих - 3 тыс. служили на офицерских должностях, среди них около 400 старших офицеров, около 20 полковников. Несколько россиянок дослужились до генеральского звания, но две из них уже несколько лет в отставке (Валентина Терешкова, Галина Смирнова, Наталья Климова, Елена Князева). В российской полиции служит около 180 тыс. женщин, в том числе 5 генерал-майоров и 1 генерал-лейтенант (среди них Татьяна Москалькова, Светлана Перова).

В мировой практике с 1960 г. 84 женщины занимали в разное время в разных странах посты министров обороны. Первопроходцем стала министр обороны Финляндии Элизабет Рен (с 1990 по 1995 гг.), впоследствии занимала пост помощника Генерального секретаря ООН.

На сегодняшний день в Европе женщины – министры обороны: в Албании (с сентября 2013 г.) – Мими Кодели. В Германии (с декабря 2013 г.) - Урсула фон дер Ляйен, в Норвегии (с 2013 г.) - Ина Мари Эриксен Сорейде, в Швеции (с 2012 г.) - Карин Марта Элизабет Энстрём, в Нидерландах (с 2012 г.) - Жанин-Хеннис Плашерт. В 2012 г. на 81-й Генеральной ассамблее Интерпола его руководителем была избрана 58-летняя француженка Мирей Баллестраззи. В мае 2014 г. командующим вооружёнными силами ООН по поддержанию мира на Кипре впервые назначили генерал-майора Кристин Лунд из Норвегии.

ДЕБАТЫ В 104-М КОНГРЕССЕ США ПО ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗОВАНИИ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

Т.В. Красильщикова

*Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир,
Россия, skyskytter@yandex.ru*

В 1996 г. одно из центральных мест в дискуссиях Белого дома и оппозиции занял вопрос об образовании детей с ограниченными возможностями. Законопроекты обеих палат Конгресса (HR 3268, S 1578) предлагали внести поправку в соответствующий закон 1975 г. По нему ученикам с ограниченными возможностями давалось право получения бесплатного образования на таких же условиях, как и обычным детям [2: 651]. Каждый ребенок должен был иметь свой особый образовательный план, который составлялся родителями и учителями в соответствии со способностями, умениями ученика. Вносившиеся изменения позволяли школам получить свободу в установлении дисциплины в классах, где встречались неуправляемые ученики и где присутствовали дети с ограниченными возможностями. Кроме того, Палата представителей предлагала изменить финансирование программы.

Закон 1996 г. затрагивал интересы 5,4 млн. детей. Половина из них имела психические отклонения, а другая – физические или эмоциональные

заболевания. В целом, они составляли 10 % всех американских школьников [3:7-17]. Положительной стороной предлагаемого закона было то, что дети, независимо от их физического и психического здоровья, могли получать образование. Эта проблема привлекала внимание широкой общественности, организаций, занимающихся проблемами детей с отклонениями в развитии, их родителей и учителей [1:411]. «Мы нервничаем из-за того, что боимся вернуться в те дни, когда любой предлог мог стать причиной недопуска подобных учеников в класс» - отметил член Палаты представителей Дэйл Э. Килди (Д., Мичиган) [3:7-16]. В борьбе за законопроект демократы выступали против того, чтобы школы имели право исключать школьников в любое время учебного года.

Самые большие дебаты вызвал вопрос об установлении дисциплины в классах, где присутствовали дети с ограниченными возможностями. Министерство образования настаивало на том, чтобы администрации школ обеспечили равные условия для всех учеников. Независимо от обстоятельств, в случае использования оружия, наркотиков и т.п., ученик исключался из школы без права получения образования. С этим также соглашалась и Палата представителей. Сенат высказался за то, чтобы исключенный из школы ученик получал образование на дому.

Комитет Сената по труду единогласно (16 – 0) поддержал эту проблему [3:7-16]. Это выявило, строгую взаимосвязь среди членов одной партии. Республиканцы были не согласны и предложили ряд поправок. Но в ходе дебатов ни поправка Джона Ашкрофта (Р., Монтана), ни Джадда Грегга (Р., Нью Гемпшир), ни Нэнси Л. Кассебаум (Р., Канзас) не увенчались успехом.

10 июня 1996 г. законопроект республиканцев был одобрен. Он включал в себя следующие положения [3:7-18]:

- создание федеральных фондов в штатах, размер которых зависел от численности населения в штате;
- школы должны были получать финансирование из своих фондов, распределяя деньги в равных пропорциях;
- любого ученика могли исключить из школы за плохое поведение, принесение в школу оружия и наркотиков. При этом ученики лишались права на продолжение образования;
- школьные администрации не должны были больше оплачивать услуги адвокатов, представляющих родителей детей с отклонениями в развитии;

- организация дополнительного обучения учителей для получения знаний о работе с детьми с отклонениями в развитии;
- объединение 14 существующих фондов и программ.

Данный законопроект являлся ключевым в дискуссиях законодателей по вопросам образования в 1996 г.

Примечания.

1. Clinton H.R. Living History // www.saigontre.com/FDFiles/Hillary_Living_History.pdf (30.11.2010).
2. Congressional Quarterly Almanac. 1975.
3. Congressional Quarterly Almanac. 1996.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ПРЕЗИДЕНТА И КОНГРЕССА США ПО ВОПРОСАМ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ПРИ РАЗДЕЛЕННОМ ПРАВЛЕНИИ

И.К. Лапшина

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия, lapshina.2012@yandex.ru

Ситуация разделенного партийного контроля над исполнительной и законодательной ветвями власти стала постоянным фактором политической жизни США на рубеже XX-XXI веков, а в послевоенный период с ней столкнулись в своей деятельности 9 из 12 президентов, включая Б. Обаму. Не случайно феномен разделенного правления продолжает вызывать устойчивый интерес в американской историографии, демонстрирующей по сравнению с периодом конца 1980-х – начала 1990-х годов смещение акцента в сторону изучения его воздействия на внешнеполитическую сферу.

Необходимо отметить, что границы полномочий между исполнительной и законодательной ветвями власти во внешнеполитической области определены в американской Конституции весьма расплывчато и проблема конституционных основ взаимодействия ветвей власти США в сфере внешней политики предстает очень неоднозначной. Не случайно среди исследователей присутствует мнение о том, что «внешняя политика остается в большей степени политически регулируемым, нежели чисто правовым образованием, также, как и внешнеполитическая власть и ее институ-

ты в большей степени определяют вопросы внешней политики, чем ее конституционные принципы» [3: 483]. Показательны дебаты в научных и политических кругах США относительно использования в Ливии вооруженных сил против сторонников М. Кадафи без одобрения Конгресса. В ходе полемики было высказано мнение о том, что «объявить войну и вести войну – две разные функции, и у Президента Обамы, вне сомнения, было на это право». Отмечалось также, что за всю историю Соединенных Штатов Конгресс только пять раз официально объявлял о состоянии войны: трижды в XIX в. (война 1812 года, война с Мексикой, испано-американская война) и дважды – в XX в. (вступление в первую и Вторую мировые войны). При этом более 100 военных операций было проведено без какого-либо предварительного согласования с законодателями, включая операции в Боснии, Косово, Македонии в 1990-е годы, при том что Закон о военных полномочиях 1973 г. предполагает проведение консультаций Белого дома с Конгрессом по вопросу задействования вооруженных сил [5].

Таким образом, в самом конституционно-правовом поле изначально заложена существенная вероятность обострения межпартийного противостояния при разделенном правлении в США при разработке внешнеполитического курса, тем более, что каждая из сторон обладает действенными инструментами отстаивания собственного видения. Для Президента к таковым относятся, прежде всего, возможность определения внешнеполитической повестки нации, использование «соглашения исполнительной власти», не требующего одобрения законодательного органа, но фактически имеющего силу международного договора. Однако практическая реализация подобных соглашений напрямую зависит от поддержки Сената, обладающего «властью кошелька», т.е. определяющего финансовое обеспечение или отказывающего в ассигнованиях на международные или оборонные проекты.

Проблема формирования внешней политики США в условиях разделенного правления стала предметом активной разработки в американской историографии с конца 1990-х – начала 2000-х годов. В целом можно выделить несколько крупных вопросов, находящихся в центре внимания исследователей. Во-первых, это проверка действенности тезиса А. Вилдавски о «двух президентствах» в условиях ситуации разделенного правления, согласно которому следует ожидать большую поддержку со стороны оппозиционного Конгресса Президенту по вопросам внешней политики по

сравнению с внутренней. С обращения к тезису Вилдавски на стадии формулирования проверяемой гипотезы начинается, пожалуй, большинство имеющихся статей. Во-вторых, повторяется центральный вопрос дискуссии конца 1980-х – 1990-е годов относительно влияния разделенного партийного контроля на внутреннюю политику [1: 35-44], который переносится теперь уже на внешнеполитическую сферу: это возможность возникновения тупика во взаимодействии ветвей власти при принятии соответствующего законодательства. Наконец, важное место занимает вопрос о факторах, определяющих и меняющих взаимодействие Президента и Конгресса в сфере внешней политике в послевоенный период.

Рост влияния Конгресса в определении внешней политики США, в решении вопросов, связанных с заключением договоров, выделением финансирования на оборону, оказание помощи зарубежным государствам, развитие международной торговли и использования силы, как и существенное снижение двухпартийной поддержки Белого дома после окончания холодной войны, отмечено многими американскими исследователями в работах конца 1990-х – начала 2000-х годов [2: 2-8]. Согласно имеющимся исследованиям, двухпартийная поддержка Президента по внешней и оборонной политике упала после окончания войны во Вьетнаме с 56% до 24% и снизилась до 20% после 1989 г. [6: 668]. При этом поддержка Президента по вопросам внешней политики не отличалась существенно от поддержки по внутривластным вопросам [7: 702-703]. Исследования также показывают, что наиболее значимой причиной возникновения тупика при принятии внешнеполитических законопроектов является не столько противостояние ветвей власти, вызываемое разделённым правлением, сколько наличие партийных разногласий и идеологическое противостояние в Конгрессе США [4: 77]. Представляет интерес вывод Дж. Делаэта и Дж. Скотта о том, что партийные разногласия оказывают все более существенное влияние на голосования по договорам о контроле над вооружениями в верхней палате американского Конгресса, однако они затрагивают прежде всего консервативно настроенных законодателей верхней палаты. Либералы в принятии политического решения по столь важному вопросу более склонны отодвигать партийные предпочтения на задний план [2: 26].

Повышение активности Конгресса в сфере внешней политики в пост-биполярный период международного развития многие исследователи связывали с «уменьшением цены риска бросить вызов президенту» со сторо-

ны законодателей в условиях более безопасной международной обстановки, усиления взаимозависимости мировой экономики, снижение общественного интереса к данной сфере, возрастающее давление со стороны избирателей, что и привело в целом к уходу от межпартийного консенсуса в области внешней политики США [2: 7-8]. Высказывалось нуждающееся в дальнейшем внимательном рассмотрении предположение о том, что окончание холодной войны привело к «структурным изменениям» во взаимодействии Президента и Конгресса по внешней политике [4: 71-72]. Полагаем, что современное развитие мировой обстановки внесет важные изменения в существующий международный порядок, как и во взаимодействие властных институтов различных стран, включая США. Это делает необходимым дальнейшее внимательное изучение их роли в формировании внешнеполитического курса в различных моделях государственного управления.

Примечания.

1. Лапшина И.К. Разделенное правление в США. М., 2008.
2. DeLaet J., Scott J. Treaty Making and Partisan Politics: Arms Control and the U.S. Senate, 1960-2001. Paper prepared for presentation at the Annual Meeting of the International Studies Association – Midwest St. Louis, October 21-22. 2005.
3. Henkin L. Constitutional Issues in Foreign Policy // Perspectives on the Presidency. Boston, 1975.
4. Peake J. Coalition Building and Overcoming Legislative Gridlock in Foreign Policy, 1947-98 // Presidential Studies Quarterly. 2002. № 1.
5. Pete Williams and Jonathan Hutcheson. Did Obama Violate the Constitution with Libya Military Action? // NBC News. 2011. March 22. - http://firstread.nbcnews.com/_news/2011/03/22/6323385-did-obama-violate-the-constitution-with-libya-military-action.
6. Prins B., Marshall B. Congressional Support of the President: A Comparison of Foreign, Defense, and Domestic Policy Decision Making during and after the Cold War // Presidential Studies Quarterly. 2001. № 4.
7. Schraufnagel S., Shellman S. The Two Presidencies, 1984-98: a Replication and Extension // Presidential Studies Quarterly. 2001. Vol. 31. № 4.

ВООБРАЖАЕМАЯ АМЕРИКА: ОБРАЗ США В МАССОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН

А.А. Некрасов

*Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль,
nekandr@yahoo.com*

В повести Василия Аксёнова «Затоваренная бочкотара» один из персонажей, «рафинированный интеллигент» Вадим Дрожжинин, всю жизнь посвятил изучению латиноамериканской страны Халигалии. Хотя он никогда в этой стране не был из-за происков правящей там хунты, «он знал все диалекты этой страны, а их было двадцать восемь, весь фольклор, всю историю, всю экономику, все улицы и закоулки столицы этой страны города Полис и трех остальных городов, все магазины и лавки на этих улицах, имена их хозяев и членов их семей, клички и нрав домашних животных» [1:8]. Отсутствие практического опыта пребывания в Халигалии дает учёному даже определённое преимущество, позволяя сформировать законченный и непротиворечивый, хотя и идеализированный, образ этой страны.

Ирония В. Аксёнова понятна каждому советскому человеку. За редким исключением (дипломаты, шпионы, моряки дальнего плавания), граждане СССР никогда не бывали и не могли даже в самых смелых мечтах надеяться побывать в США. Каждому, кто задумывался о жизни «там», приходилось рисовать свой, столь же идеальный, образ Америки. Образы эти были разными, более или менее изошрёнными, в зависимости от образовательного уровня, кругозора и начитанности его носителя. Формировался этот образ из крупиц информации, выуживаемой из «штампованной» официальной периодики, журнала «Ровесник», «Голоса Америки», главным же образом, из художественной литературы и кинофильмов, а также виниловых пластинок с записями джаза, рок- и поп-музыки. Если информации для законченного образа было недостаточно, «белые пятна» заполнялись за счёт собственной фантазии. В результате, получалась в высшей степени эклектичная и вневременная картина, в которой удивительно гармонично сочетались реальные факты с мифами и слухами.

Подчас «виртуальные» образы Америки и других западных стран, а то и Запада в целом, оказывались удивительно адекватными реальности. Так, российский философ и культуролог Георгий Гачев написал в середине 1970-х почти 1000-страничный труд «Америка глазами человека, который ее не видел, или Американский образ мира»: «погружаюсь на 2-3 года в Америку, изучаю историю, поэзию, их естествознание, искусство, кино и

т.д., пишу свои мысли, и вышла книга – вроде, съездил. Так же и в Индию, в Англию, во Францию и пр. И это целая серия национальных миров, плод интеллектуальных путешествий»[3:13]. Когда автору, почти двадцать лет спустя, впервые довелось побывать в Америке, его «живые» впечатления не слишком отличались от сформированного им ранее представления об американском космо-психо-логосе. «Например, я был просто ошарашен решенностью расового вопроса, - замечает Гачев. - Негры везде совершенно спокойно обитают, торжествуют на телевидении. Еще что меня поразило? Оказывается, они не так перерабатывают и работают, как я думал. Нет, веселятся и легко относятся к жизни» [5:5].

Большинству наших соотечественников, однако, проверить лично соответствие «идеала» реальной жизни в Америке так и не пришлось. Даже сейчас, когда не существует уже непреодолимых препятствий, воздвигавшихся перед желающими выехать за рубеж в Советском Союзе, гораздо легче и дешевле посетить европейские страны, чем США.

Нечего и говорить о советской эпохе, когда подчас возникали сомнения в самом существовании Америки. Никто ведь её своими глазами не видел, а те, кто видел, никогда не возвращались. Встретить в СССР «живых» американцев было почти невозможно, особенно в провинции. «Радиоголоса» казались вестью из «других миров», особенно в ночное время. Невольно закрадывалась мысль о том, что США, американцы, Пентагон, Белый дом и Капитолий, вся американская культура, - всё это грандиозный виртуальный проект, созданный советской пропагандой для того, чтобы потом с этим фантомом бороться, отвлекая внимание советских людей от тотального дефицита и других неурядиц повседневной жизни в СССР.

Словно подтверждая эти подозрения советских людей, Генри Миллер утверждал в «Тропике Рака»: «Америки не существует вообще. Ее нет. Это - название, которое люди дали вполне абстрактной идее...» [4:165]. «Америка, в отличие от Европы, родилась из идеи, «на кончике пера», - подхватывали эту мысль П. Вайль с А. Генисом. – Американцы часто кажутся нам существами двухмерными, как персонажи мультфильмов» [2:11-12, 14].

Неудивительно, что мифы об Америке, отчасти созданные самими американцами, - СМИ, рекламой, «фабрикой звёзд», - оказались ярче и «реальнее» самой реальности, надолго и прочно застряли в головах россиян. Кофе «Максвелл» «хорош до последней капли», до сих пор повторяем мы вслед за Маяковским («Бродвей», 1925) и автором этого слогана, пре-

зидентом Теодором Рузвельтом. «Американцы, - они же тупы-ы-е!» - радостно ревет российская телевизионная аудитория вслед за М. Задорновым, пытаясь тем самым поднять самооценку.

При всём разнообразии индивидуальных образов Америки, в советском массовом сознании можно выделить несколько устойчивых стереотипов, характеризующих США, как позитивных, так и негативных.

1. Страна невиданной, абсолютной свободы. Нет цензуры, ограничений свободы слова и других демократических свобод.

2. Олицетворение технического прогресса. В каждой семье есть машина, а то и две, не говоря уже о разнообразной бытовой технике.

3. Страна изобилия. Невозможно было себе представить какой-то товар, который нельзя было купить в США, вплоть до оружия и наркотиков. Приоритетом у советских граждан пользовались, впрочем, джинсы, жвачка и виниловые пластинки с записями джаза, рок- и поп-музыки.

4. Государство, стремящееся к мировому господству, угрожающее суверенитету других стран.

Страх перед американской угрозой опирался на реальные исторические факты: рост вооружений, атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки, войны США в Корее и Вьетнаме, провокации в отношении Кубы. Однако, ядерный паритет США и СССР, разрядка напряженности и другие факторы международной политики нивелировали эти опасения, в то время как позитивные стороны американского имиджа безусловно преобладали, особенно у молодёжи, интеллигенции, жителей больших городов.

В то же время, у пожилых людей, переживших войну, сельчан, жителей малых городов было иное отношение к потенциальной угрозе со стороны США. Они были более восприимчивы к официальной советской пропаганде и испытывали страх не только перед возможной войной, но и перед засильем чуждой американской культуры.

В постсоветской России образ Америки несколько изменился: прежние позитивные черты – демократические права и свободы, изобилие потребительских товаров – в значительной степени утратили свое значение для России, с её внешними атрибутами «красивой жизни»: иномарками, клубами, гипермаркетами, современной индустрией развлечений. В то же время, к прежним негативным стереотипам (военная угроза) добавились новые: разгул преступности в США, моральная распущенность (засилье геев и лесбиянок), интеллектуальная ограниченность, бездуховность, пренебрежительное отношение к культуре. Всё это, вкупе с крайне агрессив-

ной антизападной и антиамериканской государственной пропагандой, сформировало у большинства россиян более «плоский» и прямолинейный, чем в СССР, образ Америки.

Примечания.

1. Аксёнов В.П. Затоваренная бочкотара // Вкус. М., 1991
2. Вайль П., Генис А. Американа. М., 1991.
3. Гачев Г. Ментальности народов мира. М., 2008.
4. Миллер Г. Тропик Рака. СПб., 2005.
5. Мы открываем Америку. «Круглый стол» клуба «Свободное слово»// Искусство кино. 1993. №6.

ПАРАЛЛЕЛИ МЕЖДУ СУДЕБНОЙ ВЛАСТЬЮ В ШВЕЦИИ НАЧАЛА XVIII ВЕКА И СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМОЙ РОССИИ

Осяев А.Г.

*Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,
г. Рязань, Россия, osyaev83@mail.ru*

На развитие правовой системы нашей страны оказали большое влияние институты соседних государств. Среди их можно выделить королевство Швеции, с которого нашими политическими лидерами была скопирована работа ряда ветвей власти. Впоследствии эти преобразования легли в основу конституционных основ России.

Современная судебная власть в нашей стране, затрагивающая дела общей юрисдикции, представляет собой четырёхуровневую систему. На первой ступени находятся мировые судьи. Они рассматривают гражданские дела стоимостью иска до 50 000 руб., уголовные дела небольшой и средней тяжести и административные правонарушения в рамках границ своего участка. Территориально они располагаются в районных городах или посёлках городского типа. Кандидатов на должность аппарата мирового судьи утверждает законодательный орган субъекта РФ или его выбирают жители участка.

Следующая ступень - это городские и районные суды. Они рассматривают гражданские дела стоимостью иска свыше 50 000 руб., уголовные дела, которые относятся к тяжким и особо тяжким, также являются апелляционной инстанцией по отношению к мировым судьям. Кандидатов на

должность судьей в районные и городские суды назначает президент РФ по представлению председателя инстанции. Сам суд располагается в районных населённых пунктах или районах областного города.

К третьему уровню относятся суды субъектов РФ. В обязанность которых, входит рассмотрение дел в качестве апелляционной инстанции по отношению к районным и городским судам. Располагаются они в столицах субъектов. Дела рассматриваются коллегией из трёх судьей. Кандидатов в аппараты назначает президент РФ по представлению Председателя Верховного суда.

Венчает судебную пирамиду РФ по делам общей юрисдикции Верховный суд РФ. Он является высшей апелляционной инстанцией ко всем нижестоящим судам. Кандидатов на должность судей назначает Совет Федерации по представлению президента РФ. Территориально суд находится в столице РФ.

Подобная система правосудия наблюдалась в Швеции на 1700 год. Нижнее звено называлось дискритными судами. Они состояли из 3-5 заседателей. Их выбирали из крестьянского сословия жители дискрита. Как правило, это были обеспеченные люди. Возглавлял суд дискритный судья. Его назначал лично король из нескольких кандидатов, предложенных структурным подразделением его Канцелярии. Нижняя судебная инстанция рассматривала уголовные и гражданские суда в рамках своей территории. Ко второй обязанности дискрита относилось визирование сделок купли-продажи с землёй. Этим занимался непосредственно председатель.

На втором уровне судебной иерархии находился провинциальный суд. Он являлся апелляционной инстанцией по отношению к дискритному. Одновременно мог рассматривать дела, как первая инстанция, в случае их важности и последующего отзыва из дискрита. В состав провинциальных судов входили 3-4 судьи из дискритного суда и провинциальный судья. Он назначался по тому же принципу, что его коллеги из инстанции ниже.

Следующей инстанцией в королевстве являлись апелляционные суды. В Швеции их насчитывалось четыре. Они располагались в самых важных городах королевства: Стокгольме, Або, Дерпте и Йенчёпинге. Помимо апелляционных процессов по отношению к провинциальным судам, они рассматривали в качестве первой инстанции особо важные дела дворян, преступления против государства и интересов короля. Состав суда, как на нижних ступенях, был коллегиальным. В него входили президент, вице-президент и ассессоры. Заседание апелляционных судов происходили, со-

гласно регламента, в присутствии монарха или его ответственного лица. Стоит отметить, что помимо судебных функций Стокгольмский апелляционный суд наблюдал за правильным толкованием законов другими судами и следил за единообразием правосудия в стране.

Эти функции давали ему право становиться главным судом Швеции, однако на деле этого не было. Возглавляла систему правосудие Королевская судебная ревизия. Она являлась одним из подразделений Канцелярии, одновременно выполняя функции высшего арбитражного суда в стране. Заседания в ревизии проходили только под руководством короля, за ним же оставалось последнее слово в вопросах принятия окончательного решения.

Таким образом, видно, что современная судебная система РФ частично повторяет шведскую правовую систему начала XVIII века. Это проявляется в четырёх уровневой системе правосудия. Во-вторых, в выборности судей начального уровня – мирового участка и дискрита. И, наконец, в подотчетности судей всех инстанций главе государства. В Швеции подобная система правосудия способствовала росту абсолютизма. В современной России она привела к централизации власти в руках президента и дальнейшему укреплению его института.

ПОСТВОЕННЫЕ ПРОГРЕССИВНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ В ГЕРМАНИИ И ЯПОНИИ (1945 – 1952 ГОДЫ)

Е.Ю. Рогачева

*Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, Россия, erogacheva@hotmail.ru*

Историко-педагогический материал, касающийся анализа процесса восприятия прогрессивной педагогики поверженными во второй мировой войне державами представляет особый интерес для осмысления идеи кросс-культурного диалога. Речь пойдет о таких странах как Германия и Япония, которые после поражения в войне стали объектом перевоспитания со стороны действующих в то время комитетов. Летом 1946 года из Вашингтонского офиса Перевоспитания (Re-education) группа квалифицированных экспертов была направлена в Германию для осуществления образовательного проекта демократического толка. Любопытно обозначить

членов комитета; Георг Ф.Зук - президент Американского совета образования и председатель комитета; Бес Гудиконц - директор департамента начальной школы в совете образования США; Генри Х. Хилл - президент учительского колледжа Джорджа Пибоди в Нэшвилле, Теннесси; Поль М.Лимберт - президент колледжа Христианского Общества молодых людей в Спрингфилде, Массачусетс; граф Дж. МакГрэт - декан университета Айова в городе Айова, штат Айова; Рейнольд Нибур - профессор союза теологического семинара в Нью-Йорке; отец Феликс Ньютон Пит - секретарь католического образовательного представительства в Луисвилле, Кентуки; Лоуренс Рогин - директор департамента образования Союза рабочих– текстильщиков в Нью-Йорке; Т.В. Смит- профессор Чикагского университета в Чикаго, Иллинойс и Хелен Уайт - профессор университета Винконсин в Мэдисон.

Георг Зук - председатель комитета, получил задание изучить школьную систему зоны Американской оккупации. Штаб-квартира самого комитета была организована в июле 1946 года и подразделялась на несколько департаментов, включая и департамент школьной организации. Именно эта штаб-квартира и служила центром перевоспитательной политики. В состав комиссии входили университетские педагоги, учителя, инструкторы, директора государственных образовательных учреждений, представители различных союзов и церкви. Комитет Зук впоследствии образовал костяк Гарвардского университета. Безусловно, образовательная составляющая деятельности этого комитета в определенной мере опиралась на основоположения лидера прагматической педагогики Джона Дьюи (1859-1952). Хотя комитет не ставил прямой цели – внедрение философско-педагогических взглядов Дьюи, однако, в докладе комитета, переданного военному американскому правительству осенью 1946 года имеется ссылка на Дьюи в разделе совершенствования и обновления школьной системы. Прагматизм Дьюи и Джемса объявлялся единственно верным научным методом для Германии. Давались четкие пояснения в отношении применения прагматизма Дьюи к сфере образования, более важные моменты были описаны в деталях. Философия образования Дьюи держит в поле зрения три элемента – ребенок, школа и общество. Однако, по мнению лидера прогрессивного воспитания эти элементы дополняются ещё тремя условиями-наличием демократии, опорой на опыт ребенка и учёт развития («роста») каждого ученика. Поскольку У.Джемс не был столь напрямую связан с педагогическим контекстом, то горизонт осмысления образовательной ре-

формы достиг лидера педагогики прагматизма - Джона Дьюи [3]. Однако, исследование текста доклада убедило в том, что размышления Дьюи интерпретировались членами комитета довольно вольно. В тексте раскрывался логический базис прагматической платформы, делался вывод о том, что немецкая «вера в традицию» должна была быть заменена «вне всякого компромисса жаждой познания» прагматизма и «постоянной готовностью к изменению», так как «новое мышление» было продиктовано «новой политической ситуацией», и хотя не связывалось с западной традицией», оно было «частью ее» [3].

Не случайно, исследователь Мюллер утверждал, что Дьюи «оказал наиболее важное влияние на новое образование в Германии начиная с 1945 года», а Ланге-Квассовски заявил, что особенное влияние педагогики Дьюи проступало в деятельности американских экспертов, занимавшихся организацией образования в пост-военной Германии. Отто Шландер отмечал, что факт влияния Дьюи на американских экспертов, занятых реорганизацией воспитания в Германии очевиден, что комитет Зука был вдохновлен идеями американского реформатора [5]. В заключительном докладе Гарвардского Комитета имелись официальные ссылки на Дьюи как на теоретика демократизации школы. Правда, намерение членов комитета Зука следовать прагматизму вскоре отошло в сторону, они стали требовать усилить привычку «некритического подчинения», посчитав бессмысленным искать в прагматизме новые эмпирически вероятные истины, в рамках которых существующее знание игнорировалось и защищалась историко-герменевтическая процедура [2: 104].

Гарвардский доклад делал упор на то, что не только милитаризм и расизм, но и вся оставшаяся культурная и ментальная традиция в Германии должна стать экспонатом музея, если она не может быть эмпирически доказана. В этот период в Германии имел достаточный успех фильм (Der Pauker, 1958), в котором Гайнц Рюман сыграл роль старомодного учителя, которого поначалу совершенно игнорировали его ученики-хулиганы, а затем прониклись к своему учителю уважением за то, что он вместе с ними занялся ремонтом старого автомобиля. В фильме явно звучали нотки, созвучные Дьюи - дисциплина в ходе совместной деятельности, отход от жестко обучающей (инструктор-предметник) роли учителя, стремление к развитию этических принципов в отношении друг к другу, а также идея проектного метода Килпатрика. Однако, размышления Дьюи были принесены в жертву и положены на алтарь политических целей. Для Дьюи ин-

струментализм – критический и креативный анализ традиций, к которому не привязаны конечные истины как начальная точка рефлексии.

В докладе не было ни слова о подходе Дьюи, согласно которому достижение самой демократии, овладение демократическими чувствами и устремлениями в обществе намного важнее, чем само знание о демократических процедурах, хотя в нем был призыв Дьюи к равным возможностям и культурному сообществу всех граждан. Идеи самоопределения и ратование за горизонтальную, интегрированную школьную систему, соответствующую модели средней школы высшего звена также во многом опирались на положения Дьюи.

Однако, как верно отметил С.Битнер, не столько педагогика Дьюи, сколько прагматизм рассматривался как средство ментального излечения Германии в поствоенный период, однако «впротивовес этому педагогический дискурс поствоенного периода бы основан на ошибке с самого начала: авторитетные власти Вашингтона не захотели видеть на немецкой земле реформаторской педагогики дьюистского толка, а еще в меньшей степени педагогического прогрессивизма любого рода, имеющего почву в США. Неточная ссылка в докладе Зука имела обратный эффект: офицеры образования остались без малейшего представления о том, какой должна быть школьная практика, в то время как Дьюи рассматривали как ведущего теоретика педагогики в педагогическом дискурсе, которого вынуждены либо признавать, либо отвергать по политическим и идеологическим причинам».[2: 83].

С 1945 года в Германии стали появляться различные педагогические течения: реформаторская педагогика, ориентированная на Петерсона, гуманистическая педагогика, развивающая идеи Литта, Шпрангера и Ноля, и как новое направление – демократическо социалистическое направление – последователи Роберта Альта Генриха Дитерса, Макса Густава Ланге и Отто Хазе. Последние из названных сумели развить социалистическую версию дьюистского понимания общества, а также проектных уроков Килпатрика. С точки зрения Сталина этот подход представлял исключительную угрозу для государства, так как, с одной стороны, имел начало в историческом и диалектическом материализме, а, с другой стороны, игнорировал возможность школы быть идеологически влиятельным институтом. В 1947 году правящая партия Германии включила в дискурс работу советского автора Щербова «Организационные формы обучения», в которой содержалась критика реформаторской педагогики от Петерсона до Дьюи, где

эти авторы назывались мелкобуржуазными и антиреволюционными, а их идеи, якобы служили американским и капиталистическим целям. С позиций марксизма ленинизма все методы обучения этих авторов были разбиты. Эта книга стала служить классическим аргументом против западной педагогики. В ней делался вывод о том, что деление на предметы и классы, жесткий учебный план – единственно верный путь в организации школьного дела. Битва Сталина и Ленина против экспериментальной школы и за политехническую ее модель, продолжавшаяся более 20 лет, не должна была повториться в ГДР.

Трактаты о Дьюи 1940-х годов были написаны в ключе указаний партии. В Германской Демократической республике изучение Дьюи было заблокировано с 1948 года Сталинской Советской педагогикой. Размышления о Дьюи стали недопустимыми, как и ссылки на всю западную реформаторскую педагогику, так как это рассматривалось как проявление ограниченного мелко - буржуазного и капиталистического мышления. Надо сказать, что в Германии послевоенного периода многие учителя – христиане страшно боялись спада религии в случае, если прагматизм вошел бы в сознание немецкого учительства.

В Японии процесс реформирования школы поствоенного периода также представляется довольно интересным. Внимательное отношение к культурам и людям других стран сменилось в учебниках накануне Второй мировой войны полным неприятием мирового опыта. Как писал Карасава Томитаро, лишь в знак солидарности тройственного союза Японии с Германией и Италией в учебниках можно было найти имена Бетховена и Галилея.

Став с августа 1945 года по апрель 1952 года оккупированной американцами зоной после поражения во второй мировой войны, Япония подверглась многосторонним экспериментам со стороны оккупационных властей, причем особенно активно создавалась новая система образования. 15 августа 1945 года Япония приняла условия Потсдамского Соглашения и безоговорочно сдалась союзническим силам. После Второй мировой войны американский оккупационный режим, осуществлявший полную демилитаризацию и демократизацию страны, занялся и вопросами образования. Эта реформа вошла в историю Японии как «вторая школьная реформа» и была направлена на изменение философии японской школы. Именно с этой целью «педагогический десант» из 27 педагогов и видных деятелей в

сфере образования был направлен в страну, чтобы сделать демократизм и гуманизм основными принципами новой образовательной системы.

В ходе осуществления программы образовательной реформы в Японии было обнаружено, что японские учителя и педагоги были знакомы с идеями Дьюи, а также с различными теориями и методами, популярными в 1920-1930-х годах в американском прогрессивном педагогическом движении.

Многие начинания оккупационных властей, явно содержащие демократические заветы Дьюи, такие, например, как создание союза учителей и родителей, союза учителей были прогрессивными. Однако вскоре, когда оккупационным властям пришлось самим согласиться участвовать в забастовке, организованной союзом учителей, они поняли, что зашли далеко. Это побудило генерала Мак-Артура прекратить деятельность по созданию демократического союза учителей и издать в 1949 году указ об очищении школ «от красных», арестовать руководителей учительского союза. Важно отметить, что в годы оккупации японцы занимали довольно активную позицию и создали свой собственный Комитет по школьной реформе, задачей которого стало внимательное изучение предложений американцев. Абе Йосисиге, занявший впоследствии пост министра просвещения Японии, обратился в марте 1946 году к американской миссии с просьбой считаться с традициями Японии. Он утверждал, что «...любая нация, чтобы стать подлинно демократической должна уважать одновременно и национальное и интернациональное», призывал решительно покончить с идеей национального превосходства, особенно в ее «ультранационалистической подаче с примесью иррационалистической мифологии». Автор предупреждал, что насильственное навязывание чужих ценностей неизбежно приведет к обезличиванию, утрачиванию Японией своих национальных особенностей. Он предостерегал американцев от взгляда на Японию как на «экспериментальное поле, где они могут внедрять свои собственные идеи, причем, идеи, которые сами американцы не могут реализовать даже в своей собственной стране». Патриот своей страны, Йосисиге требовал считаться с особенностями сложившихся в Японии исторических традиций в воспитании, заставляя американцев понять, что, все, что сделают японцы в сфере образования, может быть продиктовано их собственным желанием и собственным разумением [6, 150]. Американцы, порой, соглашались с этой позицией. Так, например, автор книги «Хризантема и меч» Руфь Бенедикт отмечала в 1946 году, что хотя у американцев и достаточно причин, чтобы

гордиться своим участием в административном управлении Японией после окончания Второй мировой войны, не все в Америке понимают, что к японцам нельзя подходить с теми же мерками, с какими они подходили к другим нациям. Она призывала не пренебрегать характером народа, хотя и поверженного в войне, но не утратившего своих корней. Внимательная Руфь Бенедикт сумела подметить разницу в толковании авторитаризма в Германии, Италии и Японии. Японцам, в отличие от немцев, был совершенно чужд авторитаризм старшего правителя, родителя. Отец в Японии всегда представлял человеком, очень уважительно относившемся к своему ребенку. А ребенок, в свою очередь, видел в отце товарища и гордился им [1].

В 1952 году в Японии три четверти учителей объединились в союз, который издал «этический код учителей», разворачивалась активная прогрессивная деятельность, которой страшились уже и сами американцы. Хотя многие дьюистские нотки программы оккупационного режима и принимались японцами, они никак не соглашались с призывами к децентрализации со стороны американцев, пытались сохранять строгую централизацию в школьном деле. В современной Японии имеются альтернативные школы, например, Вальдорфские школы, модель школы Дальтон-план в Токио (идея ученицы Д.Дьюи Эллен Паркхерст), но страна сохраняет приверженность к массовой модели школы.

«Фундаментальный закон по образованию» 1947 года стал документом в свете новой Конституции и явился продуктом совместных усилий как оккупационных властей, так и самих японцев. Учитель объявлялся «служителем всей общины», акцентировалось индивидуальное развитие ребенка, усиливался аспект «гражданского воспитания». Те японские педагоги, которые рассматривали образовательные реформы, проводимые оккупационным режимом США, как «основанные на принципах Дьюи», по-разному рассматривали степень влияния идей Дьюи на активности в классной комнате.

Исследователь Кобаяши считает, что многие японские педагоги восприняли «Новую педагогику» в оккупационный период, последовавший после Второй мировой войны, как продолжение «движения нового воспитания», которое существовало в Японии с 1912 по 1926 годы, что и привело к влиянию Дьюи в тот период. Нельзя сказать, что деятельность оккупационных властей в сфере образования полностью принималась японца-

ми. Многие бастовали, выходили на демонстрации с лозунгами «янки, уходите домой!» [4].

Анализ прогрессивных образовательных реформ в двух странах позволил ещё раз убедиться в том, что педагогический трансфер представляет сложный феномен. В каждой культуре начинает действовать в той или иной мере механизм отторжения инокультурного образца, связанный со стремлением сохранить культурные традиции, как это проявилось в Японии, или же адаптировать его к своим политическим настроениям, как это было в Германии.

Примечания.

1. Benedict Ruth. *The Chrisantem and the Sward*. Boston, 1946.
2. Bittner, S. *German Readers of Dewey – before 1933 and after 1945*, in *Studies in Philosophy of Education*: 19, Kluwer Academic Publisher, 2000, p.83.
3. Harward – Committee: 1949 *Allgemein-bildung in einen Freien Volk*, Stuttgart, pp.60-91.
4. Kobayashi, V.N. “John Dewey in Japanese Educational Thought” (Ann Arbor, Mich.: The University of Michigan School of Education, 1964)
5. Shlander, Otto, ”John Dewey”, in *Ders., Reeducation – ein politisch-pädagogisches Prinzip im Widerstreit der Gruppen*, Lang, Frankfurt, 1975 .pp.36-55.
6. Салимова, К.И. *Восхождение к успеху. (Воспитание в Японии: История и современность): Международная Академия самосовершенствования М.: 1993. С.123.*

А.М. КОЛЛОНТАЙ И ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1917 – 1920-е ГОДЫ

Н.В. Рябинина

*Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
г. Ярославль, РФ, yarnatal2010@yandex.ru*

Одним из важнейших факторов построения современного общества, как в масштабах мировой цивилизации, так и в рамках отдельных стран, является формирование максимально гармоничных отношений между мужчиной и женщиной. На протяжении последнего 100-летия во многих странах мира наблюдается тенденция к установлению гендерного равно-

правления. Однако и на сегодняшний день данную проблему нельзя считать закрытой. Например, несмотря на рост числа женщин, принимающих активное участие в политической жизни, их процентная доля в представительных органах власти ни в одной из европейских стран не достигает до 50%. Самые высокие показатели наблюдаются в странах Северной Европы, в Швеции, например, он составляет 43,6%. Что касается России, то, по данным международной организации Inter-Parliamentary Union на 1 сентября 2015 года, процентная доля женщин в национальном парламенте составляет 13,6% в нижней палате и 17,1% – в верхней. По этим показателям наша страна занимает 100-е место в мировом рейтинге, уступая всем европейским странам (кроме Украины и Венгрии) и опережая лишь некоторые азиатские и африканские страны [1].

При этом, именно Россия была первой страной, которая узаконила равноправие между мужчиной и женщиной сразу после Октябрьской революции 1917 г. У истоков женской эмансипации в нашей стране стояла А.В. Коллонтай – первая женщина в мире, которая вошла в состав правительства. Она имела уникальную возможность совмещать в своей деятельности сразу три ипостаси – теоретика, пропагандиста и практика. Крупные теоретические труды А.М. Коллонтай появились еще до революции – это «Социальные основы женского вопроса» [7], «Общество и материнство» [4]. В послеоктябрьский период наиболее значимыми были работы «Семья и коммунистическое государство» [6], «Положение женщины в эволюции хозяйства» [5]. Но только публикацией своих трудов пропагандистская деятельность А.М. Коллонтай не ограничивалась. Она много выступала, писала статьи в газеты и журналы, являясь при этом членом редакции журнала «Коммунистка», заведующей женотделом ЦК РКП(б), членом международного женского секретариата Коминтерна.

Следует подчеркнуть, что значительная часть идей Коллонтай начала реализовываться уже в первые послереволюционные годы, когда она занимала пост народного комиссара госпризрения. Столь быстрое воплощение в жизнь принципов равноправия между мужчиной и женщиной стало возможным, конечно, не только благодаря активной деятельности Коллонтай. Многие другие государственные лидеры, начиная с В.И. Ленина, также поддерживали эти идеи. заслугой большевистского правительства можно считать уже само провозглашение гендерного равноправия. Но кроме этого были приняты и конкретные законы, реализующие этот принцип. Был принят новый Семейный кодекс, трудовое законодательство,

позволяющее совмещать труд с материнством, принимались меры для формирования сети детских учреждений.

Однако, необходимо отметить, что кроме положительной стороны, мероприятия Советской власти в данной области имели и отрицательный результат. Весьма деликатная область межполовых отношений, устоявшаяся в этой сфере нормы и традиции требовали осторожного отношения, постепенного проведения реформ. Но в пылу революционного переустройства общества было не до осторожности. Уже в декабре 1917 г. принимаются декреты «О гражданском браке» и «О расторжении брака», которые узаконили полную свободу в решении данных вопросов [10,11]. Основным принципом провозглашалась добровольность. Никаких ограничений для вступления в брак, кроме возраста, родственных связей и психических болезней, не устанавливалось. Для расторжения брака также никаких условий не выдвигалось, и оно беспрепятственно оформлялось в отделе расторжения браков (при желании обоих супругов) или судьей (при желании одного из супругов). Но реально, несмотря на провозглашенное равенство супругов, женщина не могла стать равноправной по одному лишь взмаху пера. Как и раньше, она была менее образованна, экономически зависима от мужчины, сохранялся и традиционный взгляд на ее роль в семье. Приобретая «бумажную» свободу в браке, женщина сталкивалась с реальными трудностями в результате легко получаемого развода. Государство же не имело возможности взять под свою защиту всех одиноких матерей. И это не единственный момент, который можно подвергнуть критике, анализируя первые декреты о браке, а также Семейные кодексы 1918 и 1926 годов [12,14]. В последнем, в частности, были узаконены незарегистрированные, но фактически существующие браки.

Рассматривая взгляды А.М. Коллонтай и других российских марксистов по вопросу о «раскрепощении женщины», необходимо выделить еще одну важную особенность – это отрицательное отношение к существовавшему тогда феминистскому движению. Подобное отношение высказывали еще основоположники марксистской теории и объясняли это тем, что феминизм был обособленным женским движением и представлял собой борьбу за права женщин при сохранении основ капиталистического строя, а значит, и привилегий женщин господствующих классов [9:293]. В.И. Ленин также отмечал, что нет ни особого «женского вопроса», ни особого женского движения, оторванного от классовой борьбы пролетариата [8:185]. Поэтому без свершения пролетарской революции, вне построения

социалистического общества российские идеологи не видели возможности для реализации идей равноправия, в том числе, между мужчиной и женщиной.

Другим важным условием решения данного вопроса и В.И. Ленин, и А.М. Коллонтай считали привлечение женщин к труду. А.М. Коллонтай приветствовала введение в стране всеобщей трудовой повинности в октябре 1918 г. как решающего средства вовлечения женщины в производство, путь к самостоятельности женщины. Она писала, что уничтожение частной собственности влечет за собой и упразднение класса тунеядцев. «В этом новоформирующемся мире труда – нет места для женщин паразиток, для благополучных содержанок своих мужей и любовников. «Кто не трудится – тот не ест»» [5:145]. При этом отмечалось, что необходима охрана женского труда, развитие системы детских учреждений и замена домашнего быта общественным обслуживанием, но работать женщина должна, даже будучи замужем. Иначе она считалась «дезертиром труда».

С точки зрения современных взглядов на гендерное равноправие такие идеи выглядят чрезмерно радикальными. И мужчина, и женщина вправе сами решать, чем они будут заниматься – только домашним хозяйством, только работой, или совмещать и то, и другое. Главное, чтобы это был свободный выбор, не навязанный обществом или семьей. Но и для после-революционной России переоценивать значимость трудовой повинности, особенно для женщин, не стоит. По постановлению от 23 марта 1920 года, к трудовой повинности разрешалось не привлекать мужчин моложе 16 лет и старше 50 лет, женщин моложе 16 лет и старше 40 лет, беременных женщин за 8 недель до родов и рожениц 8 недель после родов, кормящих матерей, женщин, имеющих детей до 8 лет, при отсутствии лица, ухаживающего за ними, или обслуживающих в домашнем хозяйстве семью из 5 и более человек [13]. Эти меры были крайне необходимыми в условиях медленного формирования системы социальной защиты материнства и детства, хотя реально очень многие женщины, относившиеся к той или иной названной группе, все равно стремились найти работу в связи с тяжелым материальным положением большинства семей.

Как указывалось выше, целый ряд идей, связанных с женской эмансипацией, высказывала не только А.М. Коллонтай, их разделяли и другие российские марксисты. Однако были и такие, которые вызывали ожесточенные споры. Так, острой критике со стороны соратников по партии были подвергнуты идеи А.М. Коллонтай о новой половой морали – свободе

любви и отмирании семьи как социального института [2,3]. Эти радикальные взгляды и еще более радикальное толкование их в народе нередко дискредитировало саму идею равноправия. Подобную ситуацию можно наблюдать и сегодня, когда проявления «воинствующего феминизма» начинают проецироваться в общественном сознании на феминизм в целом, что, безусловно, мешает осуществлению даже самых необходимых изменений в сферах взаимодействия мужчин и женщин.

Подводя итог, важно отметить, что и взгляды А.М.Коллонтай о достижении гендерного равноправия, и первые мероприятия Советской власти в этой области нельзя оценивать однозначно. Желание до основания разрушить все старое и построить нечто принципиально новое наблюдалось тогда во всех сферах жизни. Революционный радикализм был причиной многих ошибок и в данной области. Но несомненно и другое – именно в это время были заложены основы гендерной политики в русле равноправия мужчин и женщин, были сделаны важные шаги в решении задач актуальных и сегодня.

Примечания.

1. Women in national parliaments // <http://ipu.org/wmn-e/arc/classif010915.htm>
2. Коллонтай А.М. Дорогу крылатому Эросу! // Молодая Гвардия. 1923. №3.
3. Коллонтай А.М. Новая мораль и рабочий класс. М., 1919.
4. Коллонтай А.М. Общество и материнство. Пг., 1916.
5. Коллонтай А.М. Положение женщины в эволюции хозяйства. М., 1922.
6. Коллонтай А.М. Семья и коммунистическое государство. М.; Пг., 1918.
7. Коллонтай А.М. Социальные основы женского вопроса. СПб., 1909.
8. Ленин В.И. Речь на I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918г.//Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 37.
9. Энгельс Ф. Письмо Гертруде Гильом-Шак//Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 36.
10. Собрание узаконений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (СУ). 1917. №10. Ст.152.
11. СУ. 1917. №11. Ст.160.
12. СУ. 1918. № 76 – 77. Ст. 818.
13. СУ. 1920. №24. Ст.116.
14. СУ. 1926. №82. Ст.612.

АВСТРАЛИЙСКИЕ ДЖИХАДИСТЫ – КТО ОНИ? (ИСЛАМСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ В АС)*

Н.С. Скоробогатых

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

E-mail: arhip2212@yandex.ru

Начало нынешнего столетия не принесло желанной гармонии полиэтничному обществу Австралийского Союза (АС): наибольшее напряжение и беспокойство все чаще стали вызывать поселившиеся и вроде бы адаптировавшиеся здесь представители мусульманской общности. Ныне в стране проживают около 500 тыс. мусульман, приехавших сюда со всего мира. Именно из среды этих людей, добровольно покинувших мусульманские страны, и вышли все попавшие в поле зрения австралийских спецслужб радикалы. Экстремисты в АС особенно активизировались в 2014 г. после решения правительства страны принять участие в борьбе против Исламского государства (ИГИЛ). В феврале 2015 г. министр иностранных дел Австралии Дж. Бишоп признала, что более 250 австралийских граждан принимают участие в боевых операциях на Ближнем Востоке, среди которых и около 40 женщин, включая так называемых «невест джихадистов».

Несмотря на все усилия властей по поддержанию в стране спокойствия и их попытки представить участие австралийцев в терроризме как единичное явление, факты свидетельствуют об обратном. В сентябре 2014 г. в Сиднее и Брисбене и в феврале – мае 2015 г. в Сиднее и Мельбурне в ходе проводившихся объединенными силами спецслужб и полиции массовых антитеррористических рейдов были задержаны десятки человек, связанных с подготовкой нападений, задуманных с целью «шокировать, запугать и терроризировать общество». Кроме того, стало известно и то, что ряд австралийских граждан, заняв ведущие позиции в ИГИЛ, собирают «армию» из своих единомышленников. В таком контексте актуальным становится создание социального портрета австралийца-джихадиста. Экстремисты – это главным образом молодые мужчины в возрасте от 17 до 50 лет, выходцы из мусульманских стран от Сомали до Афганистана, попавшие в АС, как правило, в рамках иммиграционных программ вполне легальным путем и пользовавшиеся всеми положенными им по законам благами. Для того, чтобы беспрепятственно попасть в АС, эти люди использовали все возможные каналы, в том числе предоставление Австралией убежища для политических беженцев. Факты свидетельствуют, что среди экстремистов–уроженцев АС немало выходцев из вполне благополучных се-

мей. Среди экстремистов есть и австралийцы европейского происхождения, принявшие ислам. Анализ показывает, что экстремисты, независимо от своего достатка и статуса (новопоселенец/уроженец) представляют особую группу людей, с одной стороны, социально адаптированных, умеющих пользоваться правами и привилегиями австралийского гражданства, а с другой стороны – отвергающих базовые ценности принимающего общества. Причины такого отторжения многочисленны и с трудом поддаются систематизации. Все же, если говорить о путях в терроризм, то большинство экспертов указывает, прежде всего, на мощную пропагандистскую машину ИГИЛ и организованную вербовку людей в интернете. Для западных мусульман призыв прост: помочь своим единоверцам, «защитить своих братьев и сестер», отстаивать веру в борьбе с Западом, восхищение перспективой создания халифата. Роль интернета в вербовке новичков значительна, но преувеличивать его влияние не нужно: главное – персональная обработка в соответствующих центрах. Конкретные истории большинства террористов показывают, что более действенны личные контакты, которые завязываются в мусульманских общинах. Но эти каналы воздействия вряд ли были бы эффективны, если бы не более глубинные причины гиперкритицизма относительно современного западного общества. Одна из них – то, что либеральная демократия во многих своих нынешних проявлениях мало привлекательна для думающих людей. И разочарование в «ценностях» западной толерантности, порой граничащей с вседозволенностью, под видом прав человека назойливо защищающей гомосексуализм, проституцию и наркоманию, – неизбежно. Многим импонирует сама идея исламского государства под знаменами их религии; сопротивление вмешательству западных держав – чужаков по культуре и религии – в дела региона толкает многих на поддержку ИГИЛ.

Однако большинство австралийских мусульман, по-видимому, не собираются покидать АС. В сентябре 2014 г. после того, как поступила «специфическая и детальная» информация об угрозе общественному порядку кабинет тогдашнего главы правительства АС Т. Эбботт приступил к проведению в жизнь постепенной и широкомасштабной программы борьбы с терроризмом, включавшей не только аресты уже известных участников экстремистских организаций, но и ревизию законов о гражданстве, иммиграции, деятельности спецслужб и контроля над интернетом. В начале июля 2015 г. генеральный атторней Дж. Брэндис встретился с лидерами мусульман АС, которые пообещали помочь приостановить вербовку моло-

дых людей с ряды террористов. По его сведениям, в этот период около 60 австралийцев сражались на Ближнем Востоке и порядка 150 человек находились под контролем спецслужб АС. Представители мусульманского духовенства был «поражены» этими цифрами и подчеркнули, что сами они всегда были «инструментом, который поощрял молодежь вписываться в Австралии позитивно, а не негативно». Общее в реакции австралийских мусульман на проявления экстремизма в их среде – стремление всячески отвести от себя ответственность за действия террористов. Что касается выхода из создавшейся ситуации, тут наблюдается явный раскол между умеренными и радикально настроенными лидерами Австралийской Федерации Исламских Советов (АФИС). В поддержку мер правительства выступают, главным образом, представители исламской интеллигенции. Президент АФИС Хасет Сали заявил, что возможности умеренных мусульман ограничиваются исламским руководством, содействующим распространению более фундаменталистских взглядов. Опасаясь такого поворота дел, умеренные мусульмане даже просили правительство ужесточить иммиграционную политику.

Против жестких мер Эбботта в августе 2014 г. категорически выступил великий муфтий, профессор Ибрагим Абу Мохаммед. Он и Австралийский национальный совет имамов заявили протест в связи с мерами правительства по противодействию терроризму. Особенно их возмутило ограничение гражданских свобод, в частности, права поездок в зоны действий террористических группировок. В качестве выхода из сложившейся ситуации предлагается работа по дерадикализации настроений исламской молодежи – преодоление социальной изоляции членов мусульманских общин, решение проблемы их занятости, преодоление отчуждения и маргинализации и др. Раскол в исламском сообществе и мощное влияние в нем радикалов не дают возможности надеяться на быстрое решение проблемы экстремизма в АС. Сохраняющиеся самые тесные связи австралийских террористов с их единомышленниками за рубежом означают сохранение реальной угрозы для национальной безопасности страны. Однако попытки правительства Тони Эбботта проводить жесткие меры против террористов на территории АС не встретили единодушной поддержки не только среди мусульман, но и его сторонников по партии, не говоря уже об оппозиции и АЗ. Как на одну из причин его снятия с поста лидера Либеральной партии Австралии и премьер-министра АС в сентябре 2015 г. обозреватели указывали именно на слишком пессимистическое освещение событий в стране и жесткий курс во внутренней политике. Остается только ждать, как поведет себя его преемник М. Тернбулл и многонациональное население АС.

ПРОБЛЕМА ФРАНЦУЗСКОГО ЗОЛОТА В СССР (1937 Г.)

А.С. Соколов

*Рязанский государственный радиотехнический университет, Рязань, Россия, E-mail:
falcon140770@yandex.ru*

Первая мировая война внесла качественные изменения в систему международных финансовых связей и, в частности в политику российского Министерства финансов по отношению к союзникам. Основным вопросом этой политики была необходимость получения иностранных кредитов и валюты для оплаты военных заказов за границей [1:365]. Давний кредитор Франция являлась крупным поставщиком России особенно в области артиллерии, винтовок, снарядов. Заказы совершались через французское правительство за счет французских кредитов. Во Франции было заказано около 1/3 всех снарядов и большое количество артиллерии [7:279]. В декабре 1914 г. Комитет финансов одобрил представление министра финансов о заключении соглашения, по которому Французский банк открывал Государственному банку России кредит в сумме до 500 млн франков. Государственный банк открывал кредит Французскому банку на ту же сумму в золотых рублях. Подписанное соглашение имело большое значение для французских и русских банков. Оно способствовало активизации финансовой деятельности русских банков и укрепило позиции французского капитала в банковской системе России [8: 222].

Еще до начала мировой войны банк Франции скупал в России золото и депонировал его в Госбанк. Одна партия такого золота стоимостью в 5 млн долларов была национализирована после прихода большевиков к власти. Спустя двадцать лет после событий октября 1917 г. Франция пережила тяжелый финансово-экономический кризис, вызванный распадом мировой валютной системы на обособленные валютные зоны [2:138]. Девальвация франка привела к снижению его покупательной способности внутри страны и удешевлению французских товаров. Государство оказалось на грани финансового банкротства. Правительство взяло у Французского банка кредит на сумму 15 млрд. франков. О сложности ситуации свидетельствует тот факт, что июне 1937 г. в беседе с полпредом СССР Я.З. Сурицем министр иностранных дел Франции И. Дельбос заявил, что трудности финансового порядка особенно велики [3:312]. В июне 1937 г. глава правительства Л. Блюм представил в парламент план оздоровления финансов, предусматривавший повышение косвенных налогов на трудящихся, а также увеличение прямых налогов на крупный капитал. Сенат отверг прави-

тельственный проект. Блюм сложил свои полномочия. Его отставка отражала глубокий кризис Народного фронта.

В этих условиях, в июне 1937 г. состоялась встреча представителя Госбанка во Франции М. Вуль с Председателем Банка Франции Э. Лабери, который занимал этот пост с июня 1936 г. по июль 1937 г. Указывая на свои симпатии к Советской России Лабери отметил, что было бы хорошо если бы Государственный банк взял бы на себя инициативу урегулировать старый вопрос с золотом Банк де Франс, которое осталось в России. По его мнению, этот вопрос служил камнем преткновения во всех отношениях между двумя банками [5:82]. Об этой беседе руководитель Госбанка А. Сванидзе доложил Сталину. Реакция генерального секретаря ЦК на это предложение не известна. В условиях форсированной индустриализации страна нуждалась в золотовалютных резервах в целях увеличения импорта оборудования для промышленности. Большевистские лидеры не собирались решать вопросы с проблемой дореволюционных долгов. На 1 января 1933 г. в Госбанке находилось золота в монете и слитках на сумму 678,5 млн руб. [4:70]. В апреле 1937 г. партийное руководство прибегало к продаже советского золота за рубежом для поддержки республиканского правительства в Испании. В апреле Сталину и Молотову был направлен документ, в котором отмечалось, что «Банк де Франс» согласен купить золото при условии, что все расходы по транспорту и страховки советская сторона. Металл подлежал переплавке в слитки и пробы веса Банк де Франс [6:2].

После отставки Блюма правительство К. Шотана провело ряд финансовых мероприятий по укреплению франка и ликвидации бюджетного дефицита. Они привели к увеличению доходов государственного казначейства и к сокращению государственных расходов. Эти операции, проводимые под руководством министра финансов Ж. Боннэ способствовали увеличению косвенного обложения. Налоги были увеличены на 10 млрд. франков [9:158]. В сентябре 1937 г. средний курс фунта стерлингов составил 140, 4 франка. В марте 1938 г. правительство Э. Даладьё под лозунгом оздоровления финансов увеличило все государственные налоги на 8 % и провело девальвацию франка, снизив его курс еще на 10 % [10:139].

Во время своего визита во Францию в ноябре 1996 г. председатель правительства В.С. Черномырдин подписал с премьер-министром Франции А. Жюппе «нулевой вариант» договора о «царских» долгах, в том числе и по проблеме золота.

Примечания.

1. Беляев С.Г. П.Л. Барк и финансовая политика России 1914-1917 гг. СПб., 2002.
2. Гринин Л.Е., А.В. Коротаев. Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена. М., 2012.
3. Документы внешней политики СССР. Т. 20. М., 1976.
4. Обухов Н.П. Движение золотого запаса России в 1921-1933 годах //Финансы. 2002. № 6.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп.1 Д. 77.
6. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2 Д. 777.
7. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973.
8. Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914-1917). М., 1960.
9. Смирнов В.П. Новейшая история Франции. М., 1979.
10. Смирнов В.П. Франция в XX веке. М., 2001.

СЭМЮЭЛЬ СИБЕРИ (1729 – 1796) – ПЕРВЫЙ ЕПИСКОП В США

М.А. Филимонова

Курская академия государственной и муниципальной службы, Курск, Российская Федерация, mar-filimonova@yandex.ru

Сэмюэль Сибери родился в местечке Северный Гроутон в Коннектикуте, в семье англиканского священника. Закончил Йельский колледж, изучал медицину в Эдинбурге. Его церковная карьера складывалась вполне удачно: он некоторое время был ректором одной из церквей в Нью-Джерси, затем был переведен в колонию Нью-Йорк. Был одно время и миссионером Общества распространения Евангелия. С 1766 г. он служил в приходе Сент-Питерс в Вестчестере (ныне это часть города Нью-Йорк в районе Бронкс).

Эти годы пришлись на назревание конфликта между Великобританией и ее североамериканскими колониями. Нью-Йорк был в числе тех колоний, где пробританские и антибританские силы столкнулись раньше всего и конфликт их был наиболее острым. Патриоты развернули свою агита-

цию в этой колонии еще в мае 1764 г. В ноябре 1765 г. в Нью-Йорке произошел открытый бунт против Гербового сбора. После этого обстановка в колонии так и не стабилизировалась окончательно. Осенью 1773 г. начались волнения, связанные с Чайным актом. Местная организация «сынов свободы» призывала ньюйоркцев не покупать, не продавать и не пить одиозный напиток. В апреле 1774 г. английский корабль «Нэнси» был вынужден вернуться на родину, так и не выгрузив чай из своего трюма. 22 апреля того же года члены неофициального комитета «могауков», подражая бостонскому примеру, проникли на корабль «Лондон» и выбросили в море весь груз чая, имевшийся на его борту. 17 мая Поль Ривир принес в Нью-Йорк весть о начале блокады бостонского порта. «Сыны свободы» немедленно предложили бостонцам свою помощь. Решения Первого континентального конгресса были встречены в Нью-Йорке с энтузиазмом и скрупулезно соблюдались. Только в декабре 1774 – январе 1775 гг. местный Комитет шестидесяти, следивший за соблюдением «Ассоциации» (резолуций о бойкоте британской продукции), конфисковал нелегально ввезенные товары на сумму 350 ф. ст. Они были распроданы с аукциона, а вырученные деньги пошли в помощь Бостону [7: 33–34; 3: 106–123, 145–146].

Сибери в эти годы строил свои проповеди на словах апостола Павла: «От глупых и невежественных состязаний уклоняйся» (2-е Тимофею 2:23), призывая прихожан не поддерживать патриотическое движение. Но сам он не желал оставаться в стороне от конфликта.

В 1774 г., после созыва Первого континентального конгресса, Сибери начал яростную борьбу против него. К описываемому времени он уже пользовался определенной известностью как пламенный проповедник и беспощадный полемист. По силе эмоционального воздействия его работы сравнивают со «Здравым смыслом» Томаса Пейна. В своих памфлетах он призывал бойкотировать выборы комитетов бдительности и не подчиняться власти комитетов, если они все же будут избраны, не соблюдать «Ассоциацию». Он даже готов был прибегнуть к столь неприемлемому в иных случаях средству воздействия, как давление толпы, и призывал фермеров устраивать митинги в защиту прирожденного права англичан пить чай [5: 61–67].

Сибери вздыхал: «Американские колонии, к несчастью, вовлечены в смятение и раздоры. Узы гражданского общества разорваны; власть правительства ослаблена, а в некоторых случаях и вовсе исчезла. Людей лишают свободы; зачастую насильственно нарушают границы их владений, и ни

один магистрат не обладает достаточным мужеством или добродетелью, чтобы вмешаться» [5: 43]. Естественный порядок вещей, гармония конструкции Британской империи здесь нарушены. Исчезло счастливое состояние колоний, которое для Сибири заключалось в понятиях «мир» и «законность».

В своей пропаганде Сибири широко использовал набор устойчивых страхов, существовавших в то время в англо-американской ментальности и отчасти связанных с Английской революцией 1640–1653 гг., а отчасти весьма древних: распад социальных связей, высвобождающий человеческую агрессивность, анархия, тирания толпы, гражданская война, нищета, голод. Из всех этих страхов он конструировал единый «черный миф» о независимой американской республике, которую, как он убеждал своих читателей, намеревались создать в 1775 г. на Втором континентальном конгрессе. И вот как он представлял себе будущее этой республики или республик, в том маловероятном, по его мнению, случае, если Америка победит в войне за независимость: «Многие американцы достаточно дерзки, чтобы предположить, что мы выйдем из подобной борьбы победителями. Но последствия нашего успеха будут поистине ужасны. Мы тут же обратим оружие друг против друга – провинция против провинции – и здесь воцарятся резня и разрушение. Вероятно, решение вопроса о том, какое правительство установить – монархию или республику, – будет стоить жизни большей части жителей» [5: 99].

И Сибири не собирався пассивно ожидать реализации столь негативного, на его взгляд, сценария. В апреле 1775 г. во время митинга на Уайт-Плейнс он подписал протест против всех революционных органов власти [1: 550]. В итоге Сибири и группа его единомышленников в том же 1775 г. были вынуждены прятаться в огромном камине в доме одного из видных нью-йоркских лоялистов от искавших их «сынов свободы». В ноябре Сибири все же был арестован и выслан в Коннектикут, где содержался под стражей до конца года, а затем был выпущен на свободу за недостатком улик. С 1776 г. он помогал британской армии в качестве проводника, а затем капеллана. В качестве благодарности он получил пенсioen от британского правительства [5: 33–37; 6: 168].

Англиканская церковь (в особенности Высокая церковь, к которой и принадлежал Сибири) в ходе конфликта показала себя верной метрополии, что, конечно, не способствовало поднятию ее авторитета в глазах американских патриотов. Так что после заключения мира в 1783 г., когда высшее

англиканское духовенство Коннектикута решило избрать епископа, собрание пришлось проводить в глубокой тайне. В конечном итоге, выбор пал на Сибири. Но главой англиканской церкви был король Англии, и утвердить епископа в новой должности могли лишь церковные иерархи Великобритании. Это означало новый вызов патриотам, но Сибири было не привыкать. В меньшей степени он был подготовлен к холодному приему в метрополии. Высшее духовенство Англии держалось настороженно и во все не стремилось помогать заокеанскому собрату, подозревая в нем мятежника. Лишь в ноябре 1784 г. Сибири нашел все-таки епископа (причем не в Англии, а в Шотландии, чья епископальная церковь сама не была признана королями Ганноверской династии), который и возвел его в сан [2]. Таким образом, было положено начало епископальной церкви США, англиканской по вероучению и обрядности, но не признающей религиозного верховенства английских монархов. В конце жизни Сибири нес свое пастырское служение в Новой Англии, разрабатывал обрядность американской епископальной церкви и организовывал епископальные учебные заведения [4: 61–82]. День его рукоположения отмечается епископальной церковью как важный церковный праздник.

Примечания.

1. A Historical Collection from Official Records, Files, &c., of the Part Sustained by Connecticut, During the War of the Revolution / Comp. by R.R. Hinman. Hartford, 1842.
2. Cameron K.W. Samuel Seabury, 1729–1796: His Election, Consecration, and Reception: the Documentary History. Hartford, 1783.
3. Launitz-Schürer L.S. Loyal Whigs and Revolutionaries: The Making of the Revolution in New York, 1765–1776. N.Y.–L., 1988.
4. Nebb R.N. Samuel Seabury and Charles Inglis: Two Bishops, Two Churches. Madison, 2010.
5. Seabury S. Letters of a Westchester Farmer. 1774–1775. N.Y., 1970.
6. Steiner B.E. Samuel Seabury, 1729-1796. A Study in the High Church Tradition. Athens, 1971.
7. The American Revolution in New York: Its Political, Social and Economic Significance. Albany, 1926.

ПРОБЛЕМЫ АНГЛО-ЕГИПЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ 1882-1922 ГГ. В АРАБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

С.А. Черемных, Д.А. Макеев

*Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, Россия, nov-ist@vlsu.ru*

Многие проблемы англо-египетских отношений периода колониального порабощения Египта Англией привлекала внимание историков разных стран. Их исследовательский интерес в немалой степени объяснялся последствиями колониального господства англичан, что определило развитие Египта в качестве аграрно-сырьевого придатка Британской империи и сказалось на настроениях разных слоев египетского общества. Некоторые факторы, дестабилизировавшие общественную и политическую ситуацию в стране, сохранились долгие годы. Исследователями отмечалось, что без понимания и глубокого анализа причин их возникновения любые кардинальные реформы и перемены не застрахованы от просчетов и ошибок. По этой причине ряд проблем англо-египетских отношений времен колониального господства Англии в Египте стали предметом для научных исследований арабских ученых. В настоящем сообщении предпринята попытка представить краткий обзор работ египетских историков, посвящённых обозначенной теме.

Египетская историческая литература, посвящённая интересующим нас вопросам, весьма обширна. Среди историков были активные участники и очевидцы событий хронологически обозначенного периода. В их трудах нашли отражение политические взгляды и приоритеты многих лидеров и партий освободительного движения Египта, отражены также противоречия между социальными слоями и классами египетского общества по вопросам антиколониальной борьбы и отношений египтян с администрацией британских колонизаторов. Единства в оценках деятельности основных политических сил и в их противостоянии британским колонизаторам среди египетских исследователей не было, и это отразилось в литературе.

Представители так называемой «королевской (придворной) исторической школы» стремились оправдать позицию и идеологию аристократической верхушки монархического режима. В их трудах политика правителей правящей династии Египта отражалась в основном сквозь призму отношения к англо-египетским связям. Зачастую авторы выступали апологетами колониальной политики англичан. Как правило, их сочинения публиковались благодаря покровительству верховных властей, обычно в них про-

славлялись доблести властителей Мухаммеда Али (1805-1849), Исмаила (1863-18789), Аббаса II Хельми (1892-1914) и других вплоть до короля Фарука.

Среди представителей «королевской школы» выделялись трудами придворные историографы, такие как Ахмед Шафик, Ильяс аль-Айюби, Наум Шукейр, принц Омар Турсун, а также европейские историки, служившие при дворах египетских правителях. По понятным причинам эти авторы не стремились правдиво отразить действительность, часто они умалчивали об острых событиях (например, о восстании Ораби-паши или революции 1919 г.). Эти события представлялись ими не иначе как бунты и мятежи, причинявшие ущерб интересам страны. Если не принимать во внимание оценочные стереотипы, то собранные этими авторами фактические материалы можно признать достойными внимания исследователей.

Наряду с «королевской школой» с начала XX в. формировалась «национальная» историческая школа. Видными ее представителями стали организатор Национальной партии (партии ватанистов) Мустафа Камиль, участники национально-освободительного движения Мухаммед Фарид, Касим Амин, Ибрагим-бей, Али Шамси, М. Факми и другие. В их трудах содержатся интересные фактические материалы, представлены оценки деятельности и сведения современников о британском проникновении в Египет и борьбе египтян за гражданские права и свободу своей страны. В этих работах имеются многие сведения о деятельности первых политических партий и общественных организаций и союзов Египта, о появлении тайных патриотических обществ. Несомненно, интерес для исследователей могут представлять вопросы о становлении женского движения в мусульманском Египте. Особое внимание авторы трудов уделили анализу антиколониальной борьбы, интересной представляется характеристика различных сторон деятельности политической буржуазно-помещичьей партии Вафд. В работах историков «национальной школы» затрагивались вопросы, относящиеся к оценке политической ситуации в Египте и других регионах Арабского Востока, на международной арене, сложившейся в конце XIX – начале XX в.

Авторы характеризовали политику английского колониального режима в Египте, оценивали роль национальной общественности и исламской религии в национально-освободительном движении египетского народа. Некоторые работы представителей исторической «национальной школы» Египта были переведены на английский и французский языки.

Во время подъёма национально-освободительной борьбы начала XX в. выделились группы историков буржуазно-либерального толка. Наиболее видными представителями этого направления стали Мухаммед Сабри, Амин ар-Рафии, Джирджи Зейдан, Люфти ас-Сейид, Мухаммед Рифаат-бей, Али Хаурани. При анализе социально-политической истории Египта историки буржуазно-либерального направления проявили себя последователями традиций «национальной школы». Их труды позволяют глубже ознакомиться с ситуацией и общей картиной антианглийских выступлений египтян периода «пробуждения Азии» и в годы первой мировой войны. Авторы уделили внимание состоянию политической жизни, развитию общественной мысли и формированию идеологии национально-освободительного движения Египта. В работах этих авторов отражены особенности эволюции англо-египетских отношений накануне и в годы первой мировой войны.

В 1950 г. в Каире были опубликованы воспоминания одного из первых пропагандистов социализма среди египтян Саляма Мусы. В 1957 и 1968 гг. появились в печати работы влиятельных исламских реформаторов конца XIX – начала XX в. Мухаммеда Абдо и Джемаль ад-Дина аль-Афгани, взгляды и проповеди которых оказали большое влияние на сознание египетского общества. Оба реформатора призывали арабов-единоверцев к заимствованию культурных, научных и технических достижений стран европейской (христианской) цивилизации.

В середине XX в. появились исследования, посвящённые проблемам истории экономического развития Египта в новое время. В монографиях Ш. Исави «Египет в середине XX в.» и Р. Аль-Барави, М.Х. Улейша «Экономическое развитие Египта в новое время» были проанализированы последствия аграрных реформ, работ по созданию ирригационной системы и крупных плантаций по производству хлопка во времена колониально-оккупационного режима англичан, отразившихся на развитии национальной экономики. В 1954 г. в переводе на русский язык работы этих специалистов по экономической истории были изданы в Москве.

Значительные достижения египетской историографии связаны с именем историка, видного деятеля общественно-политической жизни Египта начала XX в. Абд ар-Рахмана ар-Рафии. Широкую известность получила его монография «Мустафа Камиль – зачинатель патриотического движения» (Каир, 1950). Обстоятельным исследованием стал труд «Восстание 1919 г.: история национально-освободительного движения 1914-

1921 г.», который в кратком переводе на русский язык был издан в 1954 г. в Москве. Ар-Рафии был одним из руководителей Национальной (ватанистской) партии, членом ЦК партии Вафд, лидером одной из тайных организаций вафдистов, общественным и политическим деятелем антианглийского движения. Он стал автором 16-ти томов «Национальной истории», охватившей исторический период от наполеоновского вторжения в 1798 г. до июльской революции 1952 г. Важнейшие события освободительной борьбы египетского народа против британской оккупации и колониального режима оказались в центре внимания автора. Восстание Ораби-паши он считал причиной захвата Египта войсками британцев, а самого лидера восставших представлял трусом и изменником. Подобная оценка Ораби и интерпретация хода восстания присутствует в работах некоторых других историков и участников событий. Несмотря на субъективизм в оценках, объяснявшийся приверженностью ар-Рафии к либерально-идеалистической методологии, его труды представляют собой ценный источниковый материал различного фактического и документального характера.

Заслуживают внимания публикации речей и интервью лидеров национально-освободительного движения. Особый интерес представляет эпистолярное наследие видных политических и общественных деятелей Египта последней трети XIX в. Малоизвестные сведения о социально-экономическом развитии Египта в условиях английской оккупации представлены в книге известного египетского публициста, общественного и политического деятеля Ахмеда Хамруша «Революция 23 июля 1952 г. в Египте» (М., 1984).

Изучению проблем англо-египетских отношений посвящено немало работ египетских авторов, появившихся в 1970-80-е годы. Среди них выделяются труды М.А. Хусейна «Борьба египетского народа, 1798-1956» (Александрия, 1972), аль-Башари Тарика «Абд ар-Рахман ар-Рафии – историк и политический деятель» (Ат-Талиа, 1971) и Г. Салима «Политическая полиция правит Египтом, 1910-1952» (Каир, 1975). Авторы отмеченных работ продолжили традиции предшественников в отражении далекого прошлого. Но не во всех оценках эти исследователи единодушны при рассмотрении и в оценках политики английских колонизаторов в Египте и англо-египетских отношений. Одни из них осуждают действия английской администрации, другие – признают роль Англии в преодолении Египтом феодальной отсталости и приобщении к европейской цивилизации. Исто-

рик Х.С. аль-Хусни предстал убеждённым сторонником концепции английского историка Тойнби. Аль-Хусни считал определяющим и даже положительным воздействие западной цивилизации на исламский мир. В своих трудах он высоко оценивал участие и вклад капиталистического Запада в общественно-политическое развитие Египта, преувеличивал роль западных политических мыслителей в формировании политической мысли и идеологии национально-освободительного движения на Арабском Востоке и, в частности, влияние на политические и социальные процессы в Египте. При этом аль-Хусни недооценивал (может быть, не хотел признавать) негативное воздействие колонизаторов на социально-экономическое, культурное и интеллектуальное развитие египетского общества.

На качественно новый уровень изучение процессов социально-политического развития Египта времен английской оккупации историческая наука Египта вышла после египетской революции 1952 г. Национальной хартией 1962 была выдвинута задача объективного изучения национальной политической истории, а в 1967 г. вышел указ министра культуры о создании «Центра документов и современной истории Египта». Вскоре развернулись дискуссии о методах научного исследования: одни участники дискуссий предлагали отказаться от европейской терминологии и создать собственную философию и методологию научных исследований, другие призывали к использованию западного, даже социалистического метода при исследовании исторических проблем. Среди сторонников социалистического метода в изучении событий прошлого заметно отличался историк-марксист, участник освободительной борьбы египетского народа Шухди Атыйя аш-Шафии. В монографии «Развитие национально-освободительного движения в Египте в 1882-1956 гг.» (М., 1961) на основе широкого круга источникового материала аш-Шафии представил историю Египта со времен оккупации египетской территории английскими войсками в 1882 года и до изгнания британских оккупантов из этой арабской страны, национализации Суэцкого канала и становления суверенной Египетской республики. Сохранили актуальность публикации египетских эмигрантов Шами, Нагиба, Авигодора, Витола и других, опубликованные в 1930-е годы на страницах советских научно-политических журналов «Революционный Восток» и «Мировое хозяйство и мировая политика». В публикациях египетских эмигрантов были отражены последствия господства британского империализма в Египте.

Близкими с оценками этих публицистов англо-египетских отношений, как и с оценками египетского историка аш-Шафии, были работы М.Й. Зайида «Борьба Египта за независимость» (Бейрут, 1965), А. Рамадана «Развитие национального движения в Египте с 1918 по 1936 г.» (Каир, 1963, 1983), М. Аниса «Исследование документов революции 1919 г.» (Каир, 1963). Авторы этих исследований обратили внимание на особенности процесса разложения феодального общества Египта и зарождения капиталистических форм хозяйствования, утверждавшегося в условиях колониального господства англичан. Авторами отмечено формирование капиталистических отношений, показаны место и роль новых социальных слоев и классов в общественно-политической жизни и в антиколониальном движении Египта. В работах египетских авторов отражена экономическая и политическая ситуация в их стране при господстве англичан. По признанию египетских авторов, сложная общественно-политическая обстановка XX в. заставляла их обращаться к проблемам развития своей страны в прошлом, что могло мобилизовать патриотов на борьбу за национальную независимость. Многие положения и выводы, а также исторические факты и неизвестные сведения, содержащиеся в этих работах, и ныне представляют интерес при исследовании социально-политической истории Египта и англо-египетских связей.

ИНОСТРАНЦЫ В ФРГ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ И ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ

В.Ю. Щербаков

Южный Федеральный Университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: sherbakov.viacheslav@yandex.ru

2015 г. стал началом нового этапа в истории иностранной миграции в Европу и Германию. Войны, идущие в Северной Африке и Передней Азии, вызвали к жизни мощное движение беженцев на территорию Европейского Союза. Европа оказалась не готова к подобному сценарию ни морально, ни экономически. Основополагающими принципами интеграции иммигрантов, которых придерживались власти ФРГ, была постепенность и последовательность. Сотни тысяч беженцев, оказавшихся в стране в очень короткие сроки, способны не только радикально изменить культурно-

этническую ситуацию в стране, но и нарушить сложившийся социально-экономический баланс.

Миллионы мигрантов и их потомков из Азии и Африки разительно изменили этническую и религиозную структуру Германии. Значительная часть переселенцев происходят из культурно-чуждых для основного населения страны регионов. Культурно-мировоззренческие различия, помноженные на отсталость и бедность стран-поставщиков миграционных потоков, создают многочисленные проблемы во взаимоотношениях между абригенами и переселенцами. Эти проблемы усугубляются по мере роста численности неавтохтонного населения и создания им крупных религиозно-этнических анклавов. Германия, долгое время пытавшаяся найти приемлемый компромисс между несомненной необходимостью использования труда мигрантов и негативными факторами воздействия наличия значительного числа иностранцев, прошла путь от стремления к созданию мультикультурного общества до осознания краха подобных надежд. Те мнения и высказывания в адрес мигрантов, не умеющих и не желающих признать главенство немецкого языка и образа жизни, которые ранее высказывали представители маргинальных политических слоёв, в настоящее время исходят от представителей официальных структур ФРГ на самом высоком уровне. Основные угрозы для немецкого общества происходят со стороны исламского миграционного конгломерата, консолидирующим ядром которого является турецкая община. Именно турки, будучи крупнейшей этнической общностью на территории Германии после немцев, формируют своеобразную «вторую нацию», главной отличительной чертой которой является не язык и не страна происхождения, а мусульманское вероисповедание.

Германия переживает опасный кризис сложившейся системы межнациональных отношений, усиленный экономическим кризисом и развивающимся кризисом внутри Европейского Союза. Необходимость сохранить достижения полувекового мирного развития европейской цивилизации, гуманизации отношения к мигрантам и беженцам, наконец, сохранения основ экономического благополучия страны, вступает в противоречие со стремлением защитить основы социального мира. Выработка нового магистрального направления в развитии межнациональных отношений является одной из приоритетных задач немецкого правительства.

Живущие на территории ФРГ немцы являются одной из наций, заложивших основы и развивающих общечеловеческие и европейские цен-

ности. Демократия, уважение к личности, защита права собственности, толерантность, юридическое, религиозное, половое, расовое, конфессиональное равноправие давно уже являются основой существования Европы и Германии. Любой человек, вне зависимости от происхождения может рассчитывать на то, что на территории Германии с ним будут поступать согласно закону и справедливости. Федеративная республика, возможно, является самой толерантной страной Европы в своей политике по отношению к мигрантам. Огромное влияние на такое положение вещей оказала история страны и прежде всего, Вторая мировая война. Для многих немцев прослыть нетолерантным является несовместимым с их современным менталитетом и воспитанием. Лица, высказывающие расистские, антисемитские и недемократические взгляды, мгновенно оказываются в социальном и политическом вакууме, а соответствующие партии занимают исключительно маргинальные позиции. Современные немцы приложили титанические усилия, чтобы название их страны перестало ассоциироваться с такими понятиями как «геноцид», «лагерь уничтожения» или «газовая камера». Для большинства жителей планеты слово «Германия» в настоящее время является синонимом миролюбия, стабильности, качества, демократии и достатка. Немцев в мире воспринимают как безобидных педантов и трудолюбивых, немного скуповатых, но честных и справедливых. Известный фольклорист Б.Ю. Варнекен составил список излюбленных тем иностранных исследователей в Германии, среди которых много его коллег. На последних немцы производят впечатление «старомодных, но неопасных дикарей». «Господствующим мнением является то, что люди в этой стране выглядят добродушными варварами, которые странно одеваются, поют йодль и празднуют масленицу» [4].

Миллионы иностранцев активно эксплуатируют как либеральное немецкое законодательство, так и толерантность коренных жителей страны. Различие в менталитете коренного населения и приезжих видно невооружённым взглядом. Для мигрантов, большинство из которых происходят из африканских и ближневосточных стран понятия «демократия» или «толерантность» являются синонимами недостойной слабости. Приезжая в Германию, они не пытаются воспринимать европейские культурные и демократические ценности, а стараются сохранить собственные. При этом, нарушение местных традиций и обычаев считается для них нормой, в то время как любые попытки повлиять на мировоззрения мигрантов воспринимаются последними как насилие над идентичностью. Несмотря на толе-

рантность немцев и либеральность немецких законов иностранцы в Германии, естественно, обладают хотя и широкими, но всё же ограниченными правами, что позволяет им говорить о «дискриминации». Согласно исследованиям, проведённым фондом имени Конрада Аденауэра в 2001 г., 65% турок, проживающих в Германии и 52% немецких граждан турецкого происхождения подвергались дискриминации как иностранцы [5]. Концепция мультикультурного общества, активно внедряемого в Германии вплоть до последнего времени, предполагала, что различные культуры, не смешиваясь, будут взаимно обогащать друг друга. На деле традиции и обычаи немцев и мигрантов, порождённые историческими, природными и культурно-религиозными причинами, существовали в большинстве случаев в параллельных пространствах. В некоторых случаях они совершенно не влияли друг на друга, в других оказывали негативное воздействие. Так, многие европейцы не могут спокойно воспринимать традиции вроде публичного умерщвления животных во время религиозных праздников, свойственные выходцам из мусульманских стран. Раздражение вызывают и громкие крики муэдзинов, призывающие верующих к молитве, оглашающие улицы немецких городов. Даже шумные разговоры в общественном транспорте более характерны для приезжих, чем для немцев.

Одним из ярких проявлений взаимного непонимания немцев и выходцев из стран с традиционной культурой, является диаметрально противоположное отношение к женщине. В Германии, как и во всей Европе, женщина не только полностью равноправна с мужчиной, но в последнее время всё больше и больше приобретает дополнительные права и преимущества перед мужской частью населения. Иное дело страны Африки и Ближнего Востока, где женщина до сих пор считается существом второго сорта, лишённым целого ряда элементарных прав. Мужчина (отец, брат, муж) в большинстве мусульманских стран зачастую является вершителем судьбы женщины, определяет правила её поведения и даже распоряжается её жизнью.

За десятилетия формирования многонационального общества в ФРГ как среди представителей коренного населения, так и среди приезжих сформировался ряд устойчивых, в основном, негативных взаимных стереотипов. Институт изучения общественного мнения в Алленсбахе-ам-Бодензее опубликовал данные опроса, проведенного в сентябре 1964 г. Опрошенным был задан исходный вопрос: «Как вы можете охарактеризовать гастарбайтеров?», после чего им был предложен большой набор опре-

делений, которые они могли применить к иностранным рабочим. При этом опрашиваемых просили проявить понимание того, что иностранные рабочие приехали из стран с другой культурой и другими традициями, и мобилизовать все свое чувство симпатии. Однако вышло все наоборот: «за девками ухлестывают» (43 %), «шумят» (39 %), «грязные и неряшливые» (30 %), «вспыльчивые, жестокие, грубые» (27 %). И далее: «им нельзя доверять; навязчивые; плохие работники; ленивые; бесстыжие; дерзкие; склонные к воровству». Короче говоря: выучные животные, асоциальные типы – точное повторение былых характеристик поляков в Верхней Силезии, бродячих музыкантов, цыган и прочих «социальных маргиналов», которым в прежние времена любой «честный немец», находившийся на самом дне общества, мог с удовлетворением плюнуть на голову и вообще продемонстрировать свое «элитное» положение [2]. Практически ничего не изменилось и через 40 лет. При недавнем опросе учащихся школ г. Дрезден школьники заявляли, что «турки воняют», «иностранцы живут за наш счёт», «они постоянно воруют, это повышает цены и немцы в итоге должны за это расплачиваться», «иностранцы лишают нас рабочих мест» и т. д. [1:344].

В свою очередь, у иностранцев складываются собственные стереотипы относительно немцев. В начале 1970-х гг. иностранные рабочие в Германии полагали, что немцы их превосходят «по пунктуальности», «усердию», а также «спокойствию и порядку». При этом, они были уверены, что по целому ряду показателей сами превосходят немцев. Так, иностранные рабочие были убеждены, что являются более экономными, приветливыми, толерантными и семейственными, кроме того, они считали себя «более разбирающимися в искусстве» и «более умеющими сделать жизнь приятнее». В целом же гастарбайтеры «думали о Германии лучше, чем о немцах» [3].

Таким образом, даже взаимовосприятие немцев и «старых» мигрантов носит достаточно напряжённый характер. Смогут ли сотни тысяч «новых беженцев», большинство из которых видят Германию в качестве бесплатной «кормушки», адаптироваться к особенностям жизни на новом месте? Готовы ли немцы, которые всегда гордились своей «культурой гостеприимства» ещё более снизить свои требования к приезжим и поступиться частью благополучия? Усиливающиеся правопопулистские и даже праворадикальные настроения, оставляют мало шансов на спокойное развитие событий. Поджоги общежитий для беженцев становятся обыденным явлени-

ем. Антимигрантское движение ПЕГИДА, собирает на свои митинги и демонстрации всё больше сторонников. Стремительно набирает политический вес партия «Альтернатива для Германии», выступающая за ограничение миграционных потоков[6]. По всей вероятности, Федеративную республику ждут нелёгкие времена политических потрясений, вызванных ошибками и просчётами иммиграционной политики.

Примечания.

1. Артёмов В.А. Германия и Россия на изломах истории. Воронеж, 2004.
2. Майнхоф У.М. Кули или коллеги? Иностранцы рабочие в Германии[Электронный ресурс].URL: <http://saint-juste.narod.ru/kuli.html> (дата обращения: 2.06.2014).
3. Der Spiegel. 1972. №34. S.47.
4. Jodelnde Barbaren. Deutsche von Fremden gesehen//15 Uhr Aktuell. № 32, 2000. S.7.
5. Turken in Deutschland. Arbeitspapier №53/2001. [Электронный ресурс].URL: http://www.kas.de/db_files/dokumente/arbeitspapiere/7_dokument_dok_pdf_12_1.pdf (дата обращения: 16.07.2014).
6. Щербаков В.Ю. Выборы в восемнадцатый Бундестаг: успех евроскептиков?// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. №9. Часть 1. С.213-217.

Раздел II. Студенческая наука

ТРАДИЦИОННАЯ ЖИЗНЬ АФРИКАНЦЕВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПУТЕШЕСТВИЯ В.Л. КАМЕРОНА 1873-1875 ГОДОВ)

Е.В. Алексеева

*Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир,
Россия, tyushenka94@mail.ru*

Совершённое английским географом Верни Ловеттом Камероном путешествие по Экваториальной Африке в 1873-1875 годах признаётся одним из самых эффективных с точки зрения максимально подробных наблюдений и точных определений географического положения. Результатом этого путешествия стала фундаментальная работа «Пересекая Африку», в которой, помимо сведений географического характера, собраны уникальные материалы о традиционной жизни африканцев: их верованиях и важнейших обрядах в 70-е годы XIX века.

Традиционные африканские верования – это автохтонные верования, культы и обряды, которые сложились у народов континента в процессе исторического развития до появления здесь арабов и европейцев, принесших соответственно ислам и христианство [2: 12].

В традиционных африканских религиях огромную роль играла магия. К магическим приёмам, как известно, относятся колдовство, ведовство, пророчество, гадание и целительство.

Большую роль в племенах Экваториальной Африки играли колдуны (или жрецы фетишей) ваганга. У некоторых племён они были даже важнее вождей. Внешний вид колдунов особо ничем не отличался. Узнать их можно было по большой сопровождающей свите, чаще всего состоявшей из женщин и детей. Как только они появлялись в деревне, все женщины сразу выходили на улицу и начинали совершать моления, кланяясь, хлопая в ладоши и издавая нечленораздельные звуки. Колдун и группа соратников садились в круг, и женщины приносили им подношения, после чего ваганга готовы были отвечать на вопросы. Результат же колдовства зависел от размера подношений.

В Ловале всем заправляли колдуны, а они ловко ставили ловушки неосторожному путешественнику. Камерон приводит примеры: «...если чужеземец случайно прислонит ружье или копьё к стене хижины в их деревне, оружие тут же хватают и возвращают только после уплаты тяжелого

штрафа. Обоснованием служит взгляд, что это — магический акт, направленный на то, чтобы вызвать смерть хозяина хижины. Если срезают обгорелое дерево для строительства лагеря, выдвигаются подобные же требования, и так далее, без всяких ограничений» [1: 348].

Методы гадания были схожи с гаданиями в более цивилизованных частях земного шара. Помимо предсказания судеб, колдун торговал талисманами и амулетами, без которых никакой африканец не считал бы себя в безопасности в дороге. Также были талисманы для предотвращения побега рабов, состоящие из большого рога, наполненного илом и корой, с тремя очень маленькими рожками, выступающими из открытого конца большого. У колдунов были лекарства от всех болезней: это были либо амулеты, либо отвары из различных корней и трав.

Туземцы были склонны к суевериям. Например, чтобы пройти мимо озера, нужно было бросить несколько бисеренок, чтобы духи не прогневались и не прокляли жителей ближайших деревень. А если в хижину заползла большая змея, то её нельзя было убивать, поскольку считалось, что это так называемый пепо, то есть дух или призрак, и если его поранить, то с деревней также могла случиться какая-нибудь беда.

Во всех деревнях были хижины духов и идолы, перед которыми оставляли подношения из помбе, зерна и мяса.

Во время путешествий В.Л. Камерону удалось стать свидетелем многих интересных обрядов, которые традиционно проводились на территории Африки.

Камерон побывал на свадьбе племянницы вождя и старосты племени. Мероприятие отмечалась с размахом днем и ночью. Дюжина мужчин танцевали вокруг соплеменников, игравших на барабанах, а толпа, стоящая рядом, помогала воплями и хлопаньем в ладоши. Если кто-то из мужчин уставал, то его сразу же заменял другой, и так продолжалась до следующего дня. На второй день появился жених и сольно исполнил свой танец до того момента, пока не увидел женщину, на плечах которой была доставлена невеста (девяти-десяти лет).

Встретив невесту, женщины образовали круг и стали подбрасывать её вверх и вниз. В это же время, жених дал возлюбленной «куски табачных листьев и небольшие количества бус, которые она с закрытыми глазами без разбору разбрасывала среди танцоров, а те усердно дрались из-за них,

ибо считается, что тем, кто их получает, эти вещи приносят удачу» [1: 299-300]. После этого невесту спустили на землю, и она стала танцевать с женихом, около десяти минут, проделывая непристойнейшие жесты, а затем он ее поднял и, взяв под мышку, унес в свою хижину. А танцы и звук барабанов продолжались и на следующий день.

Важнейшим обрядом у африканцев был обряд погребения. Камерону рассказывали, что с отцом Касонго было похоронено заживо около ста женщин. Погребения различались в зависимости от статуса туземца. Например, если хоронили вождя помельче, то вместе с ним погребали двух-трех жен и убивали несколько рабов, «чтобы можно было их кровь пролить на могиле» [1: 319].

Если же человек был из простого населения деревни, то его хоронили одного в сидячем положении, а его указательный палец правой руки направляли в небо и поднимали как раз до уровня вершины холмика над его могилой. Были и случаи, когда тело умершего просто выбрасывали в джунгли на растерзание диким животным.

Во время захоронения людей африканцы не показывали скорби, так как считалось, что смерть – это естественный отбор, по которому слабейшие умирали, а сильнейшие выживали.

Все обряды, проводившиеся африканцами, неизменно сопровождались громкими криками, воплями, а также игрой на инструментах, что иногда выглядело очень пугающе.

Верни Ловетт Камерон совершил первое исторически доказанное пересечение Экваториальной Африки с востока на запад: его предшественники двигались в обратном направлении. Работа В.Л. Камерона, написанная по результатам этого путешествия, представляет большую ценность не только для географов, но и для исследователей-историков, так как содержит много уникальных и интересных сведений о традиционной жизни африканцев в 70-е годы XIX века.

Примечания.

1. Камерон В.Л. Пересекая Африку. М., 1981.
2. Шпажников Г.А. Религии стран Африки. М., 1981

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В САУДОВСКОЙ АРАВИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Е.С. Гусева

*Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир,
Россия, guseva-katya1994@yandex.ru*

Проблема правового положения женщины – одна из основных в международном праве. Во многих мусульманских странах роль женщины в семейной и общественной жизни, а также состояние женских прав в целом рассматривается через зеркало религии. И надо признать, что влияние религиозной догматики зачастую имеет серьезные отрицательные последствия для социально-правового статуса женщин в этих странах. Тем не менее, существует ряд источников официального характера, которые призваны регулировать правовое положение женщин в исламском мире, в том числе и в Саудовской Аравии. К ним относятся Основной низам о власти (Конституция Саудовской Аравии) 1992 г., Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (МПЭСКП) 1966 г., Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г., Конвенция против пыток и прочих видов жестоких, бесчеловечных и унижительных наказаний 1984 г., Всеобщая Исламская Декларация прав человека 1981 г. и Каирская декларация по правам человека в исламе 1990 г. Данные акты применимы по отношению к женскому населению всех мусульманских стран.

Какими же правами обладает женское население Саудовской Аравии? В первую очередь, безусловно, это право на жизнь. «Жизнь человеческая священна и неприкосновенна и должны предприниматься все меры для ее защиты», – гласит Всеобщая исламская декларация прав человека, а также некоторые другие источники [1; 2; 3; 4].

Следующими гарантированными правами, которые регламентируются в ряде источников, являются права на свободу и личную неприкосновенность и право на равенство перед законом [1; 2; 3; 4].

Безусловно, одним из наиболее важных прав является право на создание семьи. «За мужчинами и женщинами, достигшими брачного возраста, признается право на вступление в брак и право основывать семью», – говорится в 23 статье Международного пакта о гражданских и политических правах, а также в некоторых других источниках [1; 2; 3; 4]. Женщина, согласно 6 статье Каирской декларации о правах человека в исламе, «рав-

ноправна с мужчиной в человеческом достоинстве и наделена как правами, так и обязанностями; она имеет свой самостоятельный гражданский статус и финансовую независимость, а также право сохранять свое имя и род» [3].

В ряде документов провозглашается право на свободу выбора религии [1; 4], но в 10 статье Каирской декларации о правах человека в исламе говорится о том, что «ислам – религия первозданной чистоты» [3]. Теоретически женщина может выбрать сменить религию, но на практике это сделать очень сложно, практически невозможно.

Право на частную жизнь, право на правосудие («каждый имеет право на судебное разбирательство в соответствии с законом и только в соответствии с законом») регламентируются во Всеобщей исламской декларации прав человека [1] и Каирской декларации о правах человека в исламе, на социальную защиту, на участие в культурной жизни общества – во Всеобщей декларации прав человека и в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах [2; 3; 4].

С самого раннего детства девочек учат, что их главная роль заключается в том, чтобы поддерживать семейный очаг, рожать и воспитывать детей. Другими словами, мужчина обязан работать, а женщина – заботиться о семье. Шариат позволяет женщине работать при условии, если она не будет пренебрегать своими семейными обязанностями, а также если никто не способен обеспечить женщину (вдова с детьми). Право на труд регламентируется статьей 28 Конституции страны («государство предоставляет каждому трудоспособному подданному возможность трудиться в любой сфере деятельности») и некоторыми другими источниками [2; 3; 4; 5].

По саудовским законам, женщина может работать только в специально отведённых местах для женщин в качестве врача, медсестры, учителя и в нескольких других направлениях, где она может избежать нежелательного контакта с мужчиной. Женщина может работать только, когда ей это позволяет махрам (близкий родственник) или муж. Женская работа должна быть также подходящей для «женского телосложения и менталитета». Например, женщинам нельзя работать в судебной области, а также занимать важные государственные посты [8]. По данным 2012 года, женщины составляют только 17 % рабочего населения в Саудовской Аравии [11].

Государство Саудовской Аравии гарантирует своим подданным, в том числе и женщинам, «свободу частной собственности и ее неприкосновенность» согласно 18 статье Конституции и некоторым другим документам [2; 3; 5]. Женщины в Саудовской Аравии имеют право на образование

[1; 2; 4]. Но здесь имеется ряд особенностей. Образование, высшее или среднее, женское население имеет право получать только с согласия отца или мужа. Девочки и мальчики посещают отдельные учебные заведения. Учителя-мужчины не имеют права преподавать в женских школах, а учительницам закрыт вход в мужские школы. Одним из главных препятствий к образованию является детский брак, так как на молодую жену опускается тяжёлое бремя ответственности за семью, рождение и уход за детьми [6].

Женщинам разрешено участвовать в управлении общественными делами [1]. Саудовская Аравия является абсолютной монархией с консультативной ассамблеей, законодатели назначаются самим королём. Хотя женщины играют очень незначительную политическую роль, их доля и полномочия увеличивается в течение нескольких последних лет. По законам, только мужчины старше 30 лет могли стать законодателями. По объявлению короля Абдаллы с 2015 года членами ассамблеи могут стать и женщины [10].

Женщинам предоставляется право на передвижение по стране и за ее пределы. Однако, здесь есть свои ограничения. Согласно законам Саудовской Аравии все женщины обязаны жить и передвигаться за пределами дома вместе с мужчиной-махрамом – родственником/мужем. Мужчина-опекун играет важную роль фактически во всех аспектах жизни женщины. Формально данная система создана для защиты женщины в соответствии с исламскими нормами.

По данным на 2008 год, любая женщина официально не может заключать/разрывать брак, получать образование, передвигаться по стране, уезжать за границу, работать, открывать счета в банке, делать плановую операцию без соглашения мужчины-опекуна. Хотя в 2008 году эти правила были отменены, практика наличия мужчины-опекуна продолжает повсеместно существовать, по той причине, что формально никаких законов против неё принято не было. Их продолжают осуществлять в соответствии с «принятыми обычаями» и в зависимости от конкретных должностных лиц и учреждений (больницы, полицейские участки, банки и т.д.). Согласно законам Саудовской Аравии, мужчина-махрам является непосредственной частью женских прав в стране [7].

Правительство Саудовской Аравии одобрило международные и внутренние декларации, касающиеся женских прав, а также настаивает на том, что не существует никакого закона мужского опекунства. Официально оно утверждает, что международные соглашения применяются в судах,

при этом международные организации настроены крайне скептически, утверждая, что правительство Саудовской Аравии говорит одно, а на деле продолжает следовать своим старым законам [9]. Международные соглашения фактически никогда не применяются в саудовских судах [7].

Таким образом, мы видим, что фактически права женщин Саудовской Аравии ещё более ограничены, чем права несовершеннолетних в других странах. Несмотря на то, что по источникам официального характера теоретически женское население страны обладает многими правами, на практике существует много ограничений, касающихся полного использования женщинами своих прав. Необходимо отметить, что в настоящее время предпринимаются попытки изменение статуса женщин в обществе Саудовской Аравии силами различных групп женских активистов. Действия вышеназванных групп находят отклики в среде правительства, привлекают общественное внимание, и благодаря этому проблема правового положения женщин постепенно начинается разрешаться.

Примечания.

1. Всеобщая исламская декларация прав человека. Электронный ресурс [http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/16/declaracia-01.htm] (Дата обращения: 02.06.2015)
2. Всеобщая декларация прав человека. Электронный ресурс [http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml] (Дата обращения: 02.06.2015)
3. Каирская декларация о правах человека в исламе. Электронный ресурс [http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/16/declaracia-02.htm] (Дата обращения: 02.06.2015)
4. Международный пакт о гражданских и политических правах. Электронный ресурс [http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ractpol.shtml] (Дата обращения: 02.06.2015)
5. Конституция Саудовской Аравии. Электронный ресурс [<http://worldconstitutions.ru/?p=86>] (Дата обращения: 31.05.2015)
6. Baki Roula. Gender-Segregated Education in Saudi Arabia: Its Impact on Social Norms and the Saudi Labor Market. Электронный ресурс [<http://epaa.asu.edu/ojs/article/viewFile/183/309>] (Дата обращения: 03.06.2015)
7. Ertürk Yakin. Report of the Special Rapporteur on violence against women, its causes and consequences: Mission to Saudi Arabia. 14 April 2009. Электронный ресурс [http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/11session/A.HRC.11.6.Add.3_en.pdf] (Дата обращения: 02.06.2015)

8. Human Rights Abuses Stemming from Male Guardianship and Sex Segregation in Saudi Arabia. April 20, 2008. Электронный ресурс [<http://www.hrw.org/en/node/62251/section/1>] (Дата обращения: 01.06.2015)
9. Human Rights Watch. Saudi Arabia: Women's Rights Promises Broken, 8 July 2009. Электронный ресурс [<http://www.refworld.org/docid/4a55b2c112.html>] (Дата обращения: 02.06.2015)
10. Larisa Epatko. Saudi Arabia: Women Can Vote, Starting in 2015. September 26, 2011. Электронный ресурс [<http://www.pbs.org/newshour/rundown/saudi-arabia-women-vote/>] (Дата обращения: 02.06.2015)
11. Winning the case for women in work: Saudi Arabia's steps to reform. Электронный ресурс [<http://www.bbc.com/news/business-20697030>] (Дата обращения: 01.06.2015)

К ВОПРОСУ О ТАКТИКЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ УКРАИНСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ СПЕЦСЛУЖБАМИ ГЕРМАНИИ В НАЧАЛЕ 1940-Х ГОДОВ

Е.С. Лычагина

*Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир,
Россия, lapshina.nni2012@yandex.ru*

Зарубежные организации украинских националистов попали в сферу влияния германских спецслужб еще в начале 20-х годов XX века. Под особо пристальным вниманием спецслужб оказалась Организация украинских националистов (ОУН), созданная в 1929 г. на базе Украинской военной организации (УВО). О тайном сговоре украинских националистов с нацистами и превращении ОУН в филиал гитлеровской военной разведки (Абвера) говорится в «Справке-докладе по украинскому вопросу» от 19 ноября 1933 г.: «Около 10 лет тому назад было заключено соглашение между прежним начальником контрразведки Германии и нынешним руководителем ОУН полковником Коновальцем. Согласно этому договору украинская организация получила материальную поддержку, за что она поставила контрразведке данные о польской армии. Позднее организация взяла на себя также подготовку боевых и диверсионных заданий. Ежемесячные выплаты достигли 9000 рейхсмарок. В 1932 г. размер денежных субсидий на содержание ОУН составил 200 000 рейхсмарок. Кроме того, военно-морское ве-

домство на проведение саботажа и диверсий выделило ОУН около 1000 марок. В 1933 г. в составе ОУН находилось 1500 функционеров - испытанных членов, выполняющих особые задания. Установление же общей численности рядовых членов, в связи с условиями строгой конспирации, не представлялось возможным» [5].

Во второй половине 30-х годов, по свидетельству архивных материалов германских спецслужб, нацисты активизировали подготовку украинских националистов к осуществлению подрывных акций против Советского Союза. Эти проблемы стали предметом рассмотрения руководством всех спецслужб Германии. Наиболее обстоятельно вопросы использования украинских националистов в интересах Германии обсуждались на двух совещаниях. Одно из них состоялось в Управлении тайной полиции 7 октября 1938 г. под руководством начальника тайной полиции Генриха Мюллера, второе провел 21 декабря 1938 г. начальник управления внешней политики НСДАП Альфред Розенберг. На совещаниях лидеры спецслужб корректировали тактику использования украинских националистов и были информированы о том, что «группа Коновальца уже дала обещание главному штабу вермахта приостановить подрывные акции в Польше и свои подрывные действия направить «против большевиков». [5]

Оценить неплохие боевые навыки украинских националистов германское командование смогло во время Польской кампании 1939 г., применив во фронтовых условиях так называемый Украинский легион [1: 127] под командованием полковника Романа Сушко, сформированный в июле – августе 1939 г. в г. Гаммерштейн. [6: 545] Военное обучение бойцы легиона прошли в горных лагерях на территории Австрии. В итоге из них было сформировано 2 батальона (куренья) примерно по 300 человек в каждом, в качестве названия они получили аббревиатуру «ВВН», которая расшифровывалась двояко: по-немецки («Bergbauernhilfe» — «Помощь крестьян-горцев» (ПКГ)) и по-украински («Військові відділи націоналістів» — «Военные отряды националистов» (ВОН)). Немецкая аббревиатура использовалась оуновцами «для внешнего употребления», то есть маскировки под горностроительный батальон, а украинская — «для внутреннего» и, в случае необходимости, для населения Западной Украины.

Действия легиона в первой половине сентября 1939 г. ограничились несколькими нападениями на небольшие польские гарнизоны, обозы и отряды с последующим их разоружением, а в октябре — ноябре 1939 г. его распустили. После роспуска часть солдат поступила на службу в Вермахт в

личном порядке, большинство — в украинскую полицию на территории Генерал-губернаторства. [4]

Для максимального достижения своих целей германская разведка использовала обе фракции ОУН (раскол организации произошел в 1940 г. на ОУН – Мельника и ОУН – Бандеры).

Андрей Мельник, в качестве агента немецких разведывательных органов был завербован сотрудником Абвера Эрвином Штольце в 1938 г. [8: 664] Младший лейтенант германской военной разведки Зигфрид Мюллер, работавший сначала в 4 Главном управлении имперской безопасности Германии, а затем возглавлявший филиал Абвера в Риге показывал на допросе 19 сентября 1946 г., что «Мельник посещал начальника 4-Д Шройдера в его служебном помещении гестапо, где и получал необходимые указания по работе. Мельника я сам часто видел в стенах гестапо...», [10: 912] – что свидетельствует о сотрудничестве Мельника одновременно и с гестапо.

А.Мельник сотрудничал с Абвером под кличкой «Консул», [8: 664] разведывательные данные о Советском Союзе предоставлял капитану Пулюи (псевдоним «Доктор Пухерт»), у которого был на связи. Все шпионские сведения об СССР Мельник получал от своих сторонников – украинских националистов на территории Западной Украины и от резидентуры в г. Новый Золь (Чехословакия). [10: 913] В основу своей деятельности Мельник поставил налаживание связей украинских националистов, проживавших на территории тогдашней Польши, с националистическими элементами на территории Советской Украины, проведение шпионажа и диверсий на территории СССР, подготовку восстания. Тогда же по просьбе Мельника Абвер взял на себя все расходы, необходимые для организации подрывной деятельности. [8: 665]

Степан Бандера был хорошо известен германской военной разведке еще до того, как стал ее агентом. По характеристике бывшего заместителя начальника второго отдела Абвера полковника Е. Штольце, представшего перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге в качестве свидетеля, Бандера «был великим демагогом, фанатиком и бандитом. Для достижения своей цели он готов сделать любое преступление, пренебречь любыми принципами человеческой морали». [5] Именно благодаря этим качествам он и стал агентом гитлеровского Абвера.

Неопровержимым доказательством сотрудничества Степана Бандеры с нацистами служит стенограмма допроса начальника отдела Абвера Бер-

линского округа полковника Эрвина Штольце от 29 мая 1945 г.: «После окончания войны с Польшей, Германия усиленно готовилась к войне против Советского Союза и поэтому по линии «Абвера» принимались меры активизации подрывной деятельности, так как те мероприятия, которые проводились через Мельника и другую агентуру, казались недостаточными.

В этих целях был завербован видный украинский националист Бандера Степан, который в ходе войны был немцами освобожден из тюрьмы, куда он был заключен польскими властями за участие в террористическом акте против руководителей польского правительства... Последний на связи состоял у меня». [8: 665]

Обе группировки оуновцев финансировались Берлином. Об этом заявил на следствии в июне 1946 г. сотрудник германской военной разведки, замначальник 2 отдела «Абверштелле Краков» Юзеф Лазарек. «В марте – апреле 1941 г. - по его свидетельству – руководство «ААА» при немецком главном командовании вооруженных сил в Берлине поручило Эрнсту цу Айкерну ведение переговоров о полном сотрудничестве с немцами». [3: 885] Представителем Бандеры на переговорах был руководитель Службы Безопасности ОУН – Б Николай Лебедь. От Эрнста цу Айкерна в апреле 1941 г. Ю. Лазарек узнал, что «Бандера получил от немцев 2, 5 миллиона марок, т. е. столько, сколько получил и Мельник в году, что немцы приняли условия бандеровцев о снабжении их оружием» [11: Т.1: 9) Бандера, в свою очередь, «обязался давать своих людей для обучения диверсионной работе в немецких школах, переводчиков для немецких штабов и активизировать диверсионную, разведывательную и повстанческую работу в советском тылу». По свидетельству Ю. Лазарека, «впоследствии все пункты договора, как немцами, так и бандеровцами выполнялись». [3: 886]

В 1940 г., ожидая скорого начала войны между Германией и СССР, украинские националисты вели переговоры с немецкими спецслужбами по вопросу организации украинских вооруженных формирований.

В феврале 1941 г. полномочный представитель ОУН – Б Рихард Ярый провел переговоры с армейским руководством Третьего рейха и достиг договоренности о подготовке Вермахтом 700 украинских боевиков. [7] На завершающем этапе переговоров к ним подключился главнокомандующий сухопутными войсками, генерал Вальтер фон Браухич, начальник Управления разведки и контрразведки ОКВ (Абвера), адмирал Вильгельм Канарис и руководитель ОУН - Б Степан Бандера. В ходе переговоров бы-

ло решено сформировать «Дружины украинских националистов» (ДУН), составляющие Украинский легион Вермахта, при соблюдении следующих условий: ОУН предоставляет в распоряжение Вермахта 700 человек; ДУН подчиняются ОУН в политических вопросах; солдаты формирования принимают присягу на верность Украине и ОУН; в случае войны с СССР батальон используется только на Восточном фронте; после создания независимой Украины ДУН станут ядром при создании украинской армии. [4]

На базе ДУН вскоре были созданы в составе диверсионно – разведывательного полка «Бранденбург – 800» два батальона [4]: первый батальон получил кодовое наименование «Организация Роланд», второй батальон именовался «Спецподразделение Нахтигаль». [12] В украинских документах они фигурируют как группы «Юг» и «Север». [2] Во главе «Роланда» стоял бывший капитан польской армии Е. Побигущий, а от ОУН – Р. Ярый; «Нахтигальем» командовали с немецкой стороны А. Герцнер и Т. Оберлендер, от ОУН – Р. Шухевич. [11: Т.1: 9] Украинские националисты должны были составлять «черные списки» представителей «просоветской» украинской интеллигенции и осуществлять их ликвидацию. Кроме того, оуновцы должны были организовывать восстания в советском тылу и уничтожать небольшие группы попавших в окружение красноармейцев.

За несколько дней до нападения на СССР Абвер готовил задания «для групп украинских националистов Мельника и Бандеры в случае войны с СССР», [9] где предусматривалась организация украинских военизированных отрядов, которые должны будут предоставить проводников и переводчиков, «помешать наступлению русских и нарушить их связь с тылом» («перерезать телефонные и электрические провода», «арестовывать и ликвидировать комиссаров и офицеров», «совершать поджоги» и т. п.). Кроме этого данные формирования должны были обеспечить свободное продвижение немецких войск по территории Советского Союза («разоружение русских, находящихся на территориях вдоль линии марша немецких войск», «контроль над перевозкой заключенных»). Такая украинская самооборона под руководством немецких военных могла быть образована силами около 500 – 1000 украинцев. [9]

В свою очередь, различные украинские группировки накануне нападения Германии на СССР также определяли свое отношение к будущей войне и выработывали тактику своих действий.

Примечания.

1. Баринов И.И. Направление – Украина. Опыт изучения нацистской оккупационной политики, 1941-1944. – М., 2014. – 400 с.
2. Батальон «Нахтигаль» [Электронный ресурс]. – URL: <http://flot2017.com/file/show/potentialEnemyFlot/20337>. Дата обращения: 11.11.2015.
3. Выписка из протоколов допроса Ю. Д. Лазарека о сотрудничестве Абвера с ОУН – Бандеры, использовании бандеровцев для ведения разведки на территории СССР, переговорах с УПА и поставке УПА оружия. 17 июня 1946 г. // Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Т. 2. С. 884-894.
4. Гогун А. Между Гитлером и Сталиным. Украинские повстанцы [Электронный ресурс]. – URL: <http://coollib.com/b/290989/read>. Дата обращения: 18.11.2015.
5. Документы изобличают (Сборник документов и материалов о сотрудничестве украинских националистов со спецслужбами фашистской Германии) [Электронный ресурс]. - Киев, 2004. - URL: http://militera.lib.ru/docs/da/documenty_izoblichayut/index.html. Дата обращения: 25.06.2014.
6. Дробязко С.И. Украинские формирования // Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К. Иностраные формирования Третьего рейха. - М.: Астрель, 2011. – 545-561.
7. Дружины украинских националистов [Электронный ресурс]. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1788572>. Дата обращения: 14.11.2015.
8. Из протокола допроса арестованного полковника немецкой армии Э. Штольце об использовании Абвером украинских националистов в ходе войны с СССР. 29 – 31 мая 1945 г. // Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Т. 2. С. 664-668.
9. Проект заданий для групп украинских националистов Мельника и Бандеры в случае войны с СССР, разработанный Отделом Абвера в Румынии // Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Т. 1. С. 311-312.
10. Протокол допроса сотрудника «Абверкоманды – 202» З. М. Мюллера об обучении в школах «Абверкоманды – 202» украинских националистов. 19 сентября 1946 г. // Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Т. 2. С. 912-918.

11. Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 т.Т. 1: 1939-1943; Т. 2: 1944-1945 / под ред. А.Н. Артизова. – М.: РОССПЭН, 2012. – 878 с., 1167 с.
12. Чуев С. Проклятые солдаты. Легионы и дружины украинских националистов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.istorya.ru/book/soldaty/21.php>. Дата обращения: 11.11.2015.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Н.А. Матвеева

*Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир,
Россия, oshmarin_aa@mail.ru*

В 2015 году Россия вместе со всем мировым сообществом отмечает 70-летие победы во Второй мировой войне. Среди наиболее жестоких и неоправданных явлений Второй мировой тема военного плена занимает особое место. Даже в настоящее время данные об общей численности военнопленных, их смертности (как в театре боевых действий, так и в лагерях) противоречивы и вызывают многочисленные дискуссии. Однако именно Вторая мировая война побудила мировое сообщество после ее окончания приступить к разработке более детального механизма международно-правовой защиты жертв войны.

Нарушения и игнорирование международных договоренностей на современном этапе развития человечества влекут необратимые последствия: жестокое избиение военнопленных Донбасса и Луганска «бойцами» «Правого сектора»; события 2004 г. в лагере для военнопленных под Эн-Насирией на юге Ирака (американские солдаты избивали заключенных и побуждали коллег поступать таким же образом), публичные казни пленных боевиками ИГИЛ (с 2014 г. они публикуют в сети Интернет ролики о казнях и пытках их противников и др. Даже в современном мире мы видим полное игнорирование Международных принципов, соответственно, за более чем 100 лет проблема статуса военнопленных осталась нерешенной.

Правовое положение военнопленных было закреплено еще в Конвенции, принятой на конференции в Гааге в 1899 г., редактированной в

1907 г. [1] По конвенции запрещалось совершать всякого рода действия, способные привести к смерти военнопленного, причинять вред его здоровью, оскорблять, принимать в его отношении насилие. Военнопленный должен обладать всеми правами, кроме предусмотренных условиями плена исключений.

Всех участников вооруженных конфликтов можно разделить на 2 группы: комбатанты, т.е. лица, входящие в состав вооруженных сил, и некомбатанты, состоявших из медицинского и духовного персонала. [2]

Военнопленные в СССР поступали с разным уровнем физического состояния, многие были травмированы, больны и истощены. По данным на 25 февраля 1943 г. на территории СССР числилось 256 918 чел., из них работоспособных 199 090 чел., остальные 57 828 чел. – больные и раненые.[3] Большое количество покалеченных военнопленных подрывало экономическую эффективность использования их труда. Для решения этой проблемы пленные по своей трудоспособности были поделены на 3 категории: первая категория, для которой предназначался десятичасовой рабочий день, была занята основной работой (занятость в горнорудной промышленности, строительстве железных дорог, вывозке леса); вторая категория была занята лесозаготовками, складскими и погрузочными работами, отделками помещений и для нее отводился восьмичасовой рабочий день; третья категория была наиболее нетрудоспособной, поэтому ей уделялась работа минимальной тяжести: пошив одежды, обуви, работы в кожевенной и жестяной отраслях. [4]

Если говорить об этническом составе военнопленных в СССР, то на первое место выходили немцы - 2.388.443 чел., австрийцы - 156.681 чел., чехи и словаки - 69.977 чел., поляки - 60.277 чел., французы - 23.136 чел. и т.д. Немного иначе обстояло дело с военнопленными на территории Нацистской Германии. Как четко отмечал в своей работе Кристиан Штрайт, ведущим основанием для размещения военнопленных и обращения с ними являлась как расовая принадлежность пленных, так и возможные репрессии против немецких пленных со стороны государств-противников в ответ на действия Рейхстага. [5]

Первое разделение военнопленных по национальному признаку произошло в 1939 г. Лояльнее всего было отношение к английским военнопленным, что было вызвано надеждами Гитлера привлечь на свою сторону

Англию в лице своего единственного возможного союзника. Помимо этого, в английском плену содержалось большое количество немецких солдат, поэтому, при плохом отношении с английскими пленными в Германии (а это контролировалось представителями Международного Комитета Красного Креста), возрастала вероятность репрессий в отношении немецких военнопленных со стороны Англии.

Меньшей благосклонностью пользовались пленные из Юго-Восточной Европы. Пленные Югославии использовались в военной промышленности и на вспомогательных службах для немецкой армии, что строго запрещалось как Женевской конвенцией о военнопленных 1929 г. так и Гаагской конвенцией о ведении сухопутной войны 1909 г. [6] Военнопленные Сербии не имели права даже на представление государством-гарантом, не говоря уже о соответствующем медицинском обслуживании и продовольственном обеспечении. Наравне с сербами были и советские военнопленные (в немецком плену содержалось более 5,7 млн. военнопленных). Польские пленные вовсе лишались всякой защиты и были вынуждены работать на Вермахт. На самой низшей ступени в иерархии военнопленных Нацистской Германии находились евреи. Так как питание пленных также было неоднородным и сильно зависело от расовой принадлежности, евреи больше всех страдали от голода. При раздаче пищи они были последними. [7]

Военнопленные должны были быть привлечены к работам во всех отраслях хозяйства. Русские, поляки, евреи, сербы получали пищу только для поддержания их работоспособности на тяжелых промышленных работах. Из советских военнопленных полную работоспособность сохранили всего несколько сотен тысяч. В 1941 г. было проведено разделение военнопленных на 3 категории: полностью работоспособные; военнопленные, которые вскоре вернутся к состоянию работоспособности; неработоспособные.

Таким образом, можно сделать вывод о несоответствии и даже игнорировании норм Женевской конвенции нацистской Германией: ст. 4 Женевской конвенции запрещала какие-либо различия в обращении с военнопленными за исключением чётко определённых льгот, [8] ст. 31 запрещала использование труда военнопленных для нужд войны (строительство оборонительных сооружений, перевозка бомб, создание траншей и окопов).

Подводя итог, хотелось бы сказать, что Вторая мировая война наглядно продемонстрировала отсутствие механизма международно-правового регулирования и охраны прав и свобод военнопленных не только как особой категории (комбатантов), но и как людей, показала неспособность международных организаций обеспечить закрепленные в Гаагских и Женевских конвенциях гарантии. Международное гуманитарное право вышло на новый уровень развития, однако события последних десятилетий показывают, что имеющиеся средства и методы борьбы с нарушениями международно-правовых норм не всегда эффективны, а порой и бесполезны.

Примечания.

1. <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm>
2. Бекашев К.А. Международное публичное право. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. С. 806.
3. Военнопленные в СССР. 1939-1956. Документы и материалы / Сост. М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская; под ред. М.М. Загорулько, М.: Логос, 2000. С. 99-101.
4. Поршнева О.С., Долинова М.В. Повседневность плена: иностранные военнопленные Второй мировой войны в Нижнем Тагиле // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «История России». 2003. №2. С. 127-139.
5. Штрайт К. «Они нам не товарищи...»: Вермахт и советские военнопленные в 1941-1945 гг./ Пер. с нем И. Дьяконова М.: АНО «Русское историческое общество» - НП ИД «Русская панорама», 2009. С. 96.
6. Гаагская конвенция от 18.10.1907 г. // Вторая конференция мира 1907 г. Спб.: «Издательство Российского МИД», 1908. Женевская конвенция от 27.07.1929 г. // ЦХИДК. В. 1/п, оп. 21а, д. 47, л. 22-48.
7. Штраус-Марко С. На краю пропасти. Ч. 2. Тель-Авив, 1984. С. 93.
8. Штрайт К. «Они нам не товарищи...»: Вермахт и советские военнопленные в 1941-1945 гг. / Пер. с нем. И. Дьяконова. М.: АНО «Русское историческое общество» - НП ИД «Русская панорама», 2009, с. 73-74.

РОЛЬ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ФОРМИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО МЕХАНИЗМА ЗАЩИТЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Е.А. Модина

*Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир,
Россия, oshmarin_aa@mail.ru*

На современном этапе развития человеческой цивилизации одной из основных является проблема изучения культурного наследия. Её важность и значимость обуславливается тем, что культурные ценности являются не только достоянием одного народа, а культурным наследием всего человечества. Охрана их должна осуществляться не только внутри государства, но и на международном уровне. Несмотря на то, что отдельные нормы об охране культурных ценностей начинают появляться в международных нормативно-правовых актах еще в начале XX века, но непосредственным «толчком» к попыткам формирования целостной системы международного механизма охраны и защиты объектов культурного наследия послужила Вторая мировая война. Именно с этого исторического рубежа (т.е. с 40-50-х гг. XX в.) мы можем говорить о появлении самого термина «культурное наследие» и научных исследований в данной сфере.

Изначально механизм охраны и защиты объектов культурного наследия строился по принципам защиты частной собственности, т.е. историческая или культурная ценность объекта отходила на второй план.

Первыми международными актами, в которых были предприняты попытки изменить этот подход, стали Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (IV конвенция) и Положение о законах и обычаях сухопутной войны, принятые на Второй Гаагской конференции в 1907 году [1,2]. Однако в этих документах содержались только отдельные нормы, регулирующие охрану культурных ценностей, а первым системным документом, направленным исключительно на организацию охраны и защиты культурных ценностей, стал Пакт Рериха, автором которого являлся русский художник Николай Рерих. Еще во время русско-японской войны 1904-1905 гг. у него возникла идея о необходимости заключения специального международного соглашения об охране памятников культуры во время вооруженных конфликтов. Таким соглашением и стал Пакт Рериха, принятый в 1935 году. Н.К. Рерих писал: «По этому проекту... должно быть воспрепятствовано повторение зверств последней войны, когда было разрушено множество соборов, музеев, книгохранилищ и прочих сокровищ».

вищниц творений человеческого гения. Этот план предусматривает особый флаг, который будет почитаем как международная нейтральная территория; это Знамя должно быть поднято над музеями, соборами, библиотеками, университетами и прочими культурными центрами»[3: 103].

Событием, которое поставило международное сообщество перед фактом необходимости разработки международного механизма охраны и защиты объектов культурного наследия, стала Вторая мировая война, сопровождавшаяся массовым уничтожением, разрушением и перемещением культурных ценностей. В 1945 году создается специализированное учреждение Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культурных ценностей (ЮНЕСКО), оказывающая помощь странам-членам при осуществлении мероприятий по охране культурного наследия. В соответствии с Уставом ЮНЕСКО «ставит себе задачей содействовать укреплению мира и безопасности, способствуя сотрудничеству народов путем образования, науки и культуры, в интересах обеспечения всеобщего уважения к справедливости, законности, правам человека и основным свободам, провозглашенным в Уставе Организации Объединенных Наций, для всех народов, без различия расы, пола, языка или религии»[4] (п. 1 ст. 1).

В 1954 году ЮНЕСКО созвала международную конференцию, которая проходила в Гааге. Ее результатом явилась Гагская конвенция 1954 года, являвшаяся «первым международным соглашением универсального характера, в котором объединены многие нормы, предусматривающие охрану культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» [5: 96]. Если раньше эти нормы содержались в различных международных договорах или существовали в качестве прецедентов, порой противоречивого характера, то теперь они были сведены в акт, принятие которого следует рассматривать как важный шаг в развитии международного гуманитарного права.

Конвенция 1954 г. закрепила определение объекта международной охраны. Термин «культурные ценности» был введен в международную терминологию именно этой Конвенцией. Она определяет три категории таких ценностей: а) движимые или недвижимые, имеющие большое значение для культурного наследия каждого народа; б) здания, в которых сохраняются или экспонируются движимые культурные ценности, и в) «центры сосредоточения культурных ценностей».

Конвенция 1954 года предусматривает применение особого отличительного знака для культурных ценностей, находящихся под специальной защитой. Этот знак представляет собой заостренный книзу щит, разделенный на четыре части, синего и белого цветов.

Кроме Гаагской конвенции, существует еще множество международных актов, которые регламентируют те или иные аспекты определения правового статуса и охраны культурных ценностей. Так, усилиями ЮНЕСКО была подготовлена и принята Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного вывоза, ввоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970 года [6: 283-290], а также Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 года.

Однако международно-правовые нормы о защите памятников культуры во время вооруженных конфликтов не следует переоценивать. Какими бы совершенными они ни были, как бы точно они ни соблюдались, они не могут полностью предотвратить причинение ущерба ценностям культуры. Только за вторую половину XX века в результате вооруженных конфликтов и в постконфликтный период были уничтожены в Афганистане Бамианские статуи Будды, в Косово – более 300 памятников сербской культуры и культовых сооружений, в Ираке уничтожены или разграблены памятники культуры Вавилона, во время вооруженных действий в Чечне уничтожены Государственный архив, фонотека Гостелерадио, был разрушен храм Архангела Михаила в Грозном, в Абхазии были уничтожены Госархив, Институт абхазского языка, истории и литературы, Русский драмтеатр и др. [7: 210].

Современный мир – не исключение. К совершенствованию механизма охраны и защиты культурных ценностей призывают и события на Ближнем Востоке. Так, 20 мая 2015 года боевики террористической организации ИГИЛ взяли под контроль почти всю территорию древнего сирийского города Пальмира. 27 июня 2015 года была снесена статуя «Лев Аллат», датирующаяся I веком до нашей эры. 23 августа стало известно о взрыве храма Баалшамин, которому было 2000 лет. 30 августа исламисты произвели взрыв храма Бэла, разрушив его.

Встает закономерный вопрос: почему не действуют международные нормы? Где организации, обеспечивающие защиту памятников культуры? Где реальное действие созданного механизма защиты?

Примечания.

1. URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm> (Дата обращения: 04.09.2015).
2. URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm> (Дата обращения: 04.09.2015).
3. Рерих Н.К. Знамя Мира // Николай Рерих. Листы дневника. Том 2 (1936-1941). М.: МЦР, 1995.
4. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900831> (Дата обращения: 23.09.2015 г.).
5. Богуславский М. М. Международная охрана культурных ценностей. М.: Междунар. отношения, 1979.
6. Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (Париж, 14 ноября 1970 г.) // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М., 1993.
7. Шутова Т.А. Необходимость введения положений Пакта Рериха в современное культурно-образовательное пространство // 75 лет Пакту Рериха: Мат-лы межд. науч. конф. М.: Межд. Центр Рерихов; Мастер-Банк, 2011.

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЛИВАНЦЕВ В КОНЦЕ XIX ВЕКА
В ВОСПРИЯТИИ ПИСАТЕЛЯ А.Е. КРЫМСКОГО**

Е.В. Мысина

*Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир,
Россия, zheinya2009@yandex.ru*

Одним из важнейших этапов в процессе становления образа Арабского Востока в России являлся период второй половины XIX-начала XX вв. Арабский Восток стал представлять важное стратегическое направление в связи с растущими геополитическими интересами России в отношении стран региона. По письмам украинского востоковеда и писателя А.Е. Крымского, находившегося в Сирии и Ливане с октября 1896 г. по май 1898 г., можно составить представление о быте, укладе жизни и состоянии общественной мысли в этом регионе в конце XIX века [1]. Для публикации сам А.Е. Крымский отобрал только письма к родным – отцу, брату, жене брата, старшей сестре. Эти письма, по его собственному определению, за-

меняли ему дневник. Естественно, что многие из отмеченных в письмах фактов – житейского характера, в них преобладают непосредственные реакции, вкусовые оценки, ассоциативные связи. Большой интерес для изучения арабского общества представляют заметки А.Е. Крымского о повседневной жизни местных жителей.

А.Е. Крымский описывает дома жителей города Бейрута и села Шуэйра, т.е. оседлых арабов. По свидетельству ученого, в домах бейрутцев были каменные полы, которые часто служили причиной заболевания ревматизмом, однако весной и летом в таких домах было значительно легче переносить жару. Резкая смена погоды была привычной для арабов. После жары, стоявшей несколько дней, приходила гроза, которую сменяла сырость. И этот круговорот происходил постоянно. К таким переменам погоды дома у большинства арабов не были подготовлены. А.Е. Крымский, которому непривычно было жить в таких условиях, замечал в письме к отцу следующее: «Щели между окнами и рамами – шириною в мизинный палец, а так как у меня четыре окна (с трех сторон), то всегда при дожде мои ноги обдуваются ветром. Замазать или заклеить окна немислимо, так как при малейшем прекращении дождя я их открываю для освежения комнаты» [1:37]. Несмотря на сырую зиму, печей в домах не было, лишь на кухне держали жаровни для приготовления еды и вываривания белья. «Жители никакой зимы не понимают и, хотя дрожат от холода, не заводят нигде печек (груб, или каминов): считают это излишней вознею... Все мерзнут, но никто не догадается устроить камины в доме... Семья Атая решили перенести в свою комнату жаровню. Как они не умерли от угольной кислоты, не понимаю» [1:85].

Убранство в домах у арабов оставляло желать лучшего. Люди были неприхотливы по отношению к мебели и освещенности в домах. В одном из писем писатель с досадою отмечал: «Приходится самому купить себе и лампу, так как у меня сейчас едва глаза не вылезают, пока пишу при мерцающем свете сквернейшей лампочки. Ни малейшего подобия этажерки нет в моей комнате, книжки лежат под столом» [1:34].

В своих письмах А.Е. Крымский охарактеризовал ежедневную пищу ливанцев, отметил блюда, которые они готовили в период поста и перед ним – в Масленицу, как называл это время ученый. Еда бейрутцев была, в основном, растительного происхождения. Переехав в Бейрут, А.Е. Крымский понимал, что организму будет очень тяжело в первое время: «Чая здесь нет, супу нет, борщу нет. Говядины здесь не едят, не любят, а едят

баранину, и то в самом малом-малом количестве (по праздникам)» [1:32]. Корова у арабов считалась нечистым животным (один вид коровьего мяса способен был вызвать рвоту, как говорили в богатых домах), поэтому её мясо перед приготовлением обязательно мыли, а баран считался чистым животным, поэтому его мясо, «провисевшее несколько часов в лавке и обсиженное мириадами мух», не нужно было мыть; его сразу жарили или варили [1:54]. Ливанцы питались только три раза в день: «утром пьют чашечку кофе, в полдень завтракают, в 6 часов обедают, супу тоже нет, поэтому за горячей нежидкой едой приходится пить много воды (некипяченой и холодной)» [1:54].

Фрукты и овощи утоляли жажду и голод, поэтому А.Е. Крымский сразу привык питаться три раза в день, а между приемами пищи перекусывал фруктами, в особенности виноградом с «хубзом» (очень вязким коржем). Жители здесь пили вино, которое также было очень дешево и вкусно, но не злоупотребляли, так как от жары вино начинало бродить и от него могло сделаться плохо.

После первых впечатлений от бытовых условий жизни арабов А.Е. Крымский в своих письмах описал и их духовную культуру. Он обратил внимание на большую набожность православных ливанцев, которые обязательно посещали церковь и с подозрением относились к тем, кто этого не делал. Вот что отмечает писатель: «Я не хожу в церковь, и это вызывает сенсацию. Моя хозяйка просила меня перекреститься перед ней, чтобы убедиться, христианин ли я» [1: 41].

Отдельное место отводит А.Е. Крымский в своих письмах особенностям семейных отношений арабов. В семье традиционно сохранялись древние семейные обычаи и ритуальные обряды. Главой ячейки общества был отец, который чаще всего был намного старше матери. Как правило, в семье было очень много (по нашим меркам) детей. Семьи, где была какая-либо свободная комната, часто предпочитали брать постояльцев, для поддержания бюджета. Между членами семьи на протяжении всей жизни сохранялись тесные родственные узы.

У А.Е. Крымского много времени уходило на наблюдение за особенностями характера и поведения местных жителей. Многие черты национального характера арабов, подмеченные А.Е. Крымским за время жизни в Ливане, совпали с его ожиданиями, с тем стереотипным образом, который сложился об арабах в России. Писатель дополнил этот образ и совершенно новыми характеристиками: гостеприимность, меркантильность, бурный характер

поступков, импульсивность, порывистость, несдержанность в проявлении своих чувств и эмоций, любопытство.

Благодаря ярким и очень подробным описаниям А.Е. Крымского вырисовываются образы реальной повседневной жизни ливанцев в конце XIX века. Писатель обращает внимание на разруху в быту, также детально описывает особенности питания арабов, семейных взаимоотношений, национального характера. Письма ученого лишь немного приоткрыли завесу над малоисследованной темой традиций православных арабов, которая требует дальнейшего изучения.

Примечания.

1. Крымский А.Е. Письма из Ливана. М., 1975.

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО УЧЕНИЯ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В ЭНЦИКЛИКЕ ПАПЫ ПИЯ XI «QUADRAGESIMO anno»

С.К. Орлов

*Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых,
Россия, г. Владимир, osk-vds@rambler.ru*

В современной историографии большое внимание уделяется исследованию влияния Католической Церкви на политику европейских стран в XX в. Одним из примеров такого влияния является социальная политика Папы Пия XI. Основу его политики составляет энциклика «Quadragesimo anno», которая знаменовала историю Церкви дальнейшим развитием её социального учения.

В зарубежной историографии данный вопрос затрагивался как часть общего исторического развития Католической Церкви в работах М. Звизвалда, К. Я. Веруша, С. Романо. Официальная позиция Католической Церкви по социальному вопросу представлена в трудах кардинала Й. Хеффнера «Христианское социальное учение» и Ю. Майка «Социальное учение Католической Церкви». Можно отметить также статью В. Ферронео «Церковь, тоталитаризм и права человека» в книге «Религиозный фактор и проблемы национальной идентичности в России и Европе нового и новейшего времени», где рассматривается политический аспект реформ Папы Пия XI. Нельзя не упомянуть о «Компедиуме социального учения Церкви» (М, 2004), который является официальным письменным источни-

ком по современной социальной политики Католической Церкви, положительно оценивающий плодотворную деятельность Папы Пия XI.

В отечественной историографии изучение данной темы проводилось еще в советский период. В год выпуска энциклики «*Quadragesimo anno*», Федотов Г. П. в статье в журнале "Новый Град" (№1, 1931 г.) рассматривал данный вопрос в рамках практических решении социальных вопросов, возникших к 1931 г. в мире. Данную проблему в отечественной историографии рассматривали очень много историков как советского периода (Григурилевич И. Р., Шейман М. М., Мчедлов М. П., Великович Л. Н., Лозинский С. Г., Дорофеева С. И.), так и современного времени (Бровко Л. Н., Гергей Е., Нестерова Т. П., Токарева Е. С.) в рамках взаимодействия Папского Престола с Б. Муссолини. Историки Коваль Т. Б. и Поташинская Н. Н. раскрывают отдельные положения социального учения Церкви, например, о собственности и богатстве, о социальной справедливости. Хотелось бы выделить работу Григурилевича И. Р. «Папство. Век двадцатый» (1981 г.), поскольку автору было хорошо известно о положении Католической Церкви в рассматриваемом нами периоде, так как он являлся современником Папы Пия XI, в то время жил в Испании, а с 1952 по 1953 гг. находился при Папском Престоле в Ватикане в качестве посла Коста-Рики.

Целью данной статьи стал анализ энциклики Папы Пия XI «*Quadragesimo anno*», которая развивала учение Льва XIII по данному вопросу. Причиной написания энциклики стал экономический кризис западного мира начала XX века. Увеличение всеобщей безработицы и при этом повышение прибыли зажиточного класса [4: 31-80], привели к распространению таких учений как социализм и модернизм. Модернисты или «любители новизны» [9] – так Папы Римские называли католическое движение, сформировавшееся в начале XX в. [8], не желавшее подчиняться Папе и считавшее, что все вопросы решает принцип соборности, когда право все общество, а не отдельный Понтифик [1]. Естественно, что Папа, видя необычайную сложность положения простого народа, не мог пройти мимо данного вопроса. Тем более, что в обществе к 1931 г. стали неверно истолковывать социальное учение Папы Льва XIII. Поэтому Пий XI применительно к реалиям 1930-х годов вынужден был написать свою энциклику «*Quadragesimo anno*», что в переводе означает «в год сороковой», т. к. она посвящена толкованию энциклики «*Recurramus ad Christum*», которой на тот момент исполнилось 40 лет со дня её издания [9].

Энциклика «*Quadragesimo anno*» разделена на пять частей.

1. О праве собственности (понятие о собственности).
2. Капитал и труд (защита частной собственности, обличение социалистов).
3. Поднятие пролетариев (увеличение прав рабочих и их экономического положения).
4. Справедливая плата (защита прав рабочих и объединения в цеховые союзы).
5. Восстановление социального порядка (оправдание вмешательства государства во внутреннюю экономику и в социальную жизнь общества).

Её содержательная часть посвящена проблемам рабочего класса и экономического упадка общества, а также выходом из сложившейся ситуации. При этом происходит обличение в неверности обвинений по отношению к Церкви со стороны модернистов и опровержение учения социалистов. Отмечается, что католичество никогда не было сторонником коллективизма и индивидуализма и всегда выступало за сохранение частной собственности, которая должна служить во благо общества [9].

Папа Пий XI развил учение Льва XIII применительно к индустриальному обществу. Проблема экономического кризиса капиталистических стран Европы заключалась в нравственном падении общества. Богатые люди, несмотря на общий экономический упадок, процветали и богатели на прахе безработицы и общего обнищания. Говоря о роли Церкви, хотелось бы подчеркнуть, что в отличие от своего предшественника, считавшего её непосредственной обязанностью прямое вмешательство во внутренние государственные дела, Пий XI отводил ей роль преимущественно путеводительницы в нравственных законах, как в общественном, так и в экономическом порядке.

Тем не менее, вопросы положения в обществе Папа рассматривает уже не только с позиции евангельского учения, но и с позиции социологии и экономики. Главным фактором общественного благополучия и решения всех экономических проблем, по мнению Понтифика, является достижение нравственного закона. И здесь гарантом нравственности является вовсе не Церковь, а государство. Государство укрепляет частную собственность, определяет, что запрещено и что позволено собственникам в пользовании собственным имуществом. Именно государственная власть обладает правом восстановления социального порядка, она может управлять, наблюдать, побуждать, обуздывать профессиональные союзы людей. Лишь бла-

годаря государственному вмешательству на рынке, возможна стабилизация экономики. Такой положительный поворот по отношению к государственной власти мы наблюдаем лишь у Пия XI [9]. У его предшественников Пия X [8], Бенедикта XV [1] такого отношения к официальной власти не было. Даже либеральный Папа Лев XIII считал, что только общественные организации, а не власть, определяют благосостояние народа [6].

Причиной такого необычайного поворота к государству со стороны католичества является особенность внутренней политики Б. Муссолини по отношению к Церкви. Во-первых, он укрепил ее положение, пообещав в 1922 г. Папе придерживаться во всем церковной позиции, а в 1926 г. заключив «Латеранские соглашения» со Святым Престолом, признавшими за последним «право полной собственности» и «суверенной юрисдикции над Ватиканом» [13]. Это укрепило и экономику католицизма, т.к. был создан «Банк Ватикана», посредством которого Святой Престол мог уже официально совершать экономические сделки и увеличивать церковные доходы [2: 92-119].

Во-вторых, он осуществил такие идеи Папы в социальной политике по отношению к рабочим, как оплата труда, соответствующая потребностям работника и напряженности работы, отпуск в воскресные дни, когда работник может помолиться в храме, усовершенствование системы страхования от несчастных случаев, улучшение и развитие системы страхования материнства, введение страхования от профессиональных болезней [11]. Папа Пий XI отмечал, что в целом положение работника стало лучше, чем было во времена Льва XIII, но тем не менее экономический разрыв между бедными и богатыми оставался очень большим. Поэтому Римский Понтифик предлагал расширить права рабочих: дать рабочим давно обещанные земли в их собственное имущество, право владения и управления предприятием, где они трудятся [9]. Для осуществления данного плана Папа предлагал объединяться в уже существующие цеховые объединения [9], примером чего могли служить синдикаты [11]. Что касается профессиональных союзов, то они уже не играли, по мнению Пия XI, столь значительной роли [9], как при Льве XIII [6]. Данное предложение Католической Церкви было реализовано при Б. Муссолини в Законе о корпорациях Италии. С 1934г. корпорация, как объединение людей по специфике производства, согласно видению ПияXI, являлась уже самой высшей формой союзной организацией, и стояла над более мелкими профессиональными союзами [3].

Рассматривая развитие социальной политики католичества мы видим, что борьба Церкви была направлена на увеличение прав рабочих на производстве и повышение их социального статуса, чтобы предотвратить огромный экономический разрыв между богатыми и простым населением, существовавший до 1931 г. Для этого Папа «передавал» все полномочия по укреплению экономики и правопорядка не профсоюзным организациям, в отличие от Льва XIII, а государству. Последнее контролировало нравственное правосознание работников и собственников через корпорации, подчинившие себе профсоюзы. При этом Папа подчеркивал опасность подавления частной инициативы и подмену ее государственным диктатом, бюрократизации корпораций и их политизации, в результате чего они могли стать инструментом политической борьбы. Именно таким образом через государственные реформы Католическая Церковь видела достижение исправления нравов [9].

Энциклика развеяла целый ряд предубеждений в отношении сути социального учения Церкви, прояснила многие неясности, сомнения и заблуждения, которые были свойственны и католикам-модернистам. Она содействовала активизации усилий католиков как в области теоретических исследований, так и в практической работе [7: 338-340]. Даже после окончания Второй мировой войны энциклика «*Quadragesimo anno*» стояла наравне с «*Regum novagum*» в формировании социального учения Католической Церкви. Многие идеи и учения ПияXI сохранились в католичестве и по сей день. Отношение к политической власти и её взаимоотношению с народными организациями в современной концепции Церкви осталось неизменным [5: 261 – 269], дальнейшее развитие получило учение о нравственном совершенствовании общества [5: 378 – 381]. Сохранились идеи о сохранении домашнего очага как основы благоустройства семьи [5: 161-162], о государственном вмешательстве в экономику страны [5: 235-240], о сотрудничестве общества с государством для достижения «высшего общего блага» [5: 111].

Наконец, современной Церковью отмечается особый вклад Папы Пия XI, стремившегося преодолеть конфликт классов и прийти к новому социальному порядку, основанному на справедливости и милосердии, в социальное учение [5: 71-72]. Некоторые вопросы, затронутые Пием XI, вызвали широкое обсуждение европейского общества в 1930-е годы [7: 338-340] и остаются актуальными по сей день. Это вопросы нравственности зажиточных людей, общественного благополучия, экономической ста-

бильности общества, вопросы права рабочего класса, передачи в собственность рабочему классу земли, а также проблема экономического разрыва в обществе между простым рабочим и богатыми и возможности его преодоления. Путь разрешения данных вопросов в современном обществе во многом определен энцикликой Папы Пия XI «Quadragesimo anno».

Примечания.

1. Бенедикт XV Папа Римский. Spiritus Paraclitus. Рим, 1920. [Электронный ресурс] – URL: http://www.unavoce.ru/library/spiritus_paraclitus.html (Дата обращения 01.01.2015).
2. Григурилевич И. Р. Папство. Век двадцатый. М., 1981.
3. Закон о корпорациях. Рим, 1934. [Электронный ресурс] – URL: <http://constitutionallaw.ru/?p=1850> - 01.01.2016. (Дата обращения 01.01.2016).
4. История Италии / под ред. С. И. Дорофеева. Т. III. М., 1971.
5. Компедиум социального учения Церкви. М., 2004.
6. Лев XIII Папа Римский. Rerum novarum. [Электронный ресурс] – URL: http://www.unavoce.ru/library/rezum_novarum.html. (Дата обращения 01.01.2015).
7. Майка Юзеф. Социальное учение Католической Церкви. Рим-Люблин, 1994.
8. Пий X Папа Римский. Речь перед вновь назначенными кардиналами. Против религиозного неореформизма. Рим, 1907. [Электронный ресурс] – URL: http://fsspx.of.by/ru/oracle/papa_pijj_x/rech_pered_vnov_naznachennymi_kardinalami_protiv_religioznogo_neoreformizma. (Дата обращения 01.01.2015).
9. Пий XI Папа Римский. Quadragesimo Anno. [Электронный ресурс] – URL: http://traditio-ru.org/wiki/Quadragesimo_Anno. (Дата обращения 01.01.2015).
10. Федотов Г.П. Quadragesimoanno//Новый Град. 1931. №1. [Электронный ресурс] – URL: http://krotov.info/library/14_n/ov_grad/01_09.htm. (Дата обращения 01.01.2015).
11. Хартия труда. Рим, 1927. [Электронный ресурс] – URL: <http://constitutionallaw.ru/?p=1840>. (Дата обращения 01.01.2016).

12. Хеффнер Йозеф, кардинал. Христианское социальное учение. [Электронный ресурс] – URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/bogoslov/Hoff_HrSoc/Index.php. (Дата обращения 01.01.2015).
13. Латеранские соглашения. [Электронный ресурс] – URL: <http://vaticanstate.ru/lateranskie-soglasheniya/#sthash.xbmImfFx.dpuf>. (Дата обращения 01.01.2015).

БЫТ И ПРАВЫ КИТАЙЦЕВ В XIX ВЕКЕ ГЛАЗАМИ

И. А. ГОНЧАРОВА

Н.К. Трунникова

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, natali.trunnikova@mail.ru

Путевые заметки писателя И.А. Гончарова «Фрегат Паллада» являются ценнейшим историческим и этнографическим источником, в котором, помимо прочего, описываются быт и нравы китайцев середины XIX века. Автор заметок является настоящим мастером художественно–публицистического слова, разносторонне образованным и тонким наблюдателем, от цепкого взгляда которого не ускользают мельчайшие детали увиденного. Безусловно, И.А. Гончаров характеризует и оценивает быт и нравы китайцев с позиции человека, принадлежащего русской культуре. Во многом, описания построены на ярких контрастах, позволяющих отечественному читателю ярко представить себе особенности жизни местного населения.

Общее впечатление, полученное И.А. Гончаровым от пребывания в китайском Шанхае в ноябре – декабре 1853 года, можно охарактеризовать тремя ключевыми словами: бедность, динамика, социальное неравенство. Местные китайцы – это исключительно работной люд, живущий в довольно примитивных условиях и находящийся в услужении у состоятельных европейцев. Он, по меткому выражению автора, «играет роль псов, питающихся крупными, падающими от трапезы богатых, то есть промышляет мелочами, которые европейцы не считают достойными внимания» [1:322]. При этом отмечается исключительная энергия китайцев, которые, вместо того, чтобы роптать на судьбу, «непрерывно копошатся, что-то сгружают, нагружают, куда-то торопят...» [1:333]. Жизнь в китайском квартале протекает словно в оживленном муравейнике. В нем все непрерывно дви-

жется, никогда не приходя в состояние покоя. Такой с виду напряженный ритм жизни китайцев кажется И.А. Гончарову непривычным, совершенно отличным от российского, где все протекает медленно и неторопливо, оставляя человеку время для созерцания и углубленного размышления [1:337].

По наблюдениям И.А. Гончарова, китайцев выгодно отличает сочетание таких черт характера, как работоспособность, жажда непрерывной деятельности, чистоплотность, подчеркнутая сдержанность, учтивость, отсутствие стремления решить дело в свою пользу с помощью наглости и нахальства. И.А. Гончаров неизменно проводит сравнения с российской действительностью, предлагая читателю почувствовать разницу. При этом писатель подмечает преимущественно те моменты, которые положительно отличают китайцев. Показателен такой пример: «Несет ли... носильщик груды кирпичей, они лежат не непосредственно на плече, как у нашего каменщика; рубашка и кафтан его не в грязи от этого. У него на плечах лежит бамбуковое коромысло, которое держит две дощечки, в виде весов, и на дощечке лежат две кучи красиво сложенных кирпичей. С ним не страшно встретиться. Он не толкнет вас, а предупредит мерным своим криком, и если вы не слышите или не хотите уступить ему дороги, он обязательно остановится и уступит ее вам» [1:332]. Лучше, чем у русских обстоят дела у шанхайских китайцев и с чистотой. Несмотря на то, что они постоянно заняты физическим трудом, соприкасаясь с различными нечистыми рабочими материалами, они умудряются жить весьма чисто [1:332–333]. Учтивость и сдержанность китайцев выражается, в частности, в том, что они никогда не бросят насмешливого, недружелюбного взгляда на чужестранца. На их лицах всегда присутствует почтительное и робкое внимание [1:336]. Однако китайцы, несмотря на свое кажущееся простодушие, вполне могут схитрить, гибко и умело обойти писанные и неписанные правила, извлекая для себя, при случае, хорошую выгоду [1:310–311].

И.А. Гончаров выделяет три основных вида хозяйственной деятельности китайцев, проживающих в Шанхае и его окрестностях: ремесленное производство, торговля, сельское хозяйство. Это три классические сферы, характеризующие практически любое традиционное общество, еще не вступившее на путь индустриального развития. Хозяйственная жизнь, несмотря на ее довольно примитивные формы, отличается заметной упорядоченностью и продуманностью организации. При этом отмечается бедность и невзыскательность китайцев.

Так, несмотря на запах, на грязь, писатель обнаружил стройную продуманность полевых угодий. «Поля все обработаны, узор правильных нив красив, как разрисованный паркет» [1:317]. То же и в деревне: «Самые домики из бамбука и без окон, как ни бедны, как ни грязны, но выстроены умно; все рассчитано в них; каждым уголком умеют пользоваться: все на месте и все в возможном порядке» [1:330]. Невзыскательность китайцев обнаруживается, прежде всего, в готовности ремесленников продавать свои высокохудожественные произведения из камня, кости и дерева за бесценок. С.Н. Гуськов, изучивший коллекцию вещей И.А. Гончарова, привезенных им из путешествия, отмечает, что писатель «нигде так много не издержался, как в Шанхае, купив там около ста предметов» [2:297]. И все потому, что цены были невероятно низкими. Автора произведения поразила вопиющая несоразмерность затраченного труда и стоимости: «Ни у кого другого, даже у немца, недостает терпения так мелко и чисто выработать вещь, или это будет стоить бог знает каких денег» [1:324].

Гастрономические пристрастия китайцев автор оценивает почти исключительно через призму опыта и привычек русского человека. Китайская кухня, на взгляд И.А. Гончарова, отличается чрезвычайным обилием всевозможных блюд, разнообразием и экзотическим внешним видом. Но при этом она кажется недостаточно вкусной и потребной для желудка русского человека.

При описаниях вкусовых качеств китайских блюд автор приводит следующие характеристики: «какая – то черная похлебка с кусочками мяса или рыбы, но по вкусу едва ли лучше спартанской» [1:326], «резкий, приторный запах кунжутного масла и шанхайского чеснока» [1:328], «в исполтинских лимонах – апельсинах не обнаружилось ни привычной кислоты первых, ни характерной сладости вторых» [1:327], «экзотические жужубы кажутся совершенно бесхарактерной сладостью, вязнущей в зубах» [1:327–328]. Отдельного внимания автора заслуживают сорта китайского чая. Высоко оценив их вкусовые свойства, он, тем не менее, отмечает, что в Шанхае не умеют по-настоящему наслаждаться этим напитком так, как это делают русские люди в зимнюю стужу. Если в Китае чаепитие – это скорее бытовая рутина, то в России – это важный повседневный ритуал [1: 329].

По результатам своих наблюдений И.А. Гончаров сделал вывод о том, что китайцы, рано или поздно, распространят свое влияние на весь азиатский регион. Предпосылки к этому: исключительно динамичный режим жизни китайцев; сочетание таких черт характера, как позитивный

настрой, гибкость, неконфликтность, настойчивость в осуществлении поставленных целей; готовность много работать, но мало получать за свой труд; быстрое возвышение Шанхая как торговой метрополии, не в последнюю очередь за счет опиумной торговли англичан. Так, автор сообщает: «Страшно сказать вам итог здешней торговли... Тридцать пять лет назад в целый Китай привозилось европейцами товаров всего на сумму около пятнадцати миллионов серебром. Из этого опиум составлял немногим более четвертой части. Лет двенадцать назад, еще до китайской войны, привоз увеличился вдвое, то есть более, нежели на сумму тридцать миллионов серебром, и привоз опиума составлял уже четыре пятых и только одну пятую других товаров. Это в целом Китае. А ныне гораздо больше привозится в один Шанхай» [1:337]. Не раз очень лаконично писатель выражается и относительно китайской экспансии. «Народонаселение лезет из Китая врозь, как горох из переполненного мешка, и распространяется во все стороны, на все окрестные и дальние острова, до Явы с одной стороны, до Калифорнии с другой... Этому народу суждено играть большую роль в торговле, а скорее всего и не в одной торговле» [1: 311].

Таким образом, образ китайцев в описаниях И.А. Гончарова имеет определенно позитивные черты. Изучая своим пытливым взглядом, с позиции убежденного и ревностного сторонника прогресса, хозяйственную деятельность, быт, ментальность и обычаи местного населения, он предсказывает китайцам, несмотря на их общую, на его взгляд, цивилизационную отсталость, большое будущее. В этом смысле, писатель довольно критично настроен к российским реалиям своего времени. Если Китай у него характеризуется безудержной динамикой, то Россия – скорее состоянием инерции.

Примечания.

1. Гончаров И.А. Фрегат “Паллада”. Очерки путешествия в 2-х томах. М., 1976.
2. Гуськов С.Н. Сувениры путешествия // Гончаров И.А. Материалы международной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И.А. Гончарова. М., 2003 // URL:<http://goncharov.lit-info.ru/goncharov/articles/guskov-suvenir-y-putehestviya.htm> (Дата обращения: 04.05.2015).
3. Краснощекова Е. «Фрегат “Паллада”» в творчестве И.А. Гончарова // Гончаров И.А. Фрегат “Паллада”. Очерки путешествия в 2-х томах. М., 1976. Т. 2.

4. Кузес В.С. Шанхайское восстание «Союза малых мечей» (1853 – 1855 гг.). М., 1985.
5. Муравейский С.Д. И.А. Гончаров и его плавание на фрегате «Паллада» // Гончаров И.А. Фрегат “Паллада”. М., 1949 // URL:<http://geoman.ru/books/item/f00/s00/z0000072/st016.shtml>// (Дата обращения: 02.05.2015)
6. Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин (XVI – начало XX вв.). М., 2005.
7. Ничипоров И.Б. Образ «человека путешествующего» в творческом восприятии И.А. Гончарова: «Фрегат “Паллада”» // URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37180.php> (Дата обращения: 26.04.2015).
8. Полевой В.П. Экспедиция Е.В. Путятина и ее задачи. Хабаровск, 1980.
9. Рыбасов А.П. И.А. Гончаров (1812 – 1891 гг.). М., 1957 // URL: http://az.lib.ru/g/goncharow_i_a/text_0410.shtml (Дата обращения: 29.04.2015).
10. Цейтлин А. «Фрегат “Паллада”» // Гончаров И.А. Фрегат “Паллада”. Очерки путешествия в 2-х томах. Т. 2. М., 1952.

Раздел III. ВУЗ и школа: первый опыт научных изысканий

ПАМЯТЬ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В ФАЛЕРИСТИКЕ

Кирюшчев И.О., Курасов С.А.

*МБОУ СОШ № 15 г. Владимира, Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Россия, kurasov-serg@mail.ru*

Современному человечеству важно сохранять память об исторических событиях и людях, принимавших в них участие или имеющих к ним отношение. Это делается не только с помощью книг и фильмов, но и отражается в наградах, изучением которых занимается фалеристика. Юбилейные награды вручаются по случаю торжественного события в стране, и Победа в Великой Отечественной войне – не исключение. Стоит отметить, что изучением этих наград практически не занимаются.

Поэтому цель данной работы проанализировать отражение памяти о Второй мировой войне в фалеристике.

Все государственные награды Российской Федерации являются высшей формой поощрения граждан за выдающиеся заслуги в защите Отечества, государственном строительстве, экономике, науке, культуре, искусстве, воспитании, просвещении, охране здоровья, жизни и прав граждан, благотворительной деятельности. В наградной системе нашей страны особое место занимают юбилейные награды.

Всего юбилейных наград, посвященных Великой Отечественной войне в нашей стране - 7, вручавшиеся на 20-ти, 30-ти, 40-ка, 50-ти, 60-ти, 65-ти и 70-ти-летие Победы.

Медали в определенном порядке носят друг за другом на левой стороне груди. Вручаются они всем участникам военных действий на стороне Союза ССР, партизанам, а также другим лицам, награждённых медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». С 30-ти лет Победы, вручаются также труженикам тыла. С 50-тилетия к списку прибавились бывшие несовершеннолетние узники концлагерей, гетто и других мест принудительного содержания, а также граждане, проработавшие не менее шести месяцев в период с 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 года, исключая время работы в районах, временно оккупированных неприятелем. Вручению медали 60-ти-летия стали достойны граждане иностранных государств, сражавшиеся в составе воинских национальных формирований в рядах Вооруженных Сил СССР, в составе парти-

занских отрядов. Начиная с медали 65-ти-летия Победы, награды удостоиваются еще и дети войны.

Металлические знаки круглой формы имеют изображения, связанные с войной. На аверсе (лицевой стороне) медалей изображен памятник советскому воину-освободителю в Трептов-парке (20 лет), «Родина-Мать» на Мамаевом кургане в Волгограде (30 лет), скульптурная группа солдата, рабочего, колхозницы и Спасской башни Московского Кремля (40 лет). В 1995 году отчеканили медаль с видом Кремлевской стены со Спасской башней, собора Покрова на рву и праздничного салюта. Однако на круглом знаке можно увидеть орден Отечественной войны. На всех медалях изображены либо известные скульптуры или архитектурные памятники, которые являются символами Великой Отечественной войны. Медаль «50 лет Победы» является своеобразным переходом, т.к. на последних медалях подход к оформлению аверса изменился: в центре теперь боевые награды: ордена Победы (60 лет), Славы I степени (65 лет) и Отечественной войны I степени (70 лет).

На оборотной стороне размещена надпись «УЧАСТНИКУ ВОЙНЫ» или «УЧАСТНИКУ ТРУДОВОГО ФРОНТА». Посередине – официальное название медали. На знаках, отчеканенных для награждения иностранных граждан, надписи на реверсе медали отсутствуют. Стоит отметить, что все изображения и надписи на медалях – рельефные, а сами медали имеют бортики.

Колодки, к которым крепятся медали, оформляются по-разному, но всегда используется красный цвет, а также с 1975 года георгиевская лента. В геральдике (науке о гербах) красный цвет символизирует храбрость, смелость, мужество, неустрашимость, право, огонь, теплоту, любовь, великодушие. Зеленый – надежду, радость, изобилие, свободу, здоровье. Пурпурный – достоинство, силу, могущество, благочестие, умеренность, щедрость. Традиционное толкование цветов Георгиевской ленты утверждает, что чёрный цвет означает дым, оранжевый — пламя. Хотя в геральдике чёрный цвет символизирует траур, благоразумие, смирение, постоянство в испытаниях, скромность, образованность, осторожность, мудрость. Оранжевого цвета нет в геральдике, но первоначально у ленты ордена святого Георгия был золотой цвет – символ богатства, справедливости, верховенство, величие, уважение, великолепие, силу, верность, чистоту, постоянство, могущество, знатность, веру, милосердие, смирение.

Изображения и значение цветов отражает целую систему принципов в оформлении юбилейных наград, где особое место занимают символы Великой Отечественной войны и качества народа, выстоявшего в жестокой схватке.

Наряду с государственными наградами в России есть памятные юбилейные медали у различных субъектов федерации. Таковые появились к 60-летнему юбилею в Якутии [5], Санкт-Петербурге и Ленинградской области (В честь 60, 65-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады) [6]. Затем к ним присоединились Брянск (65,70 лет освобождения Брянской области) и Тула (В честь 70-летия обороны Тулы и начала контрнаступления под Москвой) [6]. Как правило, изображаются символы и памятники регионов (синий фианит, символизирующий якутский алмаз, Петропавловская крепость, Адмиралтейство, скульптурные композиции в Туле и Брянске). Медали носят на левой стороне груди ниже государственных и ведомственных наград.

С распадом СССР участники войны оказались в других странах, где память о тех событиях тоже сохраняется. Дедушка Игоря Кирюшчева имеет медали Казахстана и Украины. Как правило, Совет глав государств СНГ утверждает единую юбилейную медаль, которую производят в России [3]. При этом ряд стран в 2013 году подписали решение с оговорками, так Молдавия при изготовлении юбилейной медали придерживается собственного дизайна, исключая изображение серпа и молота. На медали мы видим вечный огонь мемориального комплекса «Eternitate» и годы начала и окончания войны (1939-1945). В этой стране к 60-летнему юбилею окончания Второй мировой войны была выпущена медаль Военный крест с гербом государства [4]. Республика Узбекистан также в 2015 году выпустила собственную медаль с изображением монумента «Мотамсаро Она» («Скорбящая Мать») у Вечного огня мемориального комплекса «Хотира майдони» («Площадь памяти»). На колодке цвета государственного флага [7].

Украинские образцы наград 60-ти и 70-ти-летия Победы тоже отличаются от общепринятых главами стран СНГ. В нынешнем году Украина отказалась делать многоцветным изображение ордена Отечественной войны. Юбилейная медаль «60 лет освобождения Украины от фашистских захватчиков» на лицевой стороне — изображение воина-освободителя, которого приветствует цветами девушка, на фоне памятника Богдану Хмельницкому в городе Киеве и праздничного салюта. В левой части медали —

изображение башен Софийского собора и надпись «1944-2004». На лицевой стороне медаль «70 лет Победы над нацизмом» помещено изображение Знака Княжеского Государства Владимира Великого (малый Государственный герб Украины), ниже — в две строки надписи чёрным цветом «1945», «2015» и стилизованное изображение лавровой ветви по кругу, которые наложены на схематическое изображение свитка; справа — изображение монумента-скульптуры «Родина-мать» в Киеве. Лента содержит цвета национального флага. Годом раньше вручалась медаль в память об освобождении Украины в 1944 году от фашистских войск. Отметим различия колодок. Если в 2014 году она имело форму традиционную для нашего государства, то в нынешнем году заимствован европейский образец.

В Белоруссии наряду с утвержденной странами СНГ медалью вручается своя юбилейная медаль, на которой изображены национальные символы (монумент славы в Минске) и в оформлении используются цвета георгиевской ленты, флага и медали партизану отечественной войны, что подчеркивает особенность территории.

В Израиле от имени министерства обороны вручается медаль, посвящённая 60-ти и 65-ти-летию окончания Второй мировой войны. В оформлении использовались флаги государств-союзников: СССР, США, Великобритания и Франция [2].

К сожалению, юбилейные награды становятся средством политики, где ярко проявляются национальные элементы (флаг, название), а не историческое единство народов в борьбе с врагом. Неизвестно, будут ли выпускать еще медали, посвященные юбилею Победы, но ясно одно, что для людей, переживших ужасы войны, они имеют особое значение. И наш долг понимать и уважать их подвиг.

Примечания:

1. Банк законов Республики Беларусь (официальный сайт). URL: <http://old.bankzakonov.com> (дата обращения 1 ноября 2015).

2. Бернштам В. Израильские награды для участников Второй мировой войны // Петербургский коллекционер. 2006. № 2 (47). С. 10.

3. Интернет-портал СНГ (официальный сайт). URL: <http://www.e-cis.info> (дата обращения 14 октября 2015).

4. Награды мира (сайт). URL: <http://wawards.org/index.html> (дата обращения 24 октября 2015).

5. Описание юбилейной медали «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» Республика Саха (Якутия) (официальный

информационный портал республики Саха-Якутия). URL: <http://www.sakha.gov.ru/node/2032> (дата обращения 24 октября 2015).

6. Государственная система правовой информации. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 2 ноября 2015).

7. Указ Президента Республики Узбекистан «О награждении памятной юбилейной медалью «Иккинчи жахон урушидаги ғалабанинг 70 йиллиги» граждан республики Узбекистан – ветеранов войны и трудового фронта 1941 - 1945 годов» // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2015. № 8. С. 90.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айрис Александр Остин - докторант Отделения религиоведения Университета Вандербилт, Нэшвилл, штат Теннесси, США.

Дэвис Вики - доктор наук, Лондонский университетский колледж, Великобритания.

Майклсон Дэвид Аллен - профессор Богословской школы и Отделения религиоведения Университета Вандербилт, Нэшвилл, штат Теннесси, США

Сакларидис Теодора Каллиона - магистрант Центра латиноамериканских исследований Университета Вандербилт, Нэшвилл, штат Теннесси, США.

Шварц Дэниэл Л. - профессор Отделения истории Техасского университета А&М, Колледж-Стейшн, штат Техас, США.

Алексеева Екатерина Вадимовна – студентка 5 курса очного обучения Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Алентьева Татьяна Викторовна - д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории Курского государственного университета.

Аронина Наталья Викторовна – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Владимирского университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Базин Олег Александрович - к.и.н., доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Государственного социально-гуманитарного университета.

Гусева Екатерина Сергеевна - студентка 4 курса очного обучения Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Данилова Валерия Юрьевна – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Владимирского университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Ерохин Владимир Николаевич - д.и.н, доцент, профессор кафедры документоведения и всеобщей истории Нижневарттовского государственного университета.

Ионова Екатерина Николаевна – старший преподаватель кафедры второго иностранного языка Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Каркозашвилли Нелли Шалвовна - к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

Кирюшчев Игорь Олегович - ученик 10 класса МБОУ «СОШ № 15» г. Владимира.

Клюквин Михаил Андреевич - аспирант кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Ковалев Максим Александрович – учитель истории и обществознания МБОУ «СОШ № 29», аспирант кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Короткова Светлана Александровна - к.и.н., доцент, НИУ-ВШЭ, департамент политической науки

Красильщикова Татьяна Владимировна– к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Владимирского университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Лапшина Ирина Константиновна – д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Лычагина Елена Сергеевна - студентка 6 курса заочного обучения Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Макеев Дмитрий Алексеевич – д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Матвеева Наталья Андреевна - студентка 2 курса очного обучения Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Модина Елена Александровна - студентка 2 курса очного обучения Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Мысина Евгения Владимировна - студентка 4 курса очного обучения Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Некрасов Андрей Анатольевич к.и.н., доцент Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова.

Орлов Сергей Константинович – студент 6 курса заочного обучения Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Осяев Александр Геннадьевич – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Рогачева Елена Юрьевна - д.и.н., профессор кафедры педагогики Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Рябинина Наталья Валерьяновна - к.и.н., доцент Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова.

Скоробогатых Наталья Сергеевна - к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Соколов Александр Станиславович - д.и.н., доцент, зав. кафедрой Истории и философии Рязанского государственного радиотехнического университета.

Трунникова Наталья Константиновна - студентка 6 курса заочного обучения Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Филимонова Мария Александровна - д.и.н., Курская академия государственной и муниципальной службы.

Черемных Светлана Анатольевна - доцент кафедры международного туризма и межкультурной коммуникации Муромский филиал Московского психолого-социального университета.

Щербаков Вячеслав Юрьевич – к.и.н., доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений Южного Федерального университета.

Научное издание

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И РОССИЯ

Материалы IV Международной научно-практической конференции

13 ноября 2015 г.

Издаются в авторской редакции

За содержание статей, точность приведённых фактов и цитирование
несут ответственность авторы публикаций

Подписано в печать 26.10.16.

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 8,60. Тираж 300 экз.

Заказ

Издательство

Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600000, Владимир, ул. Горького, 87.